

P29p
C37

С О Временные
Л И тераторы
Р оссии

Альфред Симонов

Подсказка ангела

Лирические повести

March
1-08 99

The
a
h
l
S
P
L
L
L
L

«СОВЛИР»
Серия основана в 2009 году
Выпуск № 1

P2 9p
C371

Альфред
СИМОНОВ

**ПОДСКАЗКА
АНГЕЛА**

Лирические повести

Издательство
«Ещё не поздно!»
ЯРОСЛАВЛЬ
2009

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

-167227-3

УДК 351.746.1(47+57)

ББК 67.401.132(2)

С 37

Альфред Николаевич Симонов

С 37 Подсказка ангела. Лирические повести. / А.Н. Симонов - Ярославль: издательство «Ещё не поздно!», серия «СОВЛИР», выпуск №1, 2009. - 216 с.

*Этой книгой издательство открывает серию
«СОВЛИР» (Современные Литераторы России)*

Серия «СОВЛИР» основана в 2009 году. В её создании участвуют: **В.Н. Самознаев** - директор издательства; **Е.Ф. Чеканов** - основатель серии, председатель редакционной коллегии, член Союза писателей России.

ISBN 978-5-904457-01-3 (издательство «Ещё не поздно!»)

© А.Н. Симонов, 2009 (текст)

© Издательство «Ещё не поздно!», 2009 (макет)

ПОДСКАЗКА АНГЕЛА

Повесть

I

Осень влезла в середину лета, как наглая тетка в длинную очередь жарких солнечных дней, уверив всех, что она тут стояла.

И сразу стало пасмурно и холодно. Мелкие прозрачные зернышки осеннего дождя заседали огромные пространства среднерусских полей и дорог. Поля, перелески, деревни лениво сменяли друг друга на этих пространствах, словно подчиняясь раз и навсегда установленному ритму неторопливо текущего времени.

Заволгин пристроился в хвост к огромному большезузу, который покорно тащил свой ясак из провинции в сторону Москвы. Какое-то время они плелись вместе, но километров через пятнадцать тяготящего пути водитель авточудища решил, видимо, перекусить в придорожном, сбитом из корявых досок, кафе. Андрей никогда бы не решился даже заглянуть в такую харчевню, где запросто можно отведать шашлык из какой-нибудь несчастной дворняги, но его собрат по трассе был, видимо, не столь притязателен. А может,

просто очень захотел есть. Как бы там ни было, он освободил Заволгину путь, лихо притормозив у самого мангала, где кудрявый черноволосый парень поджаривал на огне куски мяса.

Парень был похож на древнего грека, какими их изображали на краснофигурных амфорах, и делал свое дело с таким усердием, словно собирался доставить удовольствие не проголодавшимся водителям, а самим Олимпийским богам.

Андрей, однако, не соблазнился возможностью вот так, запросто, присоединиться к сонму небожителей. Обрадовавшись, что очередь рассосалась, он сделал движение «тапку в пол» и его «Форд» мигом набрал привычную скорость. Поля, перелески, деревеньки с редкими полуразрушенными церквушками рванулись назад так ретиво, словно хотели догнать прошлое. То прошлое, где леса были гуще, поля тучнее, деревеньки добротнее, где люди жили дольше. Вот только счастливее ли? Спросить-то не у кого...

Несколько секунд он дышал воздухом свободы и счастья. Но вот уже и новая очередь из десятка машин, тянущихся за тяжелодышащим лесовозом. «Ну, кто крайний?» — поневоле вырвалось у Андрея. Он встал за светло-зеленым раздолбанным «Москвичом». Господи, опять очередь! Как они надоели. При Советской власти они были в России прямо-таки образом жизни — потому, что были почти всегда и почти за всем. И сейчас никуда не исчезли, хоть и

стали другими: за дешевым хлебом, за супердорогими ипомарками... Или вот, как сейчас, на дорогах.

Андрей хорошо помнил свои первые очереди. Мать, идя в магазин, часто брала его с собой, поскольку на двоих, если где-то давали дефицит: конфеты, сахар, колбасу, или еще что-то, можно было получить двойную порцию. Одному человеку двойную порцию ни один продавец не отпустил бы. «Не больше 1 кг в одни руки» — этот лозунг, висевший в магазине напротив другого, «Победа коммунизма неизбежна!», маленький Андрияша Заволгин читал ежедневно, с тех самых пор, когда научился складывать из букв слова. И воспринимал магазинные лозунги как одно целое. Впрочем, в этих постулатах, — и в первом, и во втором, — мало кто сомневался в их городке.

Очереди были привычны настолько, что воспринимались порой как часть городского пейзажа, его структурный элемент. Внутри каждой из них была, в свою очередь, своя структура: длинное, вытянутое в нитку скопище людей быстро самоорганизовывалось. Как-то сам собой выдвигался человек, которому все доверяли, и он наблюдал за порядком следования, чтобы никто лишний не влез. В качестве привилегии такому человеку полагалась двойная порция дефицита, и он, облеченный доверием народным, тут же начинал «давить» нарушителей, стараясь угодить нервным людям из очереди.

Андрею вспомнилось, как его однажды в такой ситуации «одожила» знакомая матери – молодая, растерявшаяся, видимо, от неустроенности жизни женщина в застиранной красной кофте, стоявшая чуть впереди них. Ей хотелось купить побольше конфет, а своих ребятишек, как на грех, она оставила дома, с бабушкой. Андрей, повинувшись материнскому согласному кивку, встал тихонько рядом с красной кофтой, но бдительный наблюдатель, оправдывая доверие взвинченных ожиданием людей, мгновенно углядел непорядок. Женщине-то дали двойную порцию, но когда очередь, наконец, дошла до Заволгиных, на Андрея конфет не продали.

Он помнил, что они с матерью тогда даже не очень обиделись. Ведь это было справедливо. Неприятно, но справедливо.

Однако, он помнил и то, что, вопреки лозунгу, конфет давали только по полкило, а не по килограмму в одни руки. Уже одно это способно было породить даже у ребенка сомнение в истинности второго лозунга – о неизбежности коммунизма.

И название этих конфет он помнил до сих пор – «Чио-Чио-Сан». И даже иногда, с грустью вспоминая эту историю, пытался уразуметь, кто же из поселковых ребятишек слопал тогда его «Чио-Чио-Сан»...

В самом этом названии – «Чио-Чио-Сан» – была какая-то сладкая тайна. Только спустя много лет он уз-

шла, что это было имя персонажа оперы «Мадам Баттерфляй».

А однажды, еще лет через десять, он встретил в супермаркете те самые конфеты – и не удержался, купил. Еще в магазине, открыв пакет, съел одну конфетку. Вкус детства... он не изменился. И как же был удивлен Андрей, когда домашние к этим сладостям не притронулись. А он даже выложил их в изящную чешскую вазу на кухонном столе, где всегда у них дома лежат какие-нибудь вкусности. Но так они и засохли, его «Чио-Чио-Сан», и в результате символ его детской мечты оказался в мусорном ведре.

– Вечно ты покупаешь всякую дрянь, которую никто не ест. Все-таки, Андрейюша, ты природный плебей, – посетовала жена.

– Да уж, не из графьев, – ответил он ей тогда. И даже, помнится, здорово обиделся.

«Трогательная история, не разрыдаться бы», – подтрунил над собой Андрей, выплывая из воспоминаний. Он и сам не заметил, как лесовоз остался далеко позади. Дорога очистилась, но зато дождь уже не накрапывал, а лил по-хорошему. Поэтому, заметив «голошущую» молодую женщину, стоящую около автобусной остановки без зонта, Заволгин решил притормозить.

– Садитесь, если нам по дороге, – великодушно предложил он изрядно промокшей женщине, весьма,

кажется, обрадованной тем, что кто-то все-таки рядом с ней остановился.

– Мне до Яковлевского, это недалеко...

– Я знаю это село, до него еще километров десять.

Садитесь, поехали!

Женщина, сказав почему-то «мерси» вместо «спасибо», неторопливо забралась на переднее сиденье и дисциплинированно пристегнула себя ремнем безопасности, чем сразу расположила Андрея к себе.

– Первый раз встречаю такую аккуратную пассажирку. Обычно приходится напоминать...

– Да я привыкла, ездить много приходится, сама вожу машину, а сегодня вот – сплошная невезуха. Так, кажется, говорят? Своя – в ремонте, а такси довезло до этого места и тоже сломалось, что-то с тормозами. Вон оно стоит, ждет автосервис, – все это она выпалила, как одну фразу. И показала Андрею на серебристый «Мерседес», приткнувшийся к обочине недалеко от остановки. Около такси стоял водитель, немолодой мужик в желтой футболке с надписью по английски «Я – лучший» и с кем-то нервно общался по мобиле, для убедительности размахивая свободной рукой, как будто собеседник стоял рядом с ним.

– Бывает, – вздохнул Андрей, – починится...

Его «Форд» снова начал глотать, как голодная собака куски мяса, километр за километром. Федеральная трасса была узкой, еле-еле разъехаться двум машинам, приходилось пристально следить за дорогой. Да и женщина, выдав обязательный в таких случаях мини-

мум информации о себе, не проявляла больше ни малейшего желания продолжить разговор. Она сосредоточенно молчала, думая о чем-то своем, и то и дело поглядывала в боковое стекло, боясь, видимо, пропустить свое Яковлевское.

Наконец, молчание стало нестерпимым. Взглянув мельком на пассажирку, Андрей шутливо заметил:

– Не мучайтесь, не высчитывайте, сколько вы мне должны. Денег я с вас не возьму. Так что, расслабьтесь и думайте о чем-нибудь хорошем...

Он нажал кнопку – и салон наполнили мелодии Поля Мориа, его любимые. Подумав несколько секунд, он решил, что музыка звучит громковато – и убавил звук.

– А я считала, что с приходом капитализма бесребренники перевелись в вашем отечестве, – ответила она замысловатой фразой, причем, Андрей уловил в ее речи какой-то едва заметный акцент: она слегка грассировала.

– Я – последний... или предпоследний! – засмеялся он. – Кстати, что вы забыли в этом Яковлевском? На сельчанку или дачницу вы мало похожи. В нашем отечестве они выглядят иначе. Лица у них другие. Думы о павозе...

– Я должна заплатить за проезд исповедью?

Андрей опешил. Помолчав с минуту, он все-таки решил ответить:

– Острый у вас язычок! Ну, не хотите, не говорите – мне, в конце концов, все равно, кто вы и чем занимались до семнадцатого года...

– Обидчивому человеку нелегко живется на свете, – заметила женщина с иронией и, достав зеркальце, стала приводить в порядок свои мокрые, золотистые, вьющиеся волосы.

– Да вы психолог, я смотрю. Но наш диалог, кажется, не будет иметь продолжения вон ваше Яковлевское, уже виднеется, – кивнул головой Андрей в сторону далекой колокольни.

Он остановил машину у развилки. Примыкающая к шоссе дорога, еще более узкая, с угадывающимися остатками серого асфальта, сквозь который кое-где пробивались сорняки, вела в сторону Волги. Река еле проблескивала за огромным некошенным полем с высокой перестоявшейся травой, никому уже не нужной. Ни одной, даже самой тощей коровенки нигде не было видно. Как и косарей.

– Ну вот, я и у цели, – удовлетворенно вздохнула женщина. – Мерси, месье. Кстати, если вы пожалели о своем великодушии – вот деньги. – Покопавшись в сумочке, она протянула ему десять евро. – Извините, я не успела поменять. Вернее, те, что меняла, закончились. Этого достаточно? Вы скажите... Я не очень ориентируюсь в ценах.

– Ну, миллиона было бы достаточно, а так... Я ведь с сегодняшнего дня в отпуске и могу позволить себе жест бескорыстия. Знаете, что? Купите себе на эти деньги кило конфет «Чио-Чио-Саб»... в память о моем трудном детстве, – вспомнил он почему-то свои недавние размышления.

– А разве есть такие конфеты? Какое чудное название! А они вкусные? – вдруг опять разговорилась она.

– Есть такие, есть. Причем, вкус их обостряется, если за ними постоять часа два в очереди. После этого вы испытываете то самое, райское наслаждение... «Баушти» отдыхает! Будь я коммерсантом, устроил бы платный экстрим для иностранцев: очередь за конфетами «Чио-Чио-Сан» в маленьком русском городке, со скандалами и мордобоем. Вся интрига состояла бы в том, на ком конфеты закончатся. Если ты последний, кому они достались, то испытываете настоящий кайф. Сравнить не с чем...

Он балагурил, сыпал словами, ловя себя на мысли о том, что ему хочется еще немного побыть рядом с этой ироничной и странной женщиной, судя по всему, русской, но живущей не в России. Каким ветром занесло ее в эту глушь?

– А красивое место, – заметил он, оглядевшись по сторонам. – Я его как-то раньше не замечал, хотя частенько езжу мимо... Так вам туда, на берег? Это еще километра три, не меньше, – сказал он, с сомнением взглянув на ее, по-видимому, очень дорогие туфли. – Экипировка у вас, скорее, для светской тусовки, а не для похода по нашей глубинке. Что-то вы не додумали...

– Ничего, теперь доберусь, – ответила она, перехватив его взгляд, – тем более, что и дождик закончился. Главное – я здесь! Для меня это очень важно.

– Ладно, – решил Андрей, – добрые дела не бросают на половине. Садитесь-ка в машину, я довезу вас

вон до той церквушки. Она, похоже, на самом берегу, в центре села.

– А мне как раз туда, – обрадовалась женщина. – Вас, наверное, ангел мне послал! Он вам ничего не прошептал на ухо?

Она сказала это почти серьезно.

– Не знаю... Мой ангел, кажется, отмолчался на этот раз, – пошутил Заволгин. – А вот ваш, может быть, и остановил меня на трассе. Хотя... У ангелов, наверно, одинаковые голоса, как их различить?

И они снова сели в машину, вполне довольные друг другом. Женщина заметно повеселела. И впрямь – кому понравится тащиться по лужам в такую даль.

Через несколько минут езды по ухабистой дороге «Форд» остановился около небольшой, хорошо выкошенной, ярко-зеленой полянки, за которой виднелась утоптанная тропа, ведущая к полуразрушенной, мрачноватой церкви. Храм божий стоял чуть поодаль от потемневших домов, среди которых Андрей не заметил ни одного нового. Посередине полянки щипала траву коза, прикованная к забитому в землю колу внушительной цепью, способной удержать на якоре не то что бедное животное, а и небольшой катер.

– Ишь ты, Прометей рогатый, за что тебя так? – продолжая балагурить, посочувствовал Андрей козе. – На такую цепь, наверное, раньше быка сажали... Но

зачем бык, раз нет коров, — сделал он философский вывод.

— Ну, что, я приехала. Вот и все!

Она смотрела на него так, как обычно смотрят на случайных знакомых, с которыми встретились, поговорили ни о чем и забыли через минуту, поскольку никто никому ничего не должен. Никакой искорки интереса между ними, кажется, не пробежало. По крайней мере, с ее стороны. Может быть, именно это и удерживало Андрея от того, чтобы сразу распрощаться и уехать. А может, еще что-то, чему нет ни названия, ни объяснения.

— Что это за церквушка? — чуть помедлив, спросил он. — Вы, наверное, знаете, раз специально сюда приехали?

Женщина, роясь в сумочке и уже, видимо, почти забыв о нем, рассеянно пробормотала:

— Да, конечно... Основана в одна тысяча семьсот семьдесят седьмом году. Построена в стиле русского классицизма... — И, немного помолчав, найдя в сумочке, наконец, то, что она искала (крохотную цифровую камеру), добавила:

— Она очень красиво смотрится с Волги. Особенно звонница. Видите, какая она высокая! Ее очень далеко видно.

— Да, почти как в Петропавловской крепости в Питере.

— Так и есть, очень похоже, — она взглянула на него с интересом.

– И год основания счастливый, – продолжал Андрей втягивать ее в разговор. – Говорят, три семерки – к удаче... Знаете, в этом году все молодожены стремились пожениваться, наверное, седьмого числа, седьмого месяца. Ведь год-то у нас – две тысячи седьмой! Но, судя по всему, этой церквушке не повезло, несмотря на три семерки. Пообещала. Наверное, склад какой-нибудь был в советское время. Эге, да тут, кажется, началась реставрация! Вот, смотрите-ка, леса с двух сторон. Значит, не все пропало. А то жаль, если канет в Лету такая красота. А сколько таких же по всей России, не считано...

Он посмотрел на женщину, которая уже нетерпеливо поглядывала в сторону храма, откуда он проговаривал свой немного вычурный, с гражданской слезой, монолог. И неожиданно произнес:

– Может, и я с вами пройдусь? А то, когда еще сюда попаду... Скорее всего, никогда.

– Что ж, пойдете, – неожиданно просто ответила его пассажирка.

Миновав поляну с закованной в кандалы козой, похожей издали на горку снега на зеленой траве, они приблизились по вытоптанной дорожке к церкви. Около храма высились аккуратно сложенные штабеля бревен, добротных, пахнущих елкой, досок и красных кирпичей. Чуть поодаль курили трое хмурых, по погоде, мужиков, одетых в замызганные синие комбинезоны. Они о чем-то негромко разговаривали между собой, но без обычного в таких случаях мата. То ли приближающейся женщины стеснялись, то ли место обязывало.

Спутница Андрея, подойдя, завела со строителями, – судя по всему, старыми ее знакомыми, – какой-то разговор, который Заволгину был неинтересен, и он пошел осматривать полуразрушенный храм самостоятельно, старательно обходя мелкиеужицы.

– Внутрь не заходите! – крикнул ему самый старый из мужиков, по-видимому, бригадир. – Тут все ветхое, но кирпичи добротные. Упадет один на голову – и сразу в рай! Без очереди...

– Да уж, время здесь поработало!

– Красные здесь поработали, а не время, – буркнул самый молодой из строителей, недобро глянув на Андрея.

– Ну, у вас и терминология, с запахом гражданской войны, – пошутил тот. – А я вот думаю, что здесь местные мужики полжютовали, когда стало все можно. Даже колокола куда-то уволокли...

167 227 - 3

Он вплотную подошел к звоннице. Она действительно уходила ввысь на головокружительную высоту. Шпиль ее, обернутый позеленевшими, кое-где отставшими медными листами, оставался таким же прямым, каким был два века назад, и напоминал антенну, нацеленную в небо. Зачем эта антенна? Чтобы принимать сигналы «оттуда» или чтоб посылать «туда» свои? Сколько молитв, жалоб, благодарностей, просьб, обетов улетело здесь в небо.

Содержание: ... рождение души ...
17
... бытие ...
... Д. Я. ...

Прямо от колокольни открывался вид на Волгу. Шпиль, похоже, был виден за многие километры от этого места, и в прежние времена эта звонница служила, скорее всего, еще и навигационным знаком для волжских парусников и пароходов. Пейзаж, открывавшийся с горы, просто завораживал. Андрей стоял и зачарованно смотрел на всю эту красоту, на русский простор, впервые в жизни начиная осознавать истинный смысл старого слова, почти исчезнувшего из лексикона тех, кто не сидел — «воля». То, что он сейчас видел — это была воля! Вечно юная русская мечта...

В такие минуты он всегда искренне сожалел, что Бог не дал ему дара художника, который бы позволил сделать то, о чем так хлопотал Фауст — остановить мгновение. Впрочем, Фауст не туда посылал свои молитвы...

Внезапно выглянуло солнце, и всё вокруг, — река, поля и леса, — мгновенно переделось в яркие одежды, засверкав всеми оттенками зеленого и голубого. Это мгновение было прекрасно и неостановимо.

— Что, засмотрелись? — услышал он за спиной голос своей пассажирки. — Неудивительно. Тот, кто выбирал место для храма, понимал толк в красоте. Недаром он был крупным петербургским сановником, а заодно и здешним помещиком...

Андрей обернулся. Она стояла рядом и пристально смотрела на него. Впервые у него появилась возможность как следует разглядеть эту женщину, но он не стал этого делать, только мельком скользнул по ней

ви рядом. В людном большом городе он вряд ли выделял бы ее из толпы, но здесь, где не было бесконечного мелькания лиц, она казалась очень привлекательной. Намешшливое выражение голубых глаз говорило о том, что Андрей имеет дело совсем не с простушкой, какой она могла бы показаться кому-то. Это проявлялось и в одежде – одета она была неброско, но с какой-то очень продуманной простотой, с тем шармом, который обычно дается либо от природы, либо достигается длительным воспитанием. Глаз на это у Андрея был наметанный.

– Здесь есть еще очень интересное старинное кладбище. Не хотите взглянуть, пока плиты еще не расгнили? Заступить-то за них, – она махнула рукой в сторону кладбища, – некому...

Женщина выжидательно смотрела на него, и Андрей, уже не обольщаясь на свой счет, понял, почему.

– Не большой я любитель этих печальных мест, но, если вам так страшно – пойдете вместе. Все равно я сам напросился побродить здесь с вами.

– Нет, я не боюсь. Старые кладбища совсем не страшные, – она сказала это так по-детски простодушно, что Андрей подумал про себя: «Девчонка ты еще, хоть и стараешься выгладеть практичной и выдавшей виды дамой...»

Они пошли среди немногих сохранившихся гранитных плит, с трудом разбирая полуистертые временем надписи. Андрея поразило, как много здесь покоится долгожителей. Почти везде он читал: «Жития его

(или ее) было восемьдесят восемь (а то и девяносто!) лет».

– Местность здесь, видимо, здоровая, – заметил Андрей, – долго люди жили, почти как на Кавказе. Кстати, и мужики тоже. Не то, что сейчас. Пятьдесят шесть – и гуд бай, Раша. И бабенка с косой шепчет: «Твоя очередь». Пили они в те времена меньше, что ли? Вы, как я понял, знаток здешней старины, ответьте: правда ведь? – спросил он, не рассчитывая на ответ, который и сам неплохо знал.

Женщина только кивнула в знак согласия, не проявляя особого интереса к актуальной теме и продолжая фотографировать своей крохотной цифровой камерой надписи на плитках. Похоже, она работала, а не просто любопытствовала, как ему показалось сначала. Поскольку Андрей был рядом, она, видимо, успокоилась, а успокоившись, опять забыла о нем, увлекшись своим занятием.

Заволгину, честно говоря, хотелось поскорее уйти с этого старинного, заросшего бурьяном кладбища. Несмотря на пасмурную погоду и опять заморосивший мелкий дождик, настроение у него все-таки было отпускное, и ему очень не хотелось потерять в себе ощущение то радости и свободы, которое он испытал, как только сел за руль своего «Форда». Он очень хотел выполнить то, что наметил – уехать километров за триста от дома в маленький, уютный и очень дорогой пан-

снится, где его ждали две недели тишины, комфорта и беспроблемной жизни.

Вот там бы побродить с этой симпатичной женщиной, говорящей с таким очаровательным акцентом. И если бы для разговора нашлись, он бы уж постарался. И номерочек у него там заказан люксовый, как раз для записных бесед... А тут – какое-то мрачное, заросшее бурьяном, местечко. Здесь, конечно, хорошо о вечном думать, но что-то не хочется, не ко времени...

Размышляя таким образом, он подошел к памятнику в виде часовни из черного гранита, который как раз в это время фотографировала его спутница. Склонившись над плитой, с большим трудом разобрал надпись на мокром, треснувшем в нескольких местах памятнике – и прочитал вслух: «Его сиятельство граф Заволгин...». Больше ничего разобрать было невозможно. Андрей, очень удивившись, еще раз перечитал надпись и громко произнес, обращаясь к женщине, которая, закончив съемку, достала платочек и стала протирать плиту:

– Надо же, однофамильца встретил! Вот так дела... Какая неожиданность. А может, и не однофамильца? Тогда в семейные предания можно внести коррективы...

– А как ваша фамилия? – быстро спросила женщина, впервые, пожалуй, с неподдельным любопытством посмотрев на него.

– Да вот, как и этого графа – Заволгин. А зовут меня, уж кстати, Андрей.

– Наконец-то, вы догадались представиться, – впервые за все время общения улыбнулась попутчица. – А меня зовут Летиция, – и она протянула ему руку, холерную руку молодой женщины, никогда не державшую ничего тяжелее лейки с водой для полива цветов. Правда, как он мгновенно заметил, маникюр на ногтях кое-где начал осыпаться, а длинные тонкие пальцы, спрятавшиеся на мгновение в его большой ладони, были холодны, как ледышки.

– Надо же! Редкое имя для такой глуши, в какую мы забрались. Это что, в честь героини фильма «Искатели приключений»? Был такой французский фильм, помните? Там еще играл, кажется, молодой Ален Делон.

– Конечно, – немного обиженно ответила Летиция. – Этому фильму лет сто, наверное. Его, я полагаю, еще братья Люмьер снимали.

– Да нет, сто не сто, а может, тридцать... может, немного больше.

– В общем, не могу разделить ваших воспоминаний. Я еще тогда не родилась. Это фильм моих родителей, но не мой, и я его не видела.

– Господи, как вы, женщины, всегда дергаетесь, когда дело касается возраста. Не обижайтесь, я вижу, что вы еще в пределах тридцатки. Я дал бы вам, – Андрей прицелился и выстрелил, – лет двадцать девять, не больше.

– Скиньте пару лет!

– Легко. Два туда, два сюда... Кстати, почему вас так называли? – не унимался он.

– У нас это обычное имя. Кстати... – Летиция взяла инициативу разговора в свои руки и, видимо, отыгрываясь, насмешливо произнесла:

– Должна вас огорчить, Вы не однофамильцы с этим аристократом. Его фамилия Заволгин, а Ваша – Заволгин. Это разные вещи, так что на родство и на графские корни не рассчитывайте. И на богатых и знатных родственников где-нибудь в Париже – тоже. Увы!

Было заметно, что ей интересно, как он отреагирует на это. Андрей рассмеялся, хотя в его положении это было, наверное, не вполне уместно. Но он не удержался:

– Да я и не рассчитываю! Мой дед был обычным мастером на каком-то питерском заводе. А лаяться с рабочими – не графское это дело. Так что, никакой тайны в моем происхождении нет. К сожалению... Но вот граф, его сиятельство, меня все-таки удивил! Такое совпадение...

По поводу графа он говорил правду. Ситуация и впрямь была не из разряда обыденных. Сделать крюк, захватить бог знает куда – и вдруг увидеть могилу титулованного однофамильца... Андрей прекрасно понимал, что его простецкая фамилия Заволгин легко трансформируется в аристократическую Заволгин простой перестановкой ударения. Велик русский язык, велик. Один удар – и из простолюдина ты выходишь в графы.

А вот про деда он Летиции соврал. На самом деле Андрей о нем ничего не знал. Так уж вышло, что не поинтересовался у отца в свое время, а потом...

– Ну ладно, мне пора, – сказал он, отвлекаясь от своих мыслей, – пора ехать. Хочется все-таки попасть сегодня туда, куда я направлялся. К завтраку я опоздал, предпочтя прогулку с вами, Летиция, по этому почтенному месту. Но уж обед не пропущу. Обед – это святое. Хоть какая-то компенсация за постигшее меня разочарование. Эх, не дадите вы простому интеллигентному мужику в графья выдти, – сказал он с интонацией незабвенного Чапая. – Но за экскурсию спасибо.

– О, конечно, вы и так потеряли из-за меня уйму времени, – как-то слишком поспешно ответила Летиция. – Хотя, может быть...

Она выдержала паузу и закончила фразу:

– ...может быть, что-то и нашли. Кто знает?

Андрей вдруг подумал, что бросать ее здесь одну – не очень-то по-джентльменски. Она, наверное, промочила ноги в этих своих щегольских туфлях, продрогла, да и проголодалась, а у него в машине термос с горячим кофе, да и бутерброд найдется.

– А как вы? – поинтересовался он. – Как вы выберетесь отсюда?

– Сейчас узнаю.

Она достала маленький мобильник и начала с кем-то обсуждать проблему транспорта.

По тону ее реплик Андрей понял, что в сложившейся ситуации он с его «Фордом» – ее единственная надежда до-

браться до дому без лишних проблем и осложнений. И по-
свешивал предложение:

– Астиция, до ближайшего городка километров два-
мать, не больше. А там есть и такси, и автовокзал. На трассе
сидеть в незнакомую машину все-таки опасно. Время та-
кое. Се ля ви, мадемузель. Так ведь, кажется, говорят фран-
цузья? Так что, поехали со мной дальше, Летиция. Это, ви-
дите, карма – ваша и моя.

Он сказал так и тут же подумал, что слово «карма»
использовал не совсем правильно. Точнее, по-русски,
было бы сказать «рою». Если честно, то о смысле слова
«карма» он знал не так уж много.

«Ну, сказал и сказал, – тут же одернул он сам себя. –
Что ты постоянно рефлексируешь, даешь сам себе
оценки? Или и в самом деле из графьев производишь?
Смешно...»

– Знаете, – сказал он вслух, – я все-таки чувствую
некоторую ответственность за вас, тем более, что вы
человек не местный – иностранка. Да еще из страны
моих юношеских грез. Вот побыл с вами – и как будто
побывал в Париже... офранцузился. А в машине у
меня есть натуральное бистро – и я вас туда пригла-
шаю, погреться и перекусить. Так что, давайте-ка
двигайтесь поближе к машине... к сожалению, у меня
всего лишь «Форд», а не «Ситроен».

– Галантный кавалер, – произнесла она, ослепи-
тельно улыбнувшись.

– Галантность – фамильная черта Заволгиных! –
нарировал он. – Хотя мы и не аристократы.

И тоже улыбнулся – той своей улыбкой, которой он пользовался только в одном случае: если хотел понравиться.

– У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока! – процитировала она какого-то старого поэта. – Отказываться было бы глупо, ваше рабоче-крестьянское сиятельство... Да и чашка кофе была бы кстати, даже из пластмассового стаканчика. Надеюсь, кофе хотя бы горячий?

Они вернулись к машине и, быстро перекусив, помчались в сторону ближайшего города. Минуты две-три ехали молча, а затем Андрей спросил, прерывая затянувшуюся паузу:

– Летиция, может быть, все-таки откроете секрет – кто вы такая? Хотя, можете и не открывать, если мой вопрос не к месту. Я, вообще-то, не так уж любопытен...

– Я французская журналистка. Приехала в Москву на полгода, но скоро возвращаюсь назад, в Париж. Я уже соскучилась по нему и хочу домой. Россия – такая хмурая страна, здесь все не так...

– У вас приличный русский язык. Видимо, происхождение благородное. Вы не из случайно недорастралянных в семнадцатом году? – мрачновато пошутил он.

– Нет, мой прадед еще до революции переселился из России во Францию. По традиции, в нашей семье

ше хорошо знают русский. Кроме того, я изучала славянские языки в университете. После Москвы меня ждет работа в Праге, я буду готовить материалы по Восточной Европе.

«Интересный поворот...» — подумал Андрей, а вслух сказал, не теряя ироничного тона диалога:

— Надеюсь, вы не французская шпионка... А то, хоть у нас и демократия теперь, неприятностей потом не оберешься. Начнут, глядишь, вопросы задавать: где вы знакомились, с какой целью...

Летиция опустила противосолнечный козырек и, найдя там зеркальце, начала поправлять прическу. Выждав минуту, ответила, да еще таким тоном, каким обычно разговаривают с больными, подавая им надежду на выздоровление:

— Не бойтесь, месье, у меня мирная профессия. Хотя меня предупреждали, что у русских... у советских русских, — поправилась она, — шпиономания в крови. Я не верила, но, кажется, напрасно...

— Немудрено. Мы слишком много воевали и, кстати, в отличие от Франции, не сдавались на милость победителям. Никогда!

— О-ля-ля, вы снова выпустили коготки, месье Завалин. Это у вас тоже фамильное? Хотите конфетку? — она протянула ему крохотный золотистый кубик. — Думаю, что не хуже ваших «Чио-Чио-Саю».

— Я не хотел вас задеть. А конфетку — с удовольствием. Только обертку снимите сами. Уж будьте так добры, мадемуазель.

Она развернула фантик и положила конфету прямо ему в рот, поскольку руки у него были заняты. Этот нехитрый жест мгновенно убрал дистанцию между ними, создав минутную иллюзию, что они давным-давно знают друг друга, и им хорошо и уютно вдвоем.

«Форд» уже въезжал в черту города, и через несколько минут остановился у автовокзала, где стояли, готовясь к отправлению, несколько старых красных «Икарусов» и с десятков разномастных такси – от раздолбанных «Жигулей» до новейших «Фокусов».

– Наверное, лучше взять такси. Я ведь сэкономила на транспорте, благодаря вам, – сказала Летиция, выходя из машины.

Она произнесла это так серьезно, что Андрей не удержался и заметил:

– Да вы – истинная француженка! Говорят, они страшные жмоты... это правда, Летиция?

– Как это – жмоты?

– Ну, бережливые. Или – скутые... как вам больше нравится?

– Мерси, месье Заволгин. У вас исчерпывающие знания о французах. Кстати, – добавила она, насмешливо глядя на Андрея – моя фамилия Заволгина. Что вы на это скажете?

– Вот так номер... – промямлил Андрей. Но в глубине души он почти не удивился, поскольку ожидал чего-то похожего. Теперь в его голове все встало на

своем месте. Конечно, она Заволгина. А иначе зачем ей тогда было нужно тащиться из Парижа в такую даль?

Ну, это все объясняет, – весело сказал он. – Это я вам поверю как Заволагин Заволагиной. В Яковлевском, похоже, жила ваши предки. Так ведь?

Это ничего не объясняет! – с вызовом ответила Летиция, ожидавшая от Андрея, кажется, чего-то другого. – Да, церковь основал мой далекий предок, и наша семья помогает ее реставрировать. Но я ездила не только за этим. Есть еще что-то, помимо моей воли...

Она вдруг замолчала и, по уже замеченной Андреем привычке, продолжила только через минуту:

– Нет, мне это не объяснить... Кстати, – она резко перевернула разговор на другую тему, – вам очень к лицу эта куртка. Точно такую же носит мой старший брат в Париже.

– Что подделаешь – глобализация, унификация... – шепнула Андрей. – А курточку эту, кстати, мне всего лишь для назад привезли. И именно из Парижа. Я ее сегодня обновил, как будто чувствовал, что встречу с парижанкой. Отличная куртка... только вот молния не работает, – заметил он, вспомнив, как утром безнадежно пытался ее застегнуть.

– У брата тоже, – засмеялась Летиция. Ее смех был похож на легкий, мгновенно гаснущий звон колокольчика.

– Так может, это ваш брат и «толкнул» ее в Париже моей родственнице?

– Мой брат – солидный человек, так что, вряд ли...

Оба помолчали, понимая, что наступает та самая, тягостная минута прощания, которую они бессознательно хотели оттянуть, хотя, наверное, в это мгновение и не признались бы себе в этом.

Летиция, порывшись в сумочке, протянула Андрею глянцевою белую визитку с ее московским и парижским телефонами.

– Не могу вам ответить тем же, мадемуазель... Были, но все раздал, а новые не удосужился заказать.

Он выдрал из своей записной книжки листок и, записав все свои координаты, протянул его ей.

– Ну, что ж, будем, наконец, прощаться? – спросила Летиция, пряча в сумочку листок. – Или все-таки проводите меня до такси? Не бойтесь, платить за такси вам не придется! Да, кстати, а они возьмут за проезд евро? У меня нет русских денег. Надо где-то поменять, наверное... А далеко отсюда обменный пункт?

– Может, все-таки поедете рейсовым автобусом? А то здешние таксисты – это «что-то с чем-то». И гоняют без правил, и ценят свои услуги чересчур высоко. Особенно, если видят, что человеку некуда деваться. А евро они, конечно, возьмут.

– Автобусом? Почему бы и нет... Как типичная француженка, я очень... – она опять помедлила, – бережливая. Хотя русская душа постоянно склоняет меня к неразумным тратам!

– Это вы не по поводу церкви, которую соорудил ваш предок? Кстати, а почему он ее построил – не знаете? Замаливал какие-то крупные грехи?

Ну, церковь – это, как раз, разумная трата. Ведь я ведь порядная грешница...

Она вытащила из сумочки пачку сигарет. Андрей попытался найти зажигалку, но не нашел, видимо, обронил где-то. Летиция, выждав секунду, достала спички и, щиркнув одной из них, посмотрела на пламя и лишь затем прикурила.

– Мне нравится зажигать спички... У них пламя живое... Не то, что у газовых зажигалок – их синий огонь напоминает мне о газовой плите. А я так не люблю готовить! Из-за этого, наверное, и развелась с мужем. Он любил домашнюю еду, а я ему предлагала открытые консервные банки. Грустная история, не правда ли?

– Обычная, – пожал плечами Андрей. – И все-таки, зачем вам эти финансовые жертвы? Или вы рассчитываете, что старые корни дадут новые побег, и следующее поколение русских аристократов Заволгиных процветает в России?

– Не знаю... Об этом мы не думали. Россия совсем не совпадает с моим представлением о ней. Хотя, как журналистка, я изучала этот вопрос и не раз писала на эту тему. Многие потомки русских эмигрантов вошли в экономическую, культурную и техническую элиту Запада. Так почему бы им не вернуться в Россию и не помочь ей своим опытом? Посмотрите на Израиль – как терпеливо они собирают вместе свой народ со всего мира!

Андрей хмыкнул.

– Летиция, знаете, я недавно был в командировке в каком-то захолустье, и часто от скуки звонил домой. Трубку иногда брал мой сын – и по его односложным ответам и желанию поскорее закончить разговор я понимал: он мне не так уж и рад. Ему, как сейчас говорят «по барабану»: где я, что со мной и когда вернусь. У него свои дела. Вот и с вами – тот же случай. Что бы вы ни сделали – вам здесь, в России, не очень-то рады, и это надо понять. Здесь уже несколько поколений новой знати! И вы что же – надеетесь, что они потеснятся ради потомков старой аристократии? Хо-хо! Ну, разве что, могут купить у вас родословную. И деньги могут предложить хорошие... И дел-то порой, – усмехнулся Андрей, – сменить ударение, как в моем случае... Но у меня и денег таких нет, да и титул мне ни к чему.

– Может, вы и правы... Но я ведь просто помогаю, согласно завещанию деда, реставрировать храм на родине своих предков, я ведь и сама православная. И, конечно же, сделаю из этого хороший материал для своего журнала. Кстати, я вас сфотографировала, когда вы, задрав свою слегка седую голову, рассматривали шпиль. Будет хорошая иллюстрация к моей статье.

– Предупреждать надо, – опять хмыкнул Андрей. – Я бы хоть умное лицо сделал... Ну, тогда уж не забудьте выслать номер на память. Буду показывать понравившимся женщинам, с целью немедленного их обольщения. А когда он выйдет, ваш журнал?

– Недели через две.

Они вошли в здание автовокзала и, найдя расписание, остановились.

— Ну вот, ваш автобус — через полчаса. И обойдется вам это в десять раз дешевле, чем такси, и приедете вы прямо на Щелковское шоссе, а там уже есть метро. Или такси, на выбор.

Астиция задержалась у киоска, чтобы купить местный сувенир — домашние тапки в виде лаптей, из настоящего лыка. Андрей тем временем приобрел билет до Москвы и, когда она подошла, довольная удачной покупкой, протянул его ей.

— Я у вас кругом в долгах, чем же буду расплачиваться? — грустно сказала она и как-то очень тепло посмотрела на Андрея. — Денег вы не берете, изображая из себя богача... О, идся! Я подарю вам, в придачу к журналу, бутылку настоящего «Корвуазье». Вы, наверное, пьете коньяк?

— Пиш... Но, увы, это в прошлом.

— Проблемы со здоровьем?

— Ну, вы же сами намекнули насчет седой головы.

— Я на этот счет помню одну очень хорошую русскую поговорку...

— Избавьте, ради бога. Я ее слишком часто слышу, эту поговорку. Стоит только из чисто эстетических соображений взглянуть на красивую женщину — сразу тебе напоминают о бесе в ребро!

— Я думаю, не без причины... — она снова пристально взглянула на него, как будто пытаясь сказать больше, но промолчала.

– Мы ж не в Европе, где красивые женщины только на рекламных плакатах. Мы в России, Летиция! А здесь – подними взгляд, и увидишь красавицу. А уж хорошеньких. . . .

– Не буду спорить, – дипломатично ответила она.

«Ну, вот зачем ты это сказал? – тут же укорил он сам себя. – Ни одна женщина не любит, когда при ней хвалят красоту других женщин. Это заложено в их природе. Тем более, за все время общения ты не сделал ей ни одного нормального комплимента. Надо, пожалуй, сказать что-нибудь этакое в последний момент. . . .»

Мобильник Летиции затрезвонил – и она быстро заговорила по-французски, часто произнося два слова которые разобрал Андрей: «ви» и «Клод». Первое означало «да», а второе, скорее всего, мужское имя. И это было явно не имя брата, судя по тому, с какой интонацией она его произносила. Это была нежность, но, как мгновенно отметил Андрей, несколько наигранная. Когда Летиция закончила говорить, ее лицо стало совсем грустным.

– Что-то случилось?

– Нет, это Клод, мой. . . – она немного помедлила подбирая нужное слово, – бойфренд. Ему сегодня сорок. Уже сорок. И мы хотели отметить этот день вместе. Он специально прилетел в Москву, ждет меня. А я здесь застряла. . . Сколько ехать до Москвы?

– Часа четыре.

– А на такси?

– Два-два с половиной, но, с учетом пробок, наш шанс, больше.

– Понятно, – она решительно направилась к выходу. – Я поеду на такси. Так быстрее! Может, наш вечер и не сорвется. Мы давно с ним не виделись, – как будто оправдываясь, сказала она, и опять в ней на секунду проявилась та девочка, которая боялась ходить по клубнику одна, и которой так хотелось, чтобы кто-то приободрил ее ласковым словом или взглядом.

Он молча подошел к «Форду» с шашечками на крыше, интуитивно выбрав водителя, выглядевшего не так мрачно, как остальные.

– До Москвы возьмете пассажирку?

– Какие вопросы!

– Садитесь, домчит в мгновение ока! – весело сказал Андрей.

Она немного помедлила, а затем тихо произнесла:

– Надо ехать... Но мы еще увидимся, месье Заволгин?

– Вряд ли, мадемуазель Заволгина. У нас с вами всего лишь похожие фамилии – и только. Тем более, – не очень удачно пошутил он, – староватый бойфренд у нас уже есть. Вэлл, гуд бай форэвер, Летиция. Увы, но французски мне так не сказать...

Она грустно улыбнулась.

– Я сама позвоню вам. Журнал за мной.

– Само собой, – с той же наигранной веселостью ответил он, не в силах отвести взгляда от ее глаз. В них

явно стояли какие-то вопросы, но какие именно? Он не знал французского языка.

Она быстро поцеловала его в щеку. Уже садясь в машину, серьезно сказала:

– Я обычно возвращаю долги.

– А я обычно забываю о чужих долгах... Так что, не майтесь!

Он махнул ей рукой и пошел к своей машине, не дожидаясь, пока недавняя попутчица отъедет. Настроение у него, если честно, было препоганое. Да и она, как ему показалось, была слегка раздосадована. Было похоже на то, что они забыли что-то сказать друг другу. Что-то очень важное, от чего, возможно, зависела их дальнейшая жизнь. Но что именно? Никто им не подсказал.

И ничего уже было нельзя изменить. Ес «Форд», с шашечками, и его, без шашечек, летели в противоположные стороны – и расстояние между ними увеличивалось со скоростью двести километров в час.

– Куда мне до нее, – вдруг громко зашел Андрей, неожиданно для самого себя. – Куда мне до нее, она была в Париже! И я вчера узнал – не только в нем одном...

«Всё это уже было, даже уже и песня написана. Остается только повторять чужие слова. Кстати, я так и не сказал ей ни одного ласкового слова. Ну да ладно, земля круглая. Может, действительно, еще увидимся, тогда

шкату. Хотя, вряд ли. Где я, и где Париж... Париж открыт, но мне туда не надо!»

Он хмыкнул и сделал движение «тапку в пол».

II

Через две недели, когда Андрей уже паковал свою сумку, чтобы вернуться домой из порядком поднадоевшего пансионата, по мобильнику неожиданно позвонила Летиция. Неожиданно, потому что он, в общем-то, и не думал, что она вспомнит о нем. Да и сам он, разнеженный, июльским солнцем и очень теплой в это время года речной водой, понемногу начал забывать о той встрече с забавной русской француженкой, которая все время как будто что-то хотела сказать ему, или спросить, но так и не сказала и не спросила. Хотя, может, это ему тогда только показалось... Кто, кроме самой Летиции, мог бы ответить на этот вопрос?

Жизнь в пансионате текла спокойно и лениво, находящиеся там дамы были того возраста, когда уже больше думают о внуках, чем о детях – и даже самого безобидного романа у него тут не завязалось. Он, в общем-то, был даже и рад этому: к чему хлопоты и тревожения на отдыхе?

– Это Заволгина, – услышал он в трубке. – Вы меня еще не забыли, месье Заволгин?

– Как только вы заторопились к своему французскому приятелю, презрев все мои хлопоты по приоб-

растению для вас автобусного билета, я постарался забыть вас сразу же, как вы отехали.

И так и думала... Но я компенсирую и ваши трагедии, и ваши хлопоты. Номер журнала вышел с вашей дивной фотографией – и теперь вашу мужественную физиономию рассматривают и женщины, и девушки почти во всех европейских странах. Мне бы хотелось выполнить свое обещание – и подарить этот номер вам. Ну, что же вы молчите? Вы не рады?

– Что вы, как можно! Просто дух захватило от восторга, язык отказывается воспроизводить звуки.

– Вы в своем репертуаре, месье Заволгин...

– Я вот думаю, Летиция, где же нам встретиться чтобы и вам, и мне было удобно. Может, опять в Яковлевском? Оно как раз на полпути между мной и вами. Я завтра возвращаюсь обратно той же дорогой. Ну, что?

– Я хотела предложить тот же вариант. Завтра, часа в два, нормально? Я освобожусь от дел со строителями к этому времени, будет возможность поболтать!

«Поболтать... О чем нам с вами болтать, мадемуазель Заволгина?» – мысленно произнес Андрей, а вслух сказал:

– Нормально! К этому времени я подъеду прямо к церкви. Там и ждите. Но на венчание не рассчитывайте! – весело добавил он.

В передомные моменты его вело на иронию.

– Адьо, – ответила Летиция и отключила мобильник, никак не отреагировав на его шутку. Скорее всего, она ее и не поняла.

Андрей оставил свою дорожную сумку в покое и, подойдя к окну, усталился на ленивый пансионатский пейзаж. Он вдруг поймал себя на мысли, что ни в какое Яковлевское заезжать ему совсем не хочется. Крючок, на который цепляла его самолюбие полузабытая уже писанина, был слишком слаб; время, когда Андрея приводило в восторг каждое упоминание его имени в прессе или на телевидении, давным-давно кануло в Лету. Годы показали, что эти упоминания никак не повлияли на его жизнь – ни в лучшую, ни в худшую сторону. Что ему этот журнал – он и читать-то по-французски не умеет! Делать лишний крюк и тратить время на пустые разговоры с француженкой, воображающей себя русской – суцая глупость. Зачем ему это знакомство? Да, женщина приятная... И симпатичная, что есть – то есть. Но разница в возрасте делает новую их встречу бессмысленной.

Он решил, что завтра проскочит поворот на Яковлевское на полном ходу. А если Летиция снова позвонит, он объяснит свое отсутствие какими-нибудь дорожными неприятностями. В общем-то, он никому ничего объяснять и не должен. Даже этой симпатичной голубоглазой женщине. «Что ему Гекуба!» – усмехнувшись, процитировал он то ли Остала Бендера, то ли Шекспира. И окончательно успокоился.

Главное – принять решение и неукоснительно следовать ему. Таков был его жизненный принцип. Впрочем, он охотно нарушал его, если видел к тому причины, – твердолобость ему была не свойственна.

Он всегда поступал так, чтобы ему было удобно, не причиняя, по возможности, неудобств другим.

Утро порадовало его удивительно ясной, поистине летней погодой. Солнце, необычно голубая Волга, теплая ласковая вода, в которой он искупался перед отъездом, всё словно говорило ему: «Куда ты, останься еще на денек!». Андрей, наверное, так бы и сделал, поддавшись этому мягкому напору, он даже завел было и разговор на эту тему с администратором. Но его номер как выяснилось, уже с сегодняшнего дня был продан следующему постояльцу, измученному повседневностью и ищущему, подобно лермонтовскому герою, свободы и покоя. Другие номера тоже были заняты – и За волгину пришлось уехать.

Автомобилей на трассе было немного, и он дал волю всем восьмидесяти лошадкам своей машины. Несмотря на приличную скорость, она дышала ровно и спокойно, легко оставляя позади страдающие отдышкой «конейки» и «Москвичи». Впрочем, с «Вольво» и «БМВ» он не вступал в соревнование. Зачем? Он никуда не торопится, жизнь прекрасна...

Через пару часов неторопливой езды он подъехал к отворотке на Яковлевское. После секундного раздумья решил все сделать по плану – и, не сбавляя скорости, помчался было мимо. Но на обочине дороги увидел улыбающуюся Летицию с поднятой рукой, а рядом – кокетливый «Пежо». Что ему было делать!

Глузгость была семейной чертой рода Заволгиных.

– Мимо хотел проехать? – улыбаясь, сказала Летиция, когда он вышел из машины. – Здравствуйте! А говорят еще, что женщины непостоянны...

– Нет, я просто задумался о чем-то, – соврал он мимольно неубедительно, – привет!

По устоявшейся привычке поступать так со всеми шлюхими женщинами, он поцеловал ее в теплую щеку, ощутив едва уловимый запах парфюма.

– А мне так хотелось снова повидаться... – видно было, что Летиция действительно обрадовалась ему, и ее прекрасное настроение не испортила даже попытка Андрея проехать мимо. Впрочем, она ведь журналистка, а излишняя обидчивость для этой породы – признак профнепригодности.

Андрей был раздосадован и тем, что его планы сорвались, и тем, что они были мгновенно разгаданы Летицией. Тем не менее, он заставил себя улыбнуться.

– Настроение у меня что-то неважное было... Но теперь оно исправилось! Много ли русскому мужику надо – видимость ласкового слова, сто грамм с прицепом... Ну, так, а что с журналом? – спросил он, переводя разговор из эмоциональной плоскости в деловую.

– Ах, да... – она открыла дверцу и достала из машины веселенький пакет. Андрей принял подарок, заглянул вглубь: там лежали несколько экземпляров толстого глянцевого журнала и какая-то фирменная зажигалка. Вытащил один, полистал – и тут же наткну-

на фотографии со своим изображением: начинающий ползет мужчина с задранной вверх головой. На другом снимке – тот же герой, но уже стоящий перед гранитной плитой графа Заволгина.

– Да, впечатляет... И лицо у меня здесь в меру грубое, соответствующее моменту. Только зря вы меня сделали центральной фигурой, я здесь должен быть деталью или неким фоном, не больше. Спасибо, что не забыли, но я не владею французским языком, так что прочитать вашу статью смогу не скоро. Разве что вы мне ее сами прочитаете и переведете... с выражением.

– Это как? – спросила, смеясь, Летиция, – с употреблением ненормативной лексики? Так мне такие слов просто не произнести. Воспитание, знаете ли...

– Ну, это просто, я вас научу при случае. А то вы не сможете адекватно выражать свои эмоции, особенно, общаясь со строителями. Они вас просто не поймут.

– Я вам сделала перевод, так что обойдемся без чтения с выражениями!

– Все-то вы предусмотрели, Летиция... даже зажигалку. Это делает вам честь. Но я в отпуске, увя перешел на спички...

– Вы хотите, чтобы я сейчас статью прочитал? добавил он после секундной паузы.

– Конечно! Ну, я вас прошу!

Андрей уже начал смиряться с тем, что все идет совсем не так, как он запланировал. Он опять нача

попадать под обаяние ее голоса, ее речей с очаровательным акцентом. Да и ее самой – сейчас, летним солнечным днем, она выглядела совершенно неотразимой в этом легком, коротком, открывавшем ее безупречные ноги, платье. И она это хорошо знала, она была просто уверена, что отказа ей сегодня не будет ни в чем.

Он сдался:

– Что ж, надо, действительно, где-то все это почитать. Может, на бережок? Вы там поговорите со своими строителями, а я в это время и купаюсь и потом, на свежую голову, изучу ваши экзерсисы на архитектурные и исторические темы. Ну, как?

Не веселые глаза полыхнули голубым огнем – и несомная сила потащила его взгляд в это пекло. Там что-то вспыхивало, рассыпалось слепящими искрами, металось – и никак не могло улечься. Волны голубого пламени набегали одна на другую, рождая тяжелые валы и роя мгновенные пропасти, живая, слепящая стена огня рушилась и отползала, чтобы через мгновение нахлынуть снова... Наконец, он смог вырваться. А может быть, она просто временно притушила пожар. «Ну, зачем, зачем, – кричал он сам себе, – зачем тебе это нужно?»

– Со строителями я закончила, – говорила она, между тем, – дальше все пойдет без моего участия. Сегодня я здесь в последний раз. А на бережок – поехали! Не каянусь, что больше не потащу вас осматривать кладбище. У меня сегодня слишком хорошее настроение! Вы слышите, месье Заволгин?

Они сели в машины, каждый в свою, и вскоре, мигая перед собой темными очками, спустились уже пешим по крутой дороге к Волге. Крутом было тихо и тепло. И очень жарко!

Андрей быстро разделся и плюхнулся в реку, удовольствием ощущая, как прохладные ладошки воды гладят его разгоряченное жарой тело. Летиция осталась на берегу, но сняла обувь и пошла по теплом мелководью, сразу став похожей на маленькую русскую девочку, радующуюся теплу и солнцу. Так же, наверное, бродили по этой воде и ее далекие предки...

Вдоволь наплававшись, Андрей улегся на жаркий песок и стал читать перевод статьи. Закончив, несколько минут молчал, понимая, что надо бы как-то отреагировать, похвалить, наверное. Женщины, особенно изящные словесницы, это любят. Он снова вспомнил, что так и не сказал еще этой прелестной голубоглазой журналистке ни одного комплимента, что, в общем-то было ему совершенно несвойственно. Обычно это бисер он щедро рассыпал, где нужно и где не очень, поскольку это всегда настраивало собеседников в дружеский лад. В свое время он увлекался Карнеги, и это очень пошло ему на пользу, хотя все поучения маститого разведчика укладывались, по сути, в одну коротенькую русскую поговорку: «Доброе слово и кошке приятно».

Поэтому, когда Летиция подошла к нему и спросила: «Ну, как?», он собрался с духом и разверз уста. Но была совсем не то, что она ожидала:

Прекрасно! Вы выглядите в этих декорациях, как Инна Заречная. Такой я себе ее и представлял – милой, женственной и недоступной. Как мечта. Как Париж для советского человека в эпоху Берлинской стены. Вы, подожь, читали, или видели чеховскую «Чайку»?

– Красиво! – нетерпеливо сказала Летиция. – Ну, а как сие? Мне очень важно ваше мнение. Не мучайте девушку, она сто километров проехала ради этого.

– А я-то думал... эх, меня всегда подводило самомнение. Но, коль уж вы решили выйти из образа романтической юной женщины и опять стать акулой западного пера, извольте, ваше сиятельство. Написано профессионально, с драйвом, как сейчас говорят. Здесь вы очень похоже описали нашу встречу... но из меня зачем-то сделали далекого потомка Заволгиных, которые, чтобы уцелеть после революции, сменили, якобы, ударение в своей фамилии. Это мне представляется нелепым, Летиция. Смена ударения в фамилии их бы не описала. Да и зачем эти фантазии? Я Заволгин – был им, им и останусь. Как говаривал Киплинг: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Так и Заволгины с Заволгиными – не совпадают. Я понимаю, что так интереснее, и отдаю вам должное – это добавит интригу в материал...

– Но так могло быть! А может быть, и было! Вы не согласны?

– Могло, могло... но это уже не имеет никакого значения. По крайней мере, для меня. – И, усмехнувшись, он добавил, вспомнив почему-то свои недавние размышления об очередях:

– Время, когда мне хотелось в Париж, прошло. Очередь была длинная, пока до меня дошла... расхотелось...

Она подошла к нему совсем близко и, протянув руку с безупречным маникюром на ногтях, смахнула его щеки налипшие песчинки. Тихим, ласковым голосом спросила так, что у него дрогнуло сердце:

– Ну, а сейчас вам хоть чего-то хочется? Или вы человек без желаний? А, месье Заволгин-Заволгин? Как вас правильно называть? Я запугалась... Но вам очень идет двойная фамилия.

Она смотрела на него немного вызывающе и с той полуулыбкой известной итальянской дамы эпохи Возрождения, которая могла означать что угодно.

Андрей решил расшифровать эту улыбку в свою пользу. Он положил Летиции руки на плечи и произнес, проведя ладонью по ее золотистым кудрям:

– Пожалуй, все-таки чего-то хочется. А именно – опровергнуть Киплинга.

Ее губы оказались теплыми, мягкими и податливыми. Она прижалась к нему всем телом – и он услышал, как часто-часто бьется ее русско-французское сердечко.

– А как же ваш бойфренд, мадемуазель? – спросил Андрей, целуя золотой завиток на ее шее.

Да ну его, жмота французского!

Ласковый смех колокольчика прозвенел – и тут же ушел. Она прижалась к нему еще крепче. Он все-таки нашел в себе силы слегка отстраниться – и вновь заглянул в ее глаза.

Голубое пламя ударило ему в голову.

Они сидели на песке, обняв друг друга за плечи.

– Знаешь, – сказала она как-то очень доверительно, – я на днях посмотрела диск с фильмом «Искатели приключений». Специально заказывала во Франции, вещь не наша. Ты не ошибся, там девушку звали Лещиния – и она была русской. Мне стало так грустно, тем более, что кончилось там все очень плохо... Я не люблю, когда фильмы плохо заканчиваются.

– А я уж и не помню его в подробностях... Кажется, Аши Делон там эффектно погибает, сверкая красными пятнышками крови на безукоризненно белой рубашке. Мне было лет пятнадцать, когда я смотрел эту штуку, и больше с тех пор не видел. Но героиню запомнил... Моя тогдашняя девчонка была похожа на ту Лещинию, все дело в этом. А к плохим концовкам надо привыкать. Кончается-то всё... ты сама знаешь, как.

– Ты на ней женился?

– На ней женился Сергей, мой друг.

– А почему так?

– Просто он ее любил, а я нет. Хотя она была очень красивая... очень... Да еще и похожа на героиню

ню французского фильма. В те времена у нас все было от этих фильмов без ума.

– А я на нее похожа, хоть немножко?

– Немножко... Та была с пепельными волосами. Ты вся золотистая, прямо светишься, как солнышко.

– Что же с ней случилось потом?

– Погибла. Автокатастрофа.

Она встала, отошла чуть в сторону и, показав рукой на высокий холм напротив церкви, сказала:

– Вот там стоял дом Заволгиных. А сейчас там пусто и никто ничего не помнит. А ведь прошло и так уж много лет...

– Много? Да что ты, Лета! Двести лет – разве это срок? Ты не печалься, не надо. Все мы живем здесь сейчас, а больше нигде и никогда.

– Как ты меня назвал?

– А что, разве тебя так никто раньше не называл? Подумал, что так можно... и даже нужно! Летиция – это звучит, все-таки, слишком пышно и торжественно для этого волжского берега. Не бойся – никто, кроме тебя меня, этого не услышал. Разве что, духи твоих предков... вот тогда мне несдобровать. Они ведь не потерпят, чтоб аристократка сблизилась с простолюдином, а? И накажу меня, и кану я в Лету... Да я уже и канул... кажется.

– Лета... Мне нравится это имя. Меня никто так не называл. Красиво. Я заметила, ты любишь всё красивое. Все русские такие? Сколько тебе лет?

Андрей давно заметил за ней эту привычку – накопить вопросов, а затем одновременно их задать.

Сколько вопросов в одном флаконе... Но я отвечу только на последний, главный для тебя: мне – сорок с небольшим. Я старше твоего бойфренда. А еще я ленив и ленив. Так что, ты совсем скоро вернешься в Париж, выйдешь за него замуж и будешь... Будешь готовить ему завтраки, зажигая спички под кастрюлькой с какой-нибудь овсянкой быстрого приготовления. Ведь ты не любишь готовить. А я стану твоим прошлым, твоим приключением в жизни... Ты ведь авантюристка, правда? Нет, я в хорошем смысле. Как все журналисты, ты ищешь приключений, иначе – о чем писать? Я утала?

Она обняла его сзади, уткнувшись носом в плечо:

– Может быть, и так... Но я не хочу сейчас думать об этом. Я ценю только сегодняшние новости, а не вчерашние. Это у меня профессиональное.

– Ну, для меня это не новость... Когда ты уезжаешь?

– Скоро, послезавтра. Я очень боялась, что ты не приедешь. Поэтому и ждала на трассе. По твоему тону я поняла, что ты можешь проехать мимо – и утала. Я не могла тебе этого позволить! Я не хочу, чтобы всё кончилось плохо, как в том фильме. Пусть всё будет хорошо, ладно? – повторила она, глядя куда-то мимо него. – Ведь зачем-то мы встретились, зачем-то бог привел нас в это место?

– Лета, милая, мне тоже не хочется, чтобы всё кончилось. Тем более, вряд ли со мной тут что-нибудь слу-

чится, как с тем киногероем, охотником за сокровищами. Да ведь ничего и не началось... Почти ничего поправился он.

Обернувшись, он обнял ее за плечи. Ее глаза вновь потащили его в свои глубины. Сейчас они падали мощно, но спокойно, как два огромных голубя в вазильяка.

...«Голосовавшая» женщина осталась позади. Андрей подавил в себе первоначальный порыв – и не становился, чтобы взять пассажирку, одиноко стоящую под мелким дождем на автобусной остановке. Он лишь отметил взглядом «Мерседес», притулившийся неподалеку, на обочине, и мужчину рядом с ним, эмоционально разговаривавшего по мобильнику. Через пару секунд эта картина исчезла из его поля зрения, как будто сменился кадр в фильме, но Андрей спустя несколько минут продолжал помнить этот, живший всего лишь мгновение, образ молодой золотоволосой женщины, смотревшей вслед его машине.

«Может быть, стоило остановиться и, все-таки подвезти ее? Промокла там, наверное, вся...»

Вдали уже виднелась колокольня церкви Петра Павла в Яковлевском, с ее нацеленным в небо высоченным шпилем, похожим на антенну, которая пока еще не посылала небесам никаких просьб, молитв, благодарностей и обетов. И небо тоже молчало, не отвечая людям на их извечный вопрос: «Как жить?»

В машине Андрея с переменным успехом боролись жадность и сострадание. Несмотря на то, что его «Форд» был уже зажат с двух сторон – спереди задрипанным «Автомобилем», а сзади «КАМАЗом», он все-таки осторожно съехал на обочину, развернулся и помчался назад. Сострадание победило. А может быть, и что-то еще, что-то другое?

Через несколько минут он уже был у остановки, там только что стояла женщина с поднятой рукой.

Но ни женщины, ни «Мерседеса» там не было. На месте, где недавно стояла «толосовавшая», валялся приличный мелким дождичком блестящий фантик от конфеты. Андрей сразу узнал сладкую мечту своего детства – «Чио-Чио-Сан». Какой-то старик, слегка выпивший, всматривался в дорогу, ожидая, видимо, свой автобус.

Вы не видели, куда ушла женщина? Она минут десять назад здесь стояла...

Никого здесь не было, – недоуменно ответил старик. Ни одной живой души!

Андрей еще немного постоял на обочине, тупо глядя на фантик, затем сел в машину и поехал, ощущая острую досаду. Того, что должно было произойти, чего-то важного, того, чего он давно ждал, стоя всю жизнь в очередях, не произошло. И уже ничего не вернешь, не вернираешь... Вновь ему чего-то не досталось!

– «Опять ты поторопился, – сказал он сам себе. – Впрочем, ты опять начинаешь в чем-то винить себя. Упрямая манера... Если уж кто-то в чем-то и виноват –

то это осень, влезшая без очереди в середину лета. Это она испортила мне настроение, она!

Он быстро набрал скорость, мигом обогнал несколько неторопливо едущих дачников, но вскоре, Яковлевского, увидел вновь ту же самую кавалькаду разнопородных автомобилей, выстроившихся в дисциплинированную колонну. Колонна почему-то замедляла ход и, наконец, остановилась совсем. Подъехав поближе, он понял причину: в середине очереди «случилось» несколько машин подряд, в том числе и тот зеленый «Москвич», за которым «Форд» Заволгина неторопливо тащился всего лишь минут десять назад поджимаемый сзади здоровенным грузовиком.

Андрей остановился и, выйдя из машины, быстро пошел к месту аварии. Ни гаишников, ни врачей на месте происшествия еще не было, всё случилось только что. В своей жизни Заволгин видел много страшного, но сейчас почему-то никак не мог унять нервную дрожь. Боже, ведь не покинь он колонну, не послушайся внутреннего голоса, который усовестил его и заставил вернуться, его «Форд» разделал бы участь «Москвича». А что было бы с ним самим?

Он молча постоял среди людей, столпившихся у места аварии, и вернулся к своей машине. «Вот так он и бывает. Вот так всё может однажды и закончиться просто и быстро. И сразу всё уже будет не важно. Ничего не важно...»

Ему стало холодно, он попробовал застегнуть молнию на своей новой французской куртке, и она вдру

И он почувствовал, словно понимая, что ее хозяину
еще не дождь.

Но он много успокаиваясь, он стоял около своей не-
живой машины. В нем медленно нарастало ликую-
щее чувство оттого, что он остался жив, что капли ме-
тельного дождика легко падают ему на волосы,
на волосы, мелкими струйками льются ему за шиворот.

«Но кто-то же спас меня...»

Его взгляд упал на виднеющуюся вдали высочен-
ную колокольню, шпиль которой, подобно направ-
ленной игле, упирался прямо в небо, где уже появ-
нились голубые просветы, предвестники солнца. «Мо-
жет, кто-то просил за меня, и просьба дошла?» — мельк-
нула в его мысли, которая при других обстоятельствах
никогда не пришла бы ему в голову.

«Только без мистики!» — сказал он вслух, так, чтобы
услышать. — И женщина, просившая ее подвезти, там
была. И «мерс» там стоял! Просто за то время, что я го-
нил ее куда-сюда, ее подвезла до развилки другая попут-
ка. А «мерс» уехал. А старик... ну, он просто пьян, ка-
ким пьяного спрос.

«Доеду до церкви, — решил Андрей, — а то всю
жизнь так и буду мучиться неизвестностью...»

Он сел за руль и свернул на дорогу, ведущую к храму.

Вскоре впереди, метров за пятьсот от машины, За-
харин увидел фигурку женщины, неторопливо иду-
щей в сторону села. Он немного обошел ее, остано-

вился, приоткрыл дверцу и, не глядя на нее, весь холдея от вновь охватившей его внутренней дрожи, пронес:

– Садись, Лета, я подвезу...

– Да какое лето, осень влезла без очереди! Ну, это ненадолго. Постоит и уйдет, – весело ответила пугчица. – Спасибо вам, что остановились, нечасто сейчас бывает.

Он посмотрел ей в лицо – лицо обычной немолодой женщины, которая в своей жизни, видимо, очень много работала и мало отдыхала. Одега она была очень скромно – так одеваются сельские жители, отправляясь в город.

Андрей подвез ее до самого дома, стоящего в центре села, на пригорке, за которым открывался вид на Волгу. От денег наотрез отказался.

– А церковь у вас хоть действующая? Свечку я хочу поставить, есть за что...

– Да, недавно привели всё в порядок. Помогли добрые люди! Спасибо и вам, добрый человек. Угостись хоть вот конфеткой, раз денег не берете. С детства люблю их, давно не было в продаже, а теперь вот они появились.

И она протянула ему пакетик «Чио-Чио-Сап».

Он даже не удивился. Да, всё так и должно быть всему в жизни должно находиться и такое, вполне рациональное объяснение.

– Нет, спасибо, – сказал он. – Но вы можете мне много помочь...

.. Ли немного помялся — но все-таки решился.

Простите, я хочу спросить... Это вы «голосовали» на дороге, когда я проезжал тут полчаса назад? Или мне показалось? Я, собственно, вернулся, чтоб подивиться вам... пожалуй, немного запоздало...

Женщина улыбнулась.

.. Вы чем-то на нее похожи, но та была значительно моложе, — пояснил он. — И одета модно... Если бы она, лежать бы мне сейчас там, на мокром асфальте...

.. — Вряд ли бы вы заметили пожилую и бедно одетую, — вздохнув, ответила пассажирка. — Но вижу, что вы человек вы совестливый. Вот что я вам скажу: когда кто-то вам подсказывает, что нужно сделать доброе дело — это вам подсказка от ангела. А может быть, и с самого неба... Поэтому не надо противиться добру в себе.

.. Она вновь улыбнулась, а он внезапно увидел молодое смеющееся лицо Летиции, ее глаза, два голубых веселья. Они ласково, но как-то отстраненно смотрели на него. Едва уловимый шепот донесся откуда-то: «Всё ведь кончилось хорошо, Андрей...»

.. Это длилось только мгновение, а затем исчезло.

.. Пожилая женщина, попрощавшись с ним, усталой походкой подошла к своей калитке и, открыв ее, вошла в дом. А он двинулся к церкви, старательно обходя маленькие лужицы, усеявшие тропинку. На новых, недавно покрашенных дверях храма висел боль-

ной замок: служба, видимо, закончилась, либо еще началась.

Подойдя к колокольне, Андрей Заволгин погладил рукой влажные кирпичи и задрал голову, глядя высокий шпиль.

– Спасибо за подсказку...

Кому он это сказал? Он и сам не знал.

Но в том, что его услышали, он не сомневался.

СВЕТСКИЕ БЕСЕДЫ НА ПЛЕНЭРЕ

Повесть

Тонкая голубая стрекоза, похожая на спичку, только крыльями, несколько раз пролетела над своей подружкой, умудрившейся упасть в реку.

Псудачница барахталась, из последних сил пытаясь оторвать крылья от воды и взлететь, но блестящие голубые полоски намертво прилипли к речной глади. Видно было, что несчастная уже обессилела, ее движения становились все медленнее, и последнее, что она смогла сделать — это зацепиться крохотными лапками за стебель речной травинки.

Вольная стрекоза, прицелившись, села на тонущую подружку, вцепилась в нее и усиленно замахала крыльями, пытаясь взлететь вместе с живым грузом. Но мгновенно вызволить страдальицу из речного плена храбрая голубая спичка, даже изогнувшись, не смогла. Притормозившись, она немного отдохнула на лепестке желтой машинки, а затем продолжила свою операцию по спасению.

Алексей с минуту наблюдал за этой сценкой из жизни насекомых, а затем, пожалев обеих, тихо подплыл к ним и бережно, стараясь не причинить и без того на-

терпевшейся стрекозе новых страданий, перенес ее тот же самый цветок кувшинки. Вторая спичка тут; села рядом со спасенной; о чем они говорили меж собой в этот момент — бог весть... Чуток отдохнув, он поднялись в воздух и, немного покружившись рядом со своим спасителем, как будто благодаря его на неведомом языке виражей и пируэтов, улетели в сторону березовой рощи.

«Вот и хорошо, — подумал Алексей, — пусть еще полетают, лето ведь только началось».

Но было уже не по-июньски жарко. Вода в реке не столько прогрелась, что он, выйдя на берег, не обнаружил на своем теле никаких признаков «гусиной кожи». А ведь проплавал почти час... Дорвался, однако.

Его байк, дальний японский родственник «Харлея» спокойно стоял на зеленом пригорке, падаменно поблескивал воронеными боками, снисходительно наблюдая за хозяином.

— Нормально отдохнул? — спросил его Алексей. Вижу, вижу, что рвешься в путь. Сейчас поедem, — провел влажной рукой по разогретому солнцем бензобаку.

Только сейчас он заметил, какая необыкновенная тишина стоит вокруг. Даже птиц не слышно, все куда-то попрятались. Вот именно ради такого покоя, такой тишины он и забрался в эту глушь, куда на четырех колесах просто не доехать, поскольку дороги сюда нет: всего лишь тропинка, да и то едва заметная среди высокой травы и разноцветных пятен полевых цветов. А ес

— это года вела дорога? Вряд ли эта полянка на высоком берегу спокойной речушки осталась бы чистой и зеленой. Накидали бы на нее пластмассовых бутылок, воюющей стеклотары, разного прочего хлама...

Щедрое солнце мгновенно обсушило его — и уничтожило появившееся там, в воде, намерение покончить купанием, оседлать вороненого друга и возвратиться на берег. Просияв мгновенной солнечной улыбкой, речка вновь властно позвала его в свои объятия — и он, не зная и не желая противостоять ее призыву, уступил.

На много километров вокруг, он знал, не было никого и поэтому купался, не стесняясь, голышом. Лег на спину, медленно, едва шевеля руками и ногами, поплыл по небольшому бочагу, где течения почти не было. Господи, как хорошо... Ни одной мысли, — ни умной, ни глупой, — не шевелилось в эти мгновения в его светловолосой голове, обычно до отказа набитой всякими проблемами. Политика, деньги, карьера, женщины, заботы о здоровье... как всё это далеко от него! Может быть, это и есть та самая нирвана — абсолютный покой, абсолютное счастье?

Ему не хотелось выходить из воды. «Когда еще ты сюда попадешь! — говорил он себе. — Когда еще случится в твоей жизни такое лето? Встретятся ли тебе еще такие стрекозы? Может, и будет что-то похожее... но именно такое — никогда. Так не спеши никуда, растягивай эти мгновения счастья...»

Внезапно откуда-то издалека в тишину влетел сразу два звука – женский смех и мелодичный звон, похожий на голос велосипедного звонка.

«Эх, кого-то несет!» – Алексей даже сплюнул с асады. И поспешил на берег, чтобы успеть натянуть себя хотя бы плавки. К счастью, он предусмотрительно положил их на кустики осоки, притулившиеся у воды, а поэтому мгновенно облачился и, очень довольный собой, стал неторопливо подниматься на горюшку, а около мотоцикла лежала его остальная одежда.

Женщин было двое. Точнее говоря, это были девочки, лет по восемнадцать-двадцать каждой, не больше того. И, похоже, не дурнушки. Они стояли около своих каких-то очень старомодных, велосипедов и о чем-то болтали друг с другом. Видимо, решали, что делать – ли дожидаться, пока мужчина уйдет, то ли искупаться прямо при нем. Алексей решил не усложнять ситуацию как можно приветливее поздоровался, одарив каждое из юных созданий самой обаятельной улыбкой, на какую был способен.

– Не беспокойтесь, красавицы, я сейчас уеду! Извините, если занял ваше место. Получилось, как в комедии «Три плюс два»... помните? Впрочем, вы, в молодости лет, ее, наверное, и не видели... а?

Девушки, не ответив, покивали головами и тактично отвернулись, давая Алексею возможность без помех натянуть шорты на мокрые плавки.

«Надо же, какие воспитанные девчонки, – думал он, неторопливо надевая майку и расчесывая влажные

... С понятием. Явно не деревенские. Что-то, наверное, странное есть в их облике... Но что? Велики ли их таланты?..»

Он немного попрыгал на одной ноге, вытряхивая из сапогу — и двинулся к своему байку. Пора покидать этот прекрасный мираж, пора возвращаться в суровую реальную действительность с ее огородами и бесконечным поливом. Вот сейчас он сядет на своего ревущего мотоцикла и мираж исчезнет. Навстречу ему рванется дорожка — эта чудесная зеленая поляна, эта светлая речка и эти все хорошенькие девушки, терпеливо ожидающие его звезда, останутся в прошлом.

Красн глаза он глянул на небо — и встревожился: там, наверху, было что-то не так. Через секунду он понял, что: на фоне бесконечной, сосущей глаза голубизны он ясно различил россыпи звезд. Наверное, рябит в глазах от жары. Так бывает.

Бросив прощальный взгляд на поляну — не остался ли чего? — оседлал мотоцикла и аккуратно, несколько раз нажал на педаль пуска. Байк мягко заурчал, словесно конка, которую пощекотали за ушком.

— Простите, сударь, — услышал он за спиной мелодичный девичий голос. — Можно вас спросить?

Алексей оглянулся.

— Конечно, сударыня, спрашивайте.

Слово «сударыня» он произнес с некоторой иронией, однако его собеседница, похоже, этого не заметила. Вместе с подружкой она с крайним любопытством рассматривала... нет, не его, — ну, чем, скажите, может

привлечь внимание столь юных особ лысеющий мужчина без особых примет, находящийся в возрасте Пушкина времен его последней дуэли? – а его великого лепного стального зверя.

– Пожалуйста, скажите, что это?

– Как что? Байк... Ну, то есть, мотоцикл, – ответил он, удивившись нелепости вопроса.

Обе девушки продолжали с любопытством поглядывать то на мотоцикл, то на Алексея, как будто очень хорошо понимая смысл сказанного.

– Девчонки, вы что, разыгрываете меня? Байка не видали никогда? Вы, конечно, немного похожи на стрелочек, только что вышедших из тайги, типа Агафьи Лыковой... но не до такой же степени!

– Это английская машина? – спросила та из девушек, что была постарше на вид. Она не сводила глаз с надписи на майке Алексея.

– Какая чудная надпись, – заметила она, не дожидаясь ответа. – Ай лайк лайф... мне нравится жить. Какая прелесть!

Алексей не любил, когда над ним посмеивались пусть даже так, как сейчас – вскользь, не обижая явно решил не сердиться.

– Ладно, девчонки, вы купайтесь, развлекайтесь, счастливого вам отдыха, а я поехал. Кстати, байк это настоящий японский, хоть и не молодой, как и его хозяин. А была бы молодой, да еще и холостой – посади бы сейчас одну из вас на заднее сиденье и дал по газам. И вы, сударыни, – он потихоньку начинал платить на

Женщинам их же монетой, — получили бы порцию ад-
риана на всю оставшуюся жизнь. Однако, увы...
слишком много тут «бы»... Прощайте, удачи вам!

Но тут вступила в разговор та девушка, что по-
чмалне, до сих пор молчавшая — и ему на секунду пока-
залось, что обе они почему-то не хотят, чтобы он так
быстро уехал.

— А где же у него педали? Как же вы поедете? Япо-
ния, как нам на курсах рассказывали — это закрытая
страна, никаких заводов там нет. Эта страна почти ни с
кем не торгует. Вы что-то путаете, сударь...

«Опять «сударь!» — подумал Алексей уже с некото-
рым раздражением. А вслух не слишком-то вежливо
интересовался:

— Здесь поблизости нет «желтого дома»? А то, мо-
жет, вы выздоравливающие пациентки, которых отпу-
стили погулять... Ходите тут и удивляетесь обычным
людям. И что это у вас за курсы дурацкие? — обиделся
он за Японию. — На автомобилях этой страны полмира
едут. Для вас это новость?

Девушки переглянулись и как-то по-детски рас-
смехались.

«Ясно... Потешаются надо мной, сикарахи... Но
что-то все-таки в них не так... А, ну конечно — одежда!
Одежды как-то странно, вот что! Да, все дело в платьях —
такие длинные какие-то, с какими-то оборками да кисеями».

Такие платья на женщинах он видел только в фи-
рмах, поставленных по пьесам Чехова и Островского.
Ну, и еще в детстве, когда ходил с матерью в театр.

И тут его осенило. Господи, как же это он сразу догадался! Конечно, где-то рядом снимают сейчас очередной сериал по старинной пьесе – по «Чайке», и по «Трем сестрам». Массовка вошла в роль и никак хочет из нее выходить. А способные девушки: неплас выглядят в роли старорусских аристократок. Да и к савицы обе. Из «театралки», наверное...

Теперь он и сам уже был не прочь продолжить: светскую беседу на пленэре.

– Всё ясно с вами, красавицы: в фильме снимаетесь! Скорее всего, в каком-нибудь сериале... который потом будут мучить полстраны. Жаль, что я телевизор практически не смотрю. По мне, лучше уж «ди-ви-де». Тут, по крайней мере, сам выбираешь, что смотреть – не подвергаешься принудительной кормежке. А как же картина будет называться?

Девушки опять заулыбались. Та, что была постыше, с чудными вьющимися волосами и огромным широко расставленными глазами, с легкой задумчивостью произнесла:

– Как странно... Вы говорите по-русски, но мы все понимаем. Что такое сериал?

«Какой чудный голос... Говорит, как поет», – подумал Алексей.

– Ну, ладно, девушки, – просительным тоном произнес он, делая над собой усилие, чтобы отвести глаза от старшей из красавиц, – хватит уже острить... Вы, и

ириш», студентки из театрального, а на мне решили проверить достоверность вхождения в образ. Угадал?

Чтобы чем-то занять руки, он вытащил из пачки сигарету и начал было хлопотать по карманам, отыскивая пропавшуюся зажигалку. Но сигарета осталась неприкуренной, поскольку ответ, который он услышал, привел его в замешательство.

Помидауйте, сударь! Мы дочери генерала Ланского, дворянки — и с актерками не имеем ничего общего!

Они и впрямь как будто обиделись. Разговор закончили ступени.

— Да будет вам! — воскликнул он, — пора уже выходить из образов! Искупайтесь-ка в речке и почувствуйте себя обычными девушками... Все образы с вас слезут!

И тут к нему вновь пришло озарение.

«Эге-ге... — протянул кто-то внутри него. — А мол, ты ошибаешься — и никаких съемок тут нет?»

Новая, маловероятная, но совершенно сногшибательная версия, возникшая в его голове, тут же стала разворачиваться, вставать на ноги и обрастать, словно живущей, подробностями. Алексей обладал неплохой памятью — и помнил не только все события десятилетней давности, но и телевизионное их обрамление. Сколько было сказано с экрана о необходимости «вернуть земле хозяина»... так уж не вернулся ли, чего доброго, в эти места заграничный потомок помещиков, владевших прежде этими просторами? А что! Арендвал землю, усадьбу, привел хозяйство в поряд-

док — и теперь вот развлекается, пытаясь жить в точности так, как жили его предки. Завел лакея в ливрее, дворецкого, ключницу, хорошенькую горничную. Ну разумеется, гувернантку для дочерей... И всем платит евро, включая охрану, состоящую из бритых амбалов — ведь жить в такой глуши небезопасно... Почему нет?

Алексей широко улыбнулся — то ли девушкам, то своей догадке. Наконец-то, он начал что-то понимать. Но и красавицы в длинных платьях тоже хороши — могли бы и объяснить по-человечески, что и как.

— А скажите, девушки, — хитровато прищурился, спросил он, — крепостное право у вас уже отменили? Или опять ввели? С вас, дворян, станется! Дайте вам волю, и вы тут же отнимете ее у других!

— Сударь, его уже давно отменили, когда мы еще были маленькими. Сейчас все крестьяне — вольные люди. Многие, кстати, уехали из окрестных сел в Петербург да Москву — на заработки.

Старшая из девушек произнесла это совершенно серьезно, без всякого намека на юмор.

— Но на сенокос вернутся. В сенокос так весело, сеном пахнет так вкусно! — задорно воскликнула та, что помладше.

Алексей покрутил головой. Какой-то неприятный холодок пробежал по его телу, хотя особых причин для волнения, вроде бы, и не было. Обычная юморная трепотня с двумя выпендривающимися юными красотками, вошедшими в свою роль и не желающими к ней выходить... Но что-то было в этом общении и ни

шнитонос, ускользающее, словно кусочек льда в ладо-
нах. «И, наверное, слегка перегрелся на солнце... вот и
не могу воспринимать эту болтовню, как надо – со здо-
ровым юмором. Старею... Был бы помоложе – и сам,
например, что-то сочинил бы, поддержал тему о дворя-
нах и крепостном праве. Ехать мне надо, вот что...»

Он надел шлем и выжал сцепление. Но мотоцикл,
в это удивление, не тронулся с места, продолжая, тем
не менее, урчать всем своим японским нутром. Вот за-
думай! Ведь всё в порядке должно быть: бензина полный
бак, свечи нормальные. Неужели полетело сцепление?
Глянул всё, попал...

Я же говорила, что без педалей он не поедет, а та-
ких маленьких паровых двигателей не бывает, – опять
вспомнила та из собеседниц, что была помоложе и по-
риповорчивее.

Эта вполне невинная реплика разозлила Алексея.

«Какие паровые машины?! Ну, заигрались девчон-
ки! Судя по выговору – москвички... наверное, день-
мишской на «Бентли» по Москве зажигают, вместе со
своими бой-френдами... Но что же мне теперь делать?
Может, байк, как и я, просто немного перегрелся на со-
мник? А вдруг поломка, действительно, серьезная? Как
бы сто теперь поволоку на дачу?»

Пока он, вконец расстроившийся, возился с мото-
циклом, пытаясь понять, почему тот не заводится, деву-
шки по-прежнему стояли, опершись на свои велосипе-

ды. Верхние рамы у их антикварных машин отсутствовали, а задние колеса были затянуты по бокам какой-то разноцветной, словно кружевной, тканью. Такой велосипед, вспомнил Алексей, он видел в далеком детстве когда попал на чердак в каком-то старом доме.

Он почувствовал легкое головокружение и сел траву возле мотоцикла. В глазах на секунду потемнело, но он тут же пришел в себя. Проклятая жара! Да еще перекупался, видимо... ну, засада!

– Вам дурно? Вы так побледнели! – тихо и, как ему показалось, с сочувствием воскликнула старшая. – Ей наверняка, перекупались и перегрелись...

– Очень похоже на то... – вяло отреагировал Алексей. – Я и вправду, когда дорвусь до воды – плаваю умопомрачения...

– Может быть, отдохнете у нас в имении, выпьете чаю? Вас, кстати, может осмотреть наш отец, он когда-то кончал по медицинской части, и лечит всю округу. А вашим «мо-то-циклом», – она с трудом выговорила это слово, – мы пришлем кого-нибудь.

– По медицинской? Простите, – попытался все-таки пошутить он, – а фамилия вашего отца, случаем, не Чехов? Антон Павлович... Нет, не угадал?

– Нет, такого доктора мы не знаем.

– Хм... да он скорее писатель, чем доктор. Хотя... Ну, ладно... так где же ваше имение? – поплыл он по течению.

Девушка улыбнулась и показала рукой на холм, причем Алексей тут же отметил про себя, что жест это

очень редкость грациозен. Такая грация – либо природное, либо достигается тренировками, репетициями. Что ж, в театральном их, конечно, всему учат...

Вот за этим холмом будет березовая роща, а за ней усадьба. Вы ее сразу увидите: большой белый дом.

Ну, естественно, – кивнул Алексей, – Белый Дом, один младший, зеленая лужайка для приемов почетных гостей и вертолетов... Именно в такой глуши и надо было всё это устроить!

Сударь, вы действительно не в себе, вам надо отдохнуть. Идите по этой тропинке... А мы все-таки испугаемся, если вы не против. А то очень жарко.

Алексей посмотрел на своего «японца». Заведется ли когда-нибудь эта куча металла? А если оставить ее на берегу – можно вернуться к разбитому корыту.

Он все-таки еще раз, для очистки совести, оседлал пана и выжал сцепление. О, чудо – мотоцикл завелся с первой же попытки!

Засмеявшись от радости, Алексей быстро поехал по тропинке, которую ему указали девушки. Ему очень хотелось оглянуться, чтобы увидеть, как юные актрисы, обнажившись, идут к воде, но какое-то суеверное чувство помешало это сделать. Ладно уж, пусть никто, кроме сосен и елок, не видит их прелестей! Да и пешо так можно сломать, оглядываясь – крутом ухабы...

Мотоцикл взревел и мощно пошел вверх по крутому склону.

Он быстро добрался до великолепной березовой рощи, окунаясь в море ее свежей зелени, трепещущей

среди нежно-белых свечек стволов. В мельтешении лого и зеленого заметил кое-где яркие точки красной и вспомнил, что первая земляника обычно поспевае двадцатому июня. А сегодня ведь как раз это число. Он остановил машину и сорвал пару ягод. Землянк пахла детством и безмятежным счастьем.

«Сейчас проеду рощу, а там, наверное, ничего. лько старая разрушенная церковь с ободранными полами и потемневшими от старости крестами...»

Он очень хорошо заметил эти купола и кресты, гда ехал сюда, запомнил их как ориентиры – чтобы плутать на обратном пути. Ведь он никогда прежде, забирался так далеко от людных мест.

Тропка кончилась, началась узкая красноватая д рога, покрытая то ли толченым кирпичем, то ли ещ чем, не разобрать. Но шины уверенно цеплялись грунт – и «японец» споро вез своего седока в то мест где Алексею очень не хотелось и в самом деле увиде помещичью усадьбу.

Здоровое чувство недоверия ко всякой чертовщ не было присуще ему в высшей степени: прошлая профессия приучила к этому. Он не верил ни гадалкам, н экстрасенсам, ни предсказателям, к инопланетянам от носился иронически, а уж «пространственно-времен ные пузыри» и вовсе считал за ересь.

В бога верил, но как-то по-своему. В храм божи при Советской власти заходил редко, и новые време

ничего не изменили в нем, не сделали его человеком
нравственным — но в тревожные моменты жизни всегда
приходил к божьей помощи: ставил перед иконой свеч-
ку, крестился, шептал слова молитв. Одну молитву,
«Ангел пап», он даже знал наизусть, бабушка в детстве
научила — и сейчас ему, по правде говоря, очень хоте-
лось повторить эти слова. Но он превозмог себя и при-
терпел обращение к богу на потом. «Не надо беспокоить
бога по пустякам, — приказал он сам себе. — Ничего
еще и не случилось. Так... легкий налет какой-то
мелкий. Ну, да ведь и места-то здесь какие — словно
специально созданные для русалок, леших и прочей
нелепщины. А эти странные девушки... что ж, их и в го-
роде хватает. В конце концов, и все-то из современных
мичонок с легким прибабачом, если смотреть правде
в глаза. А уж женщины...» — но он не стал углубляться в
неувлекательную тему.

«Сейчас выскочу из рощи на веселый зеленый
пригорок — и... даже если увижу там что-то вроде дво-
рянской усадьбы, это еще ничего не будет значить. Это
может быть всего лишь больница для чокнутых, либо
мемориал к очередному фильму из жизни русских по-
встанков...»

Байк вынес его на простор, и он тут же увидел пря-
мо перед собой белый дом с колоннами — «образец уса-
дебной постройки середины XIX века», как сказал бы
опытный экскурсовод.

«Та-ак... Чем дальше, тем интересней становится
жить...»

Он медленно подъехал поближе – и с удивлением заметил знакомые дамские велосипеды, прислоненные к крыльцу. Те самые, на которых приехали на речку встретившиеся ему девушки!

Это было необъяснимо. Они никак не могли оказаться здесь раньше его. Но оказались.

«Дом, похоже, настоящий, а не из папье-маше и фанеры. Вон, кое-где на цоколе отстала штукатурка, обнажив кирпичную кладку. Выглядит довольно аккуратно: видно, что его регулярно подкрашивают и помазывают. Нет, это явно не декорация. И не больница. Настоящая помещичья усадьба... значит, все-таки верна моя версия о заграничном потомке, вернувшись в родные края. Но как перенеслись к крыльцу девчачьи велосипеды? Ведь это явно они – а не похожи на них. Чертовщина какая-то... А может быть, я сплю и всё это просто сон?»

Неподалеку, в тени высокой липы, он заметил странный рессорный экипаж, сверкавший на солнце своими лаковыми черными стенками.

«А вот и коляска... и тоже не из папье-маше. Хозяин-то, видать, свихнулся на желании устроить свой быт точь-в-точь, как прежде, в старые добрые времена. Значит, есть тут и кучера, и горничные... Что ж, красив жить не запретишь...»

Алексей поставил свое техническое чудо XXI-го века в тень и, приблизившись к экипажу, стал рассмат

решать чудо века XIX-го. Раньше такие он видел только «еще» на старинных фотографиях.

«Забавная штукавина... вот бы прокатиться!»

Все-таки любитель разнообразных средств передвижения сидел в нем прочно.

За его спиной послышались легкие шаги. С крыльца спускались к нему те самые девушки, которых он лишь минут тому назад оставил у реки.

Он почему-то несколько не удивился... или, пожалуй, удивился — но не появлению девушек, а тому, что он потихоньку переставал удивляться все новым и новым поводам для удивления.

«Может, сегодня просто день такой... сплошь из чудес? Надо это принять как данность — и не пытаться искать рациональные объяснения чуду. А может быть, но действительно сон... только очень яркий, подробный, достоверный. Бывают же такие... или нет?»

— Быстро вы, однако, добрались! — сказал он вслух. — Быстрее меня... как же это вам удалось?

Красавицы синхронно рассмеялись, показав удивительно ровные и белые зубы — хоть сейчас на рекламу зубной пасты. Младшая, которая явно была пообещательнее, снисходительно произнесла:

— Здесь нет никакой тайны. Просто мы знаем еще одну дорогу, она короче. Но вам по ней ходить нельзя... Это только наша дорога.

— Ну, нельзя так нельзя, — согласился Алексей.

Он уже был вполне уверен, что с ним весь последний час, действительно, происходит что-то странное.

Но это странное не было ни пугающим, ни неприимым. Наоборот, всё это начинало ему даже нравиться. Было похоже на то, что он плывет по течению не широкой, но очень своенравной, прихотливой реки. Если начать махать саженками поперек быстрины – и пожалуй, очень скоро вылезешь на берег, и волшебство пребывания в потоке мгновенно исчезнет. А если не делать этого? Если лечь на спину – и медленно, едшевая руками и ногами, плыть по течению? Несет рка соломинку, ну и пусть несет. Где-нибудь она все-таки причалит, прибьется к берегу...

– Пройдите в дом, сударь, – сказала «старшая» (т он стал называть ее про себя), одарив его удивительно ясным, приветливым взглядом. Глаза у нее были голубые, но несколько не холодные.

– Ничего, что я без смокинга? – пошутил Алексей. Я понимаю, что промокшие шорты – не самая подходящая одежда для светской беседы в обществе аристократок. Но мой лакей, стервец, не предусмотрел такой варианта развития событий. Пожалуй, придется пакзать его палетями.

– Ничего, у нас просто, – улыбнулась старшая. Но я должна заметить вам, что мы противницы теленых наказаний. Как вы себя чувствуете, сударь?

– Значительно лучше. Но голова, все-таки, немног кружится. И есть от чего... – отпустил он не очень-т ловкий комплимент.

Похоже, голубоглазая красавица поняла сказанное им по-своему.

Тогда прошу вас следовать за мной.

Поп пошел за ней — точнее, поплыл дальше по не-
малой реке, которая уносила его, словно легкую со-
ломку, куда-то вдалеку, в неизвестность.

Перед самой дверью по привычке поискал коврик,
чтобы вытереть ноги, но, не увидев ничего даже отдаленно похожего на этот предмет, решительно отворил
любую резную дверь. Наборный паркет ослепительно
сиял на солнце — и он не смог сделать шаг в гости-
цию прямо в грязных кроссовках.

«Ох, плебей, — бросил он сам себе, постояв в нерешительности несколько мгновений. — Ну, что ты комп-
лексуешь, в самом-то деле!.. Ведь тут, наверняка, есть
кому потереть за тобой пол. Плебей, да еще и потом-
ственный...»

К счастью, носки у него на этот раз были совер-
шенно новые, без традиционной дырки у большого
пальца. Сбросив обувь, Алексей поискал глазами хоть
какие-нибудь тапки, но, увы, ничего подобного тоже
не увидел. И никто их ему не предложил.

«Ладно... у них, похоже, действительно просто», —
подумал он.

У огромных, в полстены, окон стоял высокий немо-
вой мужчина, одетый в халат, расшитый какими-то
немыслимыми драконами, и курил длинную трубку. Та-
бак был очень ароматным. «Из дорогих сортов, — от-
метил Алексей, и тут же подумал: «А запах что, тоже мо-

жет сниться? Вряд ли... Тогда всё это совсем не сон... что же это?»

Девушки подошли к мужчине, с минуту что-то птаали ему на ухо. Тот покивал и, широко улыбая медленной походкой пошел навстречу гостю.

– Рад познакомиться, милостивый государь. С к имею честь разговаривать?

Несмотря на то, что говорил он очень спокойнн тоне голоса явно преобладали властные интонации.

«Из больших начальников, не иначе... либо ро у него такая. Ну, что ж, мы тоже классику почитать ли... Сейчас я вам, покажу, господа и дамы, на что спобен простой российский байкер, если его раз лять!»

Алексей резко, подражая многократно виденно в кино старинному офицерскому жесту, кивнул гол вой. Каблуками не щелкнул только потому, что бе без обуви. И со всей учтивостью, на какую был спобен, произнес:

– Честь имею представиться, майор в отставк Квятковский Алексей Николаевич. В настоящее врем преподаю в университете.

– Очень приятно. Генерал-майор Ланской Пе Федорович, тоже в отставке. Фамилия у вас польска Не из поляков будете?

– Отнюдь нет, ваше превосходительство, природ ный русак. Мать, изволите ли видеть – простая крест янка из Мологского уезда Ярославской губернии, а би тошка...

Где Алексей зашнулся. Отец его, старый коммунист, последние двадцать лет перед своей кончиной работал директором небольшого советского предприятия — уж точно бы рывкнул на разывравшегося сына прямо оттуда, с небес, если бы отпрыск посмел сейчас назвать его «заводчиком».

Батюшка... э-э-э... служил по статской. Но, откровенно говоря, свои родовые корни я знаю плохо. Отец родился, кажется, в Малороссии...

Понимаю, понимаю, — мягко сказал генерал. — Ну, а с вами вы по какому ведомству изволили служить?

Вот тут Алексей нашелся быстро.

По ведомству генерала Бенкендорфа... Вы, я уверен, должны быть знакомы с ним.

Похвально, похвально... Ведомство из разряда военных, — усмехнулся Ланской.

«Это уж точно», — подумал Алексей.

Странная ситуация, в которую он попал, продолжала развиваться по своим, только ей известным законам. Опереточный генерал нигде не сфальшивил, вел свою роль вполне профессионально, как, впрочем, и подружки. А вот посетивший их усадьбу гость, пожалуй, перенервничал — даже на свой собственный взгляд. Со стороны он, должно быть, смотрелся крайне нелепо: в шортах до колен, в майке с дурацкой надписью, да еще в одних носках, но вел себя так, как будто на нем был офицерский мундир с крестами да эполетами.

Алексею все время казалось, что Ланской вот-вот захохочет: «Ну, пошутили, сударь, и будет. Здорово мы

вас разыграли! Но чем еще на даче заниматься? Скучно знаете ли...»

Но вместо этого хозяин имения произнес:

– Присаживайтесь, господин Квятковский. Там бочку?

– Да нет, спасибо, у меня сигареты, – Алексей вытащил из заднего кармана шорт помятую пачку «Дадофф».

– Сигары? – переспросил генерал.

– Нет, сигареты, – и Алексей протянул своему гостю всю пачку.

Генерал отрицательно покачал головой.

Алексей достал из кармана серебряную зажигалку со своими инициалами, – он очень дорожил этой вещицей, подаренной ему как-то на день рождения его служивцами, всюду таскал ее с собой, – и закурил. Девушкой подошла поближе к нему бронзовую пепельницу в виде лежащей женщины. Алексей с интересом взглянул на массивный предмет: вещь настоящая, не бутафорская. Антиквариат... но что же здесь, черт возьми, все-таки происходит? Да еще с его, Алексея Квятковского, непосредственным участием.

Дым от его сигареты дошла до генерала – и тот мгновенно закашлялся. Алексей поспешил ее заткнуть.

– Извините... Видимо, мой табак не ко времени, и, чтобы сгладить неловкость, произнес:

Простите за любопытство, ваше превосходите-
льство, вы назвали мне свою фамилию – Ланской...
Фамилия в России известная. Вы, часом, не родствен-
ник того Ланского, что женился на вдове Пушкина, На-
таши Николаевне?

Да, – как-то нехотя ответил его собеседник. – Мы
в родстве, но отношений не поддерживаем. Уже дав-
но

Генерал, вдруг задумавшись о чем-то, молча ку-
рил, время от времени выпуская в воздух колечки дыма.
После небольшой паузы он улыбнулся:

Батюшки-светы, да ведь я совершенно позабыл
приглашать вас своих дочерей. Дети, подойдите по-
ближе. Прошу любить и жаловать: старшая – Анаста-
сия, младшая – Поленька. Они у меня погодки. В эту
мину в Москву, на ярмарку невест!

Полно, папá, о чем вы говорите! – резко отозва-
лась старшая из красавиц. – Вы же отлично знаете: у
нас с сестрой есть женихи, мы помолвлены. Кстати, к
нам вечера оба они будут здесь, и господин Квятков-
ский сможет с ними познакомиться.

Алексей закурил было губу, но тут же одернул себя:
«Ну, что мне эта Анастасия? Да, очень красива, но мы с
ней и вправду из разных времен, кажется».

Все равно, он ее уже чуть-чуть ревновал.

– Ну-ну, я пошутил! – засмеялся генерал. – Вот на-
шла на отца, все Ланские не терпят ажи. А в Москву,
нам не менее, мы все-таки поедем, что здесь зимой-то
ждать? Это летом здесь – раздолье... Эге, голубчик, –

вдруг спохватился он, — да ведь вы, наверное, проглотились. Настенька, распорядись насчет чая и закусок. Да пусть принесут бутылку бургонского, урожая со восьмого года.

Анастасия, кивнув своей хорошенькой головкой, вышла из гостиной. Ее сестра села за рояль и, изредка бросая на гостя заинтересованные взгляды, стала напевать что-то, похоже, из Моцарта.

У Алексея давно уже вертелся на языке вопрос, самый, главный, но он никак не мог решиться задать его. Генерал, угадав его состояние, произнес:

— Вы, кажется, хотите меня кое о чем спросить. Спрашивайте, сударь, я отвечу на любой ваш вопрос. Вы это заслужили.

— Чем же это? — опешил Алексей.

— Потом, как-нибудь... по крайней мере, по чаю. Может статься, вы и сами вскоре догадаетесь, — Ланской довольно рассмеялся. — Но пока вы раздумываете, я сам задам вам вопрос: что ваше здоровье, Алексей Николаевич? Анастасия открыла мне маленькую тайну: вы, кажется, почувствовали себя плохо, когда были на реке... А теперь?

— О, не беспокойтесь, генерал. Если что и было, сейчас уже всё прошло.

— Что ж, отлично. Я отойду на несколько минут, вы немного побудьте в обществе моих малюток...

Генерал поднялся и вышел.

Алексей расслабился, слегка откинувшись в кресле. Теперь он чувствовал себя вполне в своей тарелке.

Щеркнув глаза, позволил себе на несколько минут совершенно отдаться во власть музыки и своих грез. Полина играла чудесно – но перед его внутренним взором неизменно стояла ее сестра.

«Боже мой, неужели я влюблен?.. Поздравляю, Алексей Николаевич, не прошло и двух часов... Но вы же девушка и впрямь достойная, надо признать. Даже если она всего лишь будущая актрисулька из местного театрального вуза... А если нет? Если всё это и взаправду... нет-нет!.. Ты современный человек – и обязан отвечать любовью на любые несообразности только рациональные объяснения! Но отец ее – хотя, какой отец!.. партнер по жизни, разумеется! – тоже, надо сказать, очень добротен исполняет свою роль. Что ж, нужно поучаствовать в этом шре... сыграть роль влюбленного майора... Хм, мне с удовольствием!»

Ланской вернулась. В гостиную вместе с ним вошли сразу две девушки – Анастасия (почему-то Алексей стал мысленно называть ее чуть-чуть иначе, на греческом лад – Анастáсия) и горничная в белом чепчике и белом переднике, сделавшем ее похожей на школьницу из его детства.

«И эта тоже недурна... у генерала хороший вкус. Впрочем, рядом с Анастáсией она выглядит пэтэушничков... Но все же кастинг на роли в этом фильме явно был проведен профессионалами – все персонажи смотрятся очень органично... Боже, боже, неужели я влюблен? Чем же это она зацепила меня – ведь не одной только внешностью?»

Анастасия сама расставила на столе высокие сажеры для вина и легкую закуску на красивых блюдах из тонкого, почти прозрачного фарфора. Неграcko спросила:

– Папá, можно я поухаживаю за вами и нашим stem?

– Ради бога, милая... Полинушка, ты тоже ид нам! Я обещал господину Квятковскому ответить его вопросы, но лишь после того, как он откушает нами.

Старшая дочь генерала пододвинула к Алексею релки с закусками, а затем налила в фужеры вина.

– Ну-с, мои дорогие, – пригласил Ланской, – вайте выпьем за эту встречу. Не каждый день у мен имении такой необычный гость.

Отведав вина, Алексей принялся за сыр, которй всегда закусывал красные вина. Вскоре был выпит второй бокал, а затем Анастасия, не делая долгих перывов, налила всем по третьему. Вполне освоившись обстановкой и своей ролью, Алексей встал и произнес:

– Позвольте, господин генерал, третий тост понять за ваших дочерей. Я вижу, что они не только красавицы, но и очень хорошо воспитаны, что крайне рдко встречается в нашем сумасшедшем мире. Дай бж им счастья и хороших женихов!

Генерал благосклонно улыбнулся. Они оба встали, установив локти параллельно столу, как того требовал офицерский обычай, выпили до дна.

Амери Данского сидели рядом, слегка притихли. К закуским они так и не притронулись, ели только финику, да и то изредка, по яголке. Алексей заметил, что они все время тайком поглядывали в его сторону.

Генерал снова раскурил трубку и предложил дружке уже набитую табаком, Алексею. Видимо, ему было не хотелось вдыхать дым сигарет гостя. Алексей с равнодушием закурил. Табак был чересчур крепким и жестким, но очень ароматным.

Полагаю, «Кэпстэн»?

Да... Это очень хороший табак, его мне специально доставляют из столицы. Ну, так о чем вы хотели узнать спросить, милейший Алексей Николаевич?

Петр Федорович, я убедительно прошу вас не смущаться моему вопросу, я вполне нормален, но все-таки какой сейчас день, месяц, год?

Да уж, вопросец, надо сказать... Ну что ж, сегодня двадцатое июня одна тысяча восемьсот семидесято... год от Рождества Христова.

- Год рождения Ленина... - непроизвольно вырвалось у Алексея.

- Оленина? - переспросил генерал. - У них что, мальчик родился? Это наши дальние родственники.

- Да нет, не Оленина, а Ленина. В этом году в Симбирске, в семье Ульяновых, родился будущий вождь революции...

Алексей проговорил это машинально. Голова его в этот момент была занята другим: на секунду представил себе, что всё происходящее с ним не сон и не ро-

зыгрыш, он мучительно пытался понять, как же это гла случиться. Кто перенес его сюда, почти на полстолетия назад? Зачем? Случайность это, или нет?

– Вы что же, – помолчав, спросил Ланской, – умеете предсказывать будущее?

– Я его просто знаю, я там живу...

Но всё в нем протестовало против этой абсолютно необъяснимой ситуации. Он сделал последнюю попытку поставить всё на свои места:

– Послушайте, сегодня не может быть двадцать июня тысяча восемьсот семидесятого года. Простите вся эта мистификация несколько затянулась... Давайте, наконец, поговорим серьезно. Где я?

– Нет-нет, – произнес, не дослушав его, Ланской я не мог ошибиться. Не так ли, Настенька?

– Конечно, папá. Да и земляника начала появляться, я сегодня нашла первые ягодки. А это всегда бывает двадцатого июня...

– Простите мое упрямство, Петр Федорович, – несколько раздраженно произнес Алексей. – Я хочу понять, в чем дело. Вы ведь, признайтесь, потомок какого-нибудь здешнего помещика, эмигрировавшего из России после революции. А теперь вернулись на родину и решили летом пожить той жизнью, как жили ваши предки. Ну, успокойте меня! – почти умоляюще воскликнул он, – ведь иначе всё это просто бред абсурд, какого и Беккет с Ионеско не придумают!

У него вдруг учащенно забилось сердце. Очевидно, генеральский табак был слишком крепок для него.

Хозяин имения встал с кресла, повернулся к иконе и трижды перекрестился со словами:

Спаси нас, господи, от всяких революций, дай ти истинне и мир России.

А затем, вновь повернувшись к своему гостю, вполне серьезно заметил:

К счастью моему и моих дочерей, сегодня, действительно, двадцатое июня одна тысяча восемьсот семьдесят седьмого года. Да, сударь, на дворе девятнадцатый век — и я, право слово, не понимаю, почему вы в этом юбилее сомневаться. С другой стороны, у меня нет никаких причин не доверять вам... да и ваша машина, которую я только что рассмотрел самым внимательным образом, действительно, не похожа ни на одно из современных подобных устройств. Я бывал и в Лондоне, и в Париже — и знаю, о чем говорю. Более того, я много слышал о современных спиритических сеансах... короче говоря, могу предположить, что с вами случилось нечто невероятное. Думаю, вы не откажетесь подробно рассказать мне обо всем, что знаете — но чуть позже, когда вы несколько успокоитесь. Впрочем, уже сейчас могу предложить вам обдумать одно возможное объяснение этому случаю. Сегодня, как вы, наверное, заметили, очень необычный день — день, когда на небе видны звезды. Такой «звездный» день бывает очень редко, и говорят, что в такой день возможно невозможное...

- Не может быть, бред какой-то, — прошелтал Алексей.

Его бросило в жар. Значит, всё это не розыгрыш не постановка?

— И так, вы на полном серьезе допускаете, г рал... — пробормотал он. И замолчал, не окончив ф зы.

Он почувствовал, что испарина покрыла его ло

— Папа, нашему гостю дурно, — донесся откуда сверху голос Анастасии. — Ему нужно немедленно п лечь. Я сейчас позову лакея...

— Нет-нет, — запротестовал Алексей. — Какие е лакеи! Я, действительно, прилег бы на пару ми но...

Прохладная ладонь генеральской дочери опустил ась на его лоб.

— Да у вас жар! Кушетка рядом, Алексей Никола вич. Если уж вы не хотите воспользоваться чужой д мощью, пройдите сами! Вам нужно прилечь!

Гость семейства Ланских послушно, как зомб подошел к обитой голубым бархатом кушетке и лег: нее. И тут же забылся.

На лбу его лежало что-то влажное и прохладно. Он немного скосил глаза: генеральская дочь сидела р дом, о чем-то задумавшись. Он сразу же вспомнил вс что произошло.

«В конце концов, разве здесь мне плохо? Буде считать, что я эмигрировал из дурацкого двадцать п евого века в девятнадцатый, я ведь как раз за этим и при

«А сегодня сюда — за покоем и тишиной... Пусть будет как будет, все равно ведь не я управляю ситуацией, а ситуация мной. Рядом со мной — прекрасная юная женщина, которая может только присниться. Пусть снится дальше...»

«Нет! Нет! — опять проснулся в нем бунтовщик: внезапно, сказывались рабоче-крестьянские корни. — Вдаль этого просто не может быть!»

Настя перевернула повязку и прохлада, нисшедшая на его разгоряченный лоб, опять успокоила его.

«А вдруг я сейчас усну — и проснусь уже в своем времени? — мелькнула в его голове сумасшедшая мысль. — И всё исчезнет... и эта девушка тоже...»

— Анастасия, вы не исчезнете, когда я закрою глаза! Не исчезайте...

Он взял ее за руку и прикрыл глаза.

«А может быть, всё дело в той речушке, где я купался? Почему бы ей, в самом деле, не быть Рекой Времени? Течет себе вдали от людей — и потихоньку меняет эпохи, поколения, уклад жизни... Но ведь место, где я купался, было на редкость тихим — и течение там практически не ощущалось... В этом, наверное, всё дело! Я попал в тихий бочаг, где время остановилось...»

Он проспал минут пятнадцать-двадцать, не больше, но, проснувшись, почувствовал себя вполне сносно. Кухетки — крайне неудобные сооружения, долго на них не поспишь. Алексей открыл глаза.

Всё в гостинной было на своих местах. Значит, никто не собирается отправлять его обратно в XXI-й век.

И теперь он будет вынужден жить здесь всегда. А как это байк?

Он спустил ноги на пол, сладко потянулся и пошел к огромному зеркалу, где смог увидеть себя в полный рост. Да-а, видок еще тот... Достал расческу, привел волосы в порядок, отметив с удовольствием, что плавки на нем высохли, и шорты стали выглядеть вполне пристойно, без мокрых следов сзади.

Подошел к окну и стал разглядывать двор, очень грамотно распланированный, с подстриженными кустами и клумбами. А цветы — те же, что и в его времена те же анютины глазки, маргаритки, гвоздики, нарциссы... Не было только привычных ему тюльпанов, которые в эту пору уже всюду цветут у него на даче.

«Может, их еще не завезли сюда, в этот год, годовщины рождения Ленина... Надо бы спросить у Анастасии. Но где она, кстати?»

— Вы уже проснулись? — услышал он Настин голос. — Вот и славно, я вам приготовила чашечку кофе. Все говорят, что я готовлю его отменно.

Алексей с удовольствием выпил чашечку ароматного напитка, совсем крохотную. Кофе был превосходным и окончательно прогнал остатки сна.

— Спасибо, вы так добры ко мне. Право не знаю, чем заслужил это... Как мне благодарить вас?

— Вы уже отблагодарили нас на много лет вперед... но не будем об этом. Впрочем, если хотите, — он чуть помедлила, — можете меня прокатить на вашем «мо-то-цикле»... так, кажется, он называется?

А вы не боитесь? Это, конечно, не ацтекский танец, управлять им значительно легче, но пристойно ли девушке из хорошей семьи гоняться по деревне на байке, да еще с не очень молодым рокером...

Алексей почувствовал, что овязать входит в привычный для него режим общения.

– Нет, не боюсь. Ни вас, ни вашей машины. Кстати, мне бы надо зайти в церковь, к отцу Иоанну. У меня к нему дело. Да и вам бы туда не мешало зайти...

– Это далеко? Впрочем, не все ли равно... Бензин есть, а мне, судя по всему, уже некуда торопиться. Да, может, и незачем...

– Поедемте!

Они вышли из гостиницы. Алексей, наконец-то, надел свои кроссовки – и тут же отметил про себя, что обутый человек сильно отличается от разутого. Когда же он подошел к своей машине, вполне материальному свидетельству того, что XXI-й век все-таки существует, пусть и чуть поодаль от этого места, то опять почувствовал себя вполне уверенным в себе.

Увидев, как девушка садится на мотоцикл, с улыбкой попросил:

– Сядьте нормально, Настя... Если вы будете сидеть на байке боком – мягком слетите с сиденья. Да держитесь за меня покрепче... эх, прокачу!

Байк завелся с первой попытки.

На крыльцо вышла Полина. Поблескивая зелеными глазами, похожими на оливки, она, увидев их готовыми к старту, как-то слишком серьезно сказала:

– Господин Квятковский, вы, надеюсь, не умываете мою сестру? Помните, что она помолвлена, и назначен день свадьбы.

И добавила, словно поддразнивая его:

– И жених ее очень любит!

– Эх, я бы с радостью, – на полном серьезе ответил Алексей. – Но в нашем веке уже не воруют невест, беспокойтесь, я останусь приличным человеком пса Высоцкий. Впрочем, вы его не знаете, он тоже не родился...

– А меня вы тоже покатаете? – вырвалось у мшей Ланской.

– Конечно!

– Только не быстро, а то я боюсь...

На улицу вышел и хозяин имения. Он был уже халате, а в хорошем европейском костюме, и выглядел довольно молодо, несмотря на легкую седину.

– Это не опасно, Алексей Николаевич?

– Не опаснее, чем когда вы ездите верхом.

– Ну, тогда с богом. Возвращайтесь скорее. обедаем в пять часов.

– Не беспокойтесь, вернемся вовремя.

Байк довольно заурчал – и они двинулись вперед, навстречу чему-то новому.

Анастасия так и не села на мотоцикл верхом, еще и обеими руками обняла Алексея за плечи, а не то место, которое раньше называлось талией.

«Может, оно так и нужно? Не должна красавица держать свои руки слишком близко к тому месту

и м мужчины, которое доставляет ему больше всего
«...и радостей тоже...»

Алексей шуганул свои игривые мысли – и они раз-
летались в стороны, как брызги из лужи, по которой
шагнули солдатским сапогом.

Сначала он ехал не торопясь, чтобы его спутница
немного освоилась. Но она оказалась совсем не кисей-
ной барышней. Крепко вплепившись в него своими не-
ожиданно сильными руками, закричала:

– Мы можем ехать быстрее?

В нем мгновенно проснулся рокер с двадцатилет-
ним стажем. Байк взревел и начал было разгоняться,
мало дорога была приличной. Но она очень скоро за-
кончилась, и перед пассажирами возникла хорошо
утоптанная тропинка, ведущая к церкви, чьи купола ви-
делись за соседним пригорком. Купола были выкра-
шены в небесный цвет и почти сливались с небом, но
плотные восьмиконечные звезды и кресты ослепитель-
но сияли на солнце.

«Экая красота!.. Как бы всё это вернуть в мое время?
Одними строителями тут не обойтись...» – подумал
он, вспомнив, каким сиротливым и неприкаянным был
пог храм всего лишь несколько часов тому назад.

Он снова поехал медленно, сообразуясь с извила-
ми и поворотами тропы. Та постепенно становилась
все шире и вновь превратилась, наконец, в отличную,
хотя и узкую, дорогу. Алексей прибавил скорость, и
они почти полетели над зеленым русским раздольем.
Девушка прижалась к нему, крепко держа за плечи: ви-

димо, все-таки немного побаивалась, хотя и старала не показать вида.

Дорога причудливо петляла, делала какие-то заги, подъемы и спуски. К удивлению Алексея, до церкви пришлось добираться минут пятнадцать. Это навело его на новые неожиданные мысли.

«Здесь всё не так, в этом зазеркалье... нужно держать ухо востро. А вдруг выход в мой век – совсем рядом? Стоит только свернуть в сторону... Да, но ведь там может быть и не один выход... и в разные времена. Господи, что же это со мной происходит? Как называется это место? Почему мне удалось попасть сюда. Ведь я просто поехал кушать... и вот оно как оберлось...»

Церковь была небольшой и очень уютной. Там, как обычно бывают только деревенские церкви, лишённые помпезности и излишней позолоты. Здесь люди чувствуют себя ближе к богу – между ним и человеком нет посредников. Только человек – и бог.

Зайдя внутрь, Алексей постоял у иконы Спасителя, вглядываясь в его строгое лицо. Он чувствовал, что, наконец-то обрел бога – и несказанно радовался этому. Ведь он вполне мог его потерять, такое было его время – время юности и молодости. Но бог не захотел, чтобы он, Алексей, потерялся. И он не потерялся.

Он смотрел на пламя свечей и ни о чем не просил Спасителя. Ему было хорошо и спокойно, как в детстве.

«... когда ты под защитой отца и матери, любящих тебя, несмотря на все твои проделки. Он попытался представить себя и Анастасию, стоящих здесь под венцом священника, читающего молитву... но воображение тут же вытасило из недр памяти картину Пукирева «Правный брак» – и это его немного отрезвило.

Выйдя из храма, он осмотрелся. Анастасия стояла неподалеку и о чем-то разговаривала с батюшкой. Алексей немного постоял в одиночестве, размышляя, что ему делать и как себя вести, а затем подошел к ним.

- Здравствуйте, батюшка, – поприветствовал он священника, совсем еще молодого, с цепким взглядом и навстречной бородкой.

- Ты будь здоров, сын мой. Как наш храм тебе понравился?

Хорошо, спокойно, к богу близко. На таком вышнем холме построили... Не просто это, паверное, так?

Да ведь храму-то уж почти сто лет – старина нырившая. Поддерживаем, как можем, да и его превосходительство помогают.

Жаль, мне нечем помочь: денег у меня с собой нет... да и мои деньги здесь бесполезны.

Ты пришел – и это уже помощь храму. Мне Анастасия рассказала о твоём приключении. Верно ли сие?

Верно, батюшка... но так странно...

Просто Господь тебе хочет что-то сказать, а что – ты потом поймешь. Крестик у тебя есть, вижу... Крепко спи, значит?

– Да, тайком после рождения родители окрестили

– Почему тайком? У нас страна православная. От кого таить?

– Да нельзя в наше время было, боролись с религией...

– С богом нельзя бороться, его надо любить и верить в него.

– Всё так... да время было суровое, новый мир строили.

– Ну, и построили?

– Да... почти... но когда под крышу стали подводить, всё и развалилось. Но мы хотели хорошего. Хотели справедливый мир создать – радостный, счастливый, для всех...

– А без бога ничего построить нельзя. Читал, поди-ка, про Вавилонскую башню?

– Читал...

– Ну, а сейчас как? Нет гонений-то?

– Нет... но сейчас другое. Вот пару месяцев выписал русский перевод Евангелия от Иуды. В Египте нашли рукопись на коптском языке, расшифровали, перевели. И там... там реабилитация этого предательства! Я, когда читал...

– Не надо, сын мой, не гневайся попусту. Это всё от лукавого, змий со своим яблоком долго еще будет искушать людей... А ты не переживай. Господь все устроит. Давно не исповедовался?

– Да у нас пока как-то не принято... Ходим к психоаналитикам...

Значит, еще время твое не настало. Ну, пойдем, я
тебя причащу тебя.

Алексей достал из кармана свою серебряную за-
жигалку и протянул священнику:

Примите, батюшка, на память.

Да на что она мне? Я ведь табачищем-то не балу-
юсь.

Ну, печку в доме будете разжигать. Возьмите, не
откажитесь меня. Она вот так зажигается, очень про-
сто.

Ну, хорошо, спаси Господи, — священник неско-
лько раз щелкнул зажигалкой и улыбнулся. — Ишь ты,
напридумывала...

Он осторожно положил дорогую вещицу на брев-
нышко.

И вот они уже мчались назад, осененные на про-
щание крестным знаменем.

Давно уже у Алексея не было так радостно на душе.
Радость эта была тихой и ясной, он чувствовал себя так,
словно расстался, наконец, со всеми своими тревога-
ми. Да еще и помолодел лет на двадцать. Он чувство-
вал себя юным, уверенным в себе — и ему хотелось
жить и длить это состояние своей души. И в то же
время он прекрасно помнил и то, сколько ему лет, и то,
что с ним случилось сегодня. Легкая грусть, предвес-
тница расставания, овладела им: этот удивительный
и тихий день, «звездный» день, как назвал его генерал

Ланской, таял, словно кусочек льда на солнце. А может быть, день оставался прежним — и истекало только собственное время, время Алексея Квятковского? Вмя, отведенное ему кем-то для пребывания здесь...

Он представил себе игрушку из своего детства: сочные часы. Тонкая струйка, опустошающая верх конус, ускользающие на глазах мгновения... Как обновить их? Перевернуть часы?

Они двигались вперед, с одного зеленого холма другой, и вскоре очутились перед развилкой. Странно, почему-то он не заметил ее прежде. Алексей притормозил — и вгляделся в следы: на примыкающей дорожке был ясно виден след от протектора его байка. Мгновенная мысль вспыхнула и озарила всё вокруг: он понял, что это та самая дорога, по которой он может вернуться назад. Прямо сейчас.

«Свернуть, уехать вместе с ней, начать другую жизнь, жизнь с чистого листа — полную любви и нежности... Ту жизнь, которой у тебя никогда не было. Вот она, дорога, нужно только повернуть — и вернуться назад уже не будет...»

— Что-то случилось? — тревожно спросила Настя. Мы не заблудились?

— Нет, Анастасия... Это мои мысли плавают...

— Анастасия, — поправила она его.

— Это по-русски, а по-гречески будет — Анастас. Ты знаешь, что означает твое имя?

— Знаю. Воскресшая... И это действительно так, ведь могла погибнуть, но тут появились вы...

Молчание повисло в воздухе. Она смотрела ему в глаза, словно хотела что-то сказать – то, что нельзя выразить словами. Ее пушистые волосы пахли ромаш-

Поскакали, Алексей, уже поздно...

Она впервые назвала его так, без отчества – и он никак не ответил.

К кому?

Да, домой.

Значит, действительно поздно... – задумчиво прошептал он. – И ничего изменить нельзя.... Что ж, пора жаться покрепче!

Они помчались в сторону усадьбы.

Он еще издали заметил Полину, которая стояла на вершине холма и махала им оттуда рукой. Алексей чуть крутанул газ, и его «японец» легко, словно наполненный гелием воздушный шарик, взлетел вверх.

Анастасия, возбужденная и покрасневшая, соскочила с сиденья и крикнула сестре:

– Этот мотоцикл – просто прелесть! Какая скорость! Какая сила!

Сестры обнялись так крепко, будто не виделись ни одну вечность. Младшая Ланская тут же подскочила к Алексею:

– А теперь меня! Можно?

Он грустно посмотрел ей в глаза. Время, отведенное ему для пребывания в этом зачарованном мире, ис-

текало, в песочных часах оставалась лишь крохотная горстка песка. А ведь ему хотелось еще так много сказать Насте!

Но язык его не повернулся отказать ее сестре.

— Конечно, садитесь.

Он бросил взгляд на Анастасию — и поймал ответный взгляд. Он понял, что она, так же, как и он, предвстует близкую разлуку.

— Я скоро вернусь, нам надо поговорить, — сказал он торопливо. — Подожди меня! Я знаю, что делать, будет хорошо...

Байк взревел.

Полина легко оседлала сиденье и обхватила Алексея за пояс.

«А она совсем другая, — пронеслось в его голове очень похожая на девушек из моего времени...»

Они попетяли по уже знакомым Алексею хитам, добравшись вскоре до той самой развилки. Байк чихнул и остановился.

— Что, уже всё? — разочарованно спросила Полина.

— Нет, сейчас поедem назад...

— А давайте поедem вот по этой дороге! — воскликнула она. — Мы там еще не были!

Он усмехнулся:

— Да нет, туда, пожалуй, не стоит. У меня ведь тоже есть своя дорога, как и у вас... И эта дорога — только для меня. Хотя, может быть, и еще для одного человека. Кстати, вы, кажется, говорили, что сегодня под вечер явятся ваши женихи?

— Они не скоро, около семи часов. Они обычно сначала играют в карты, затем мы ужинаем, гуляем, а потом выезжают.

— И что, так каждый день? Уже много лет?

— Помина грустно покивала. И, чуть смущаясь, спросила:

— А вы останетесь у нас?

— Пожалуй, что нет. Да, кстати, от моего желания мало что зависит... Но если бы я остался, ваши жени, наверняка, задали бы мне перцу. Чтобы я не клеветал на чувихам... Уж я бы на их месте точно возбух!

— Зеленые оливки расширились.

— Алексей Николаевич, я ничего не понял...

— Он засмеялся.

— Я бы очень разозлился. И вызвал бы соперника на дуэль. А вас, прекрасная девушка, наказал бы презрением...

— Как Ленский — Онегина? Я читала... и вы тоже, наверняка, знаете этот роман. Забавно! Мне казалось, вы читаете другие книги.

— Да, было время, читали. А сейчас уже не то, век цифровой цивилизации прошел.

— Расскажите, как вы там живете...

— Э, зачем это вам? Живите-ка в своем мире, в своем времени. И не заглядывайте за края! Не так уж там и весело...

— Вы, Алексей Николаевич, сейчас похожи на нашего учителя гимназии, когда он делает кому-нибудь выговор. Вам это не идет, вы сразу выглядите старше...

– Еще бы! Я старше вас лет на полтора. . . И что ж . . . пора ехать.

– А куда мы поедем?

Она опять посмотрела на ту самую тропинку, вдруг, обернувшись, радостно закричала:

– Ой, смотрите! Там скачет Настя! Это ее коня вижу. Как славно!

Всадница скрылась за ближайшим холмом, появилась снова. Алексей и Полина махали ей руками – и, наконец, она их увидела. Через минуту она была рядом.

Ловко соскочила с коня и, раздумываясь, быстрой скачки, подошла к ним.

Он смотрел на нее, не мигая. Последние песчинки времени летели в узкую горловину незримых часов. Он понял: им пора расставаться. Может быть, навсегда.

Нисколько не стесняясь сестры, она обняла его и прижалась всем горячим телом. Он утопил свое лицо в волнах ее волос, пахнущих ромашкой.

На секунду ему показалось, что всё возможно, чудо любви свершилось, и оба они, нашедшие друг друга после долгих поисков и мытарств в лабиринтах времени, уже никогда больше не расстанутся.

«Милый . . .» – прошептала она.

И тут же резко отстранилась от него.

А теперь уезжайте, Алексей Николаевич. Вот ваша дорога, — старшая Ланская показала на тропинку, на выжженном месте — след от его байка. — Как жаль, что мы разошлись во времени... А вы бы влюбились в меня? Можно ли любить?

— Ты прекрасна, Анастасия, — сказал он грустно. — Если возможно... Нужно только очень захотеть... Вот эта дорога в мое время. Она открыта и для тебя...

Полина порывисто обняла сестру, словно желая удержать ее. Или отнять у него... Кто их поймет, этих женщины! Особенно, женщин из другого времени.

Обе они вдруг, словно пловчихи в синхронном плавании, возникли совсем рядом. И, поцеловав Алексея, прошептали:

— Не забудь двух стрекоз, которым ты сегодня пошел...

Конь вздыбился и помчался по зеленым склонам, увозя сразу двух наездниц.

Сзади конь Алексея стоял рядом. Сияло солнце. Но уже как-то по-другому. И на небе не было видно ни одной звезды.

А где и откуда им взяться светлым днем?

Он остановил «Фиат» в конце деревни. Дальше дороги не было.

Все-таки пойдешь? — сказала Полина, с осуждением покачивая головой. — За километр, по жаре? Ну, ро-

мантик... Ладно уж, иди. А я пока что молока хорошего, настоящего куплю. Надеюсь, здесь, в этой глуши еще сохранились коровы. А тебе что взять? Если придется красный романовский лук – взять? Ты, вроде, бишь...

– Возьми, конечно. Под «Хеннесси» он хорош идет. Лучше лимона, – зевнул Алексей. – Я недолго,лько искупаюсь... а еще хочу дойти до старой церкви. Кажется, ее хотят отремонтировать. А у меня как раз час студенты-практиканты, так пусть поработают.

– Да тебе-то какое дело до этого? Ну, церковь, что?

– Не знаю... Я все-таки историк по образованию. Ностальгия по несбывшейся карьере, наверное.

– Ну, как знаешь...

Она ему, вообще-то, редко перечила, убедившись за много лет, что это бесполезно. Взяв из багажника банку с пустым баллоном для молока, не торопясь пошел в сторону деревни. Походка у нее была почти девичья, хотя после вторых родов она заметно пополнила. Да ее сестра, Настя, иногда за глаза называла ее «мой птчику».

Он включил сигнализацию и, тоже никуда не торопясь, пошел по тропинке в сторону церкви.

Храм был в полуразрушенном состоянии. Но обрадовало то, что рядом стоял грузовик, и два лохотых мужика сгружали толстые сосновые доски, хороши

Рядом с смолой. Неподалеку стояла батюшка в рясе, из-под которой выглядывали джинсы.

Алексей подошел, поздоровался, назвал себя и сказал, что группа студентов готова безвозмездно помочь храму на подсобных работах.

Батюшка оживился:

Работы невпроворот! А рабочих рук нет, и дальше идти некуда. Скоро здесь вообще нечего будет ремонтировать. А храм-то чудный!

Хорошо, батюшка. Завтра они приедут, да и я с ними. Две недели будут в вашем распоряжении. Ну, и я буду приезжать для контроля.

Он вытащил из кармана пачку «Давидофф» и начал искать зажигалку или спички.

Священник, желая услужить, запустил руку под рясу, но попался там и протянул ему зажигалку.

Сами-то курите, батюшка? – спросил Алексей, не ожидая ответа.

Что вы, Господь с вами! Хотя иногда, знаете ли, курится. Раньше я курил.

А кем были в миру?

Офицером. В Чечне воевал... Ранили там, думаю, что не выживу. Но Господь не попустил смерти. Сейчас, нужен я здесь.

Алексей прикурил и протянул было зажигалку обратно, но ее необычный вид остановил его. Серебряная, кажется. Да еще и с вензелями...

Какое-то смутное, неузнанное воспоминание закружилось рядом с ним.

– Откуда это у вас, батюшка?

– Да тут как-то нашел на бревнышке. Кто-то вид потерял. Красивая вещь, дорогая, наверное. Мне-то зачем она. Возьмите себе, вам пригодится.

Алексей принял подарок, поблагодарил. Пришел на бревнышко. Ему очень хотелось вспомнить что-то, но что именно – он так и не смог понять.

Попрощаясь со священником, двинулся по направлению к реке. По дороге нашел несколько ягод земляники, положил в рот. Вспомнил, что сегодня двадцатое июня, в этот день земляника всегда поспевает. Вкус ягод ему опять что-то напомнил – то ли из детства, то ли еще откуда. С ним такое и раньше бывало, никогда он не мог припомнить ничего конкретного, словно кто-то стер из его памяти целые куски.

Он пересек старую березовую рощу, вышел на луговую поляну, заросшую полевыми цветами. Множество разноцветных бабочек и пчел кружилось над ними, в воздухе стоял легкий гул.

«Чего-то тут явно не хватает, на этой поляне, – думал он. – А, конечно же, дома! Большого дома с колоннами... типа старинной помещичьей усадьбы, чтобы были в нем лакей в ливрее, дворецкий, ключница... И, конечно, сам помещик – в халате, расшитом драконами, с длинной трубкой... И чтобы две красавицы-дочери в длинных платьях катались около дома на старинных велосипедах...»

Он засмеялся, докрутил головой. Правильно Полина зовет: романтик... Вот так с ним всегда: пойдешь по делу, а по пути замечается, да еще и наблюдает себе невесть что. А еще в органах слу-

Над высокой ромашкой, чуть раскачивающейся ветерка, висели две голубые стрекозы. Они выделывали невероятные виражи и пируэты, словно хотели привлечь к себе внимание человека. Алексей с минуту бродил за ними, стоя неподвижно – и они вдруг, перестав осторожничать, подлетели к нему совсем близко. Одна из них даже задела крыльями его волосы. Как это погладила.

Затем две голубые спички с блестящими, словно кусочки слюды, крыльями, синхронно поднялись вверх и умчались.

А он пошел к реке. Отказать себе в удовольствии поплавать в жаркий день он не мог.

Когда Алексей вернулся к машине, Полина уже ждала его.

Ну, ты готов? – спросила она, укладывая в багажник бакалон с молоком и сумку с луком. – Поехали, а то не успеешь с мужем заждались...

- Анастасія... – повторил он задумчиво. – А почему собственно, Анастасія? Разве в свидетельстве о ее

рождении стоит ударение? Может, она Анастáсия?]
знаешь, что означает слово «Анастáсия», в переводе
греческого?

– Где уж мне, – съязвила жена. – Специального
разования не имею, языкам не обучалась...

– Это означает «воскресшая», – сказал он, не об
щая внимания на ее иронию. – Ну, да ладно, поеха
Водичка сегодня в реке – просто чудо!.. Зря ты, все
ки, со мной не пошла. Не любишь ты чудес, Полин
ка!

И, чтобы заглушить ответную реплику, вклю
зажигание.

ПАН АНДЖЕЙ

Повесть

Тьма захватила город внезапно. Ни городские фонари, ни окна квартир не смогли оказать ей даже слабого сопротивления: впереди себя она послала сильный ветер с ливнем, которые вырубали подстанцию, порвали и спутали электропровода, оставив город без освещения. Поздняя осень давно уже мародерствовала на улицах, отнимая у деревьев и кустов последние золотые листья. Теперь она могла торжествовать: Загаившиеся в своих темных квартирах люди в страхе думали о скором приходе ее мрачных друзей, зимних холодов.

Бесприютен, враждебен человеку город, лишенный света. Особенно страшно в нем человеку одинокому – и он стремится где-нибудь укрыться, либо попытается попасть в общество сородичей.

Но кое-кто не сдаётся и в этой ситуации. Отодвинув историю, Андрей заметил, что в нескольких окнах со старых домов появился слабый, какой-то сиротский свет. «Как у нищего на свадьбе», – так сказал бы, наверное, его отец.

Скорее всего, в борьбу с тьмой вступил самый жизнестойкий отряд – пенсионеры. Пережившие войну,

застой и перестройку, они не пали духом и сейчас: дтали из потайных мест, словно партизаны оружие, белые стеариновые свечки – и, поставив эти немудреные светильники в стеклянные банки, зажгли их.

Так тьма получила первый отпор.

А затем по улице проехали несколько легковушек мерцающая красными и желтыми огнями. И былая роль, вызванная погасшими светильниками и ослепшим телевизором, прошла.

Сосед, пять минут тому назад зашедший к Андрею, чтобы скоротать время до сна и уже спровоцированный хозяином на выпивку, тоже увидел эти огни – мгновенно отреагировал.

– Ну что, а мы с тобой так и будем сидеть в темноте? – задал он риторический вопрос.

– Обижаетесь, товарищ! Мыло, соль, спички и свечи – это в русском доме водится всегда, старики учили. Сейчас всё найду, подожди минутку. Ты помитай тут пока о светлом будущем...

Зажигая одну за другой спички, Андрей отыскал в нижнем ящике кухонной мебели целую пачку свечей. Исполнив краткий вариант танца победы, он тоже расставил свечки по стаканам и кружкам, возжег огонь – и пошлая выпивка на глазах стала превращаться в ужин при свечах.

Не хватало только дам. Супруга Андрея уже дважды путешествовала по прекрасной Франции, а же

Ирина, постаревшего кандидата философских наук, и не выбившегося в доктора, изволила в этот вечер выпивать на даче, готовя ее к предстоящей зимовке. Но, может быть, без жен было даже и лучше.

Андрей достал из холодильника и поставил на стол бутылку водки, подаренную ему во время недавней командировки в Нижний. На этикетке бутылки красовался летчик, отдаленно напоминавший героя вчерашних и позавчерашних дней Валерия Чкалова. Видно, чтобы никто не мог усомниться в таланте художника, над портретом было жирным шрифтом подписано: «Чкалов».

«Эх, фантазеры наши водочники, – вздохнул про себя Андрей, нарезая сыр. – Только вот к чему все эти фантазии? И «Чкалов», и какая-нибудь очередная «Литная» – всё это наливается из одной бездонной бочки, которую никак не выпьет русский народ, хоть и очень старается...»

– Ну, давай по одной, – потирая руки, произнес Юрка, но без того душевного подъема, который обычно предшествует выпивке. Что-то гадало душу кандидата, скорее всего, вынужденное одиночество.

Они тихо чокнулись стопками и выпили водку медленно, без спешки и суеты, как истые знатоки этого национального напитка.

По поводу закуски Андрей не волновался: на столе уже красовались располовиненные крупные помидоры, нарезанная толстыми кружками колбаса, ломти сыра, всего черного хлеба и несколько круглых фиолето-

вых луковиц, таких сладких, что с ними вшору и пить чай вприкуску.

– Может, яичницу сделать? – из приличия пре- жил хозяин квартиры. Чистить сковородку после д- чания пирушки ему совсем не хотелось – и сосед, вив это по тону, отреагировал правильно.

– Да, не надо, обойдется, и так всё хорошо, – са Юрка, поддевая на вилку кусок колбасы. – Но вот бочек бы не помешал... лучше маринованный, ма- нький такой, белый... Ты, я вижу, без грибов в это- ду, а жаль.

У Андрея была припрятана литровая банка бе грибов, но он берег ее на Новый год и, несмотр: природную щедрость, все же смог сдержаться.

– Что-то плоховато в этом году с грибами, – у он разговор в соседнее русло. – Правда, выбрался лес нынче только один раз, да и то в воскресенье, а в скресенье, сам знаешь – словно Мамай прошел...

– Дары леса – это же халява, – заметил канди философии. – А халяву народ любит больше всего.

– Не в халяве дело, а в традициях, – возразил А рей. – Собирательство – одно из древнейших заня: славян... попрошу не пугать с известной древнейш профессией...

– Журналистикой, что ли? – засмеялся Юр. Взяв инициативу на себя, он налил себе и Андрею.

– Ну, поехали?

– Стоп-стоп-стоп! – сказал хозяин. – Юрочка, я не могу. Мы же с тобой не алкаши, а вполне интел

иные люди – с хорошей репутацией и минимумом вредных привычек! Поэтому – прошу тост! Если не можешь найти повода, загляни в календарь – вон он, на стенке. Нет ли там какого общемирового, или хоть местного праздника – Дня птиц какого-нибудь... или Дня шипиты Вселенной...

Если нет – тем хуже для календаря, – философ-лигала кандидат. – А, всё равно... Давай за птиц! Пусть, чтобы они благополучно вернулись весной к нам, домой!

Прекрасный тост! – восхитился Андрей. – До завтра пробирает...

Они выпили по второй, а потом и по третьей. Столики были вместительные, стограммовые – и разговор с каждой становился все оживленнее. Полумрак и огонь нескольких свечей, отражавшиеся в темном стекле купленного окна и светлом стекле обеденного стола, придавали трапезе некий мистический оттенок.

Знаешь, о чем я сейчас подумал? – Андрей взял в руку бутылку и несколько секунд всматривался в лицо мужественного и совершенно трезвого летчика. – Жаль, что мы с тобой не умеем вызывать духов, а то можно бы прямо сейчас попробовать. Обстановка для разговора – самая подходящая...

Юрка, мельком взглянув на этикетку, заметил:

Ну, предположим, вызвали мы духа Чкалова, а дальше что? О чем спрашивать? Мы и сами с тобой все

знаем, не хуже любого духа. Да и нет никакой гаран-
ты, что дух не ошибется или попросту не соврет...

– Ну-ну, не обижай духов. Вдруг они всё видят и
шат? Один мой знакомый, из бывших отказников-ев-
говориал мне, что духи – народ мстительный...

Юра, взяв в руки бутылку, начал внимательно
смаковать этикетку. Видимо, он решил полугадать
рею: сделал вдруг испуганное лицо и дрогнувшим
сом, явно перенервывая, произнес:

– Взгляни-ка... у него глаза, кажется, живые! Не
го себе... Да ты взгляни, взгляни!

– Ладно, хватит уже, – добродушно бросил
рей. – И выпили-то всего ничего, а у тебя уже лег-
ко оживают...

– Да ты взгляни, он же улыбается!

Юрий и вправду выглядел испуганным. Ан-
д понимал, что сосед разыгрывает его, но что-то заст-
ло его взять в руки бутылку. Он глянул на летчик
отшатнулся: тот выглядел совершенно живым, вот
улыбнется и что-то скажет.

Хозяин квартиры потряс головой и громко з-
хотал:

- Ну, ты дашь, кандидат наук!.. Эзотерики в-
тался? Переусердствовал, вижу... Юрка, да ты что-
же, как и я когда-то, присягал на верность материа-
му! Ты что, не понимаешь? Это пламя свечей играе-
создаст иллюзию движения изображения!

Он вновь покосился на летчика: в застывшем
Валерия Чкалова не было даже намека на улыбку.

Сосед пугливо потянулся за бутылкой, взял ее — и с минуту всматривался в этикетку.

Фу-ты, — наконец, выдохнул он. — А я уж подумал, ринца свет...

Пить меньше надо, — засмеялся Андрей.

И то правда, — согласился философ. — Давай-ка, парюхи, выпьем за этого летчика. Мир и покой ему им, на небе.

Вот теперь ты правильно мыслишь, философ! Умов надо ублажать, — подтвердил собутыльник.

Они выпили еще по одной и захрустели ядреными уксусницами.

А вот представь, — решил Андрей продолжить тему, которая, после того, как ее сполоснули водкой, вдруг засверкала перед ним первоизданной чистотой. Представь, если бы он, — хозяин квартиры кивком головы указал на летчика, продолжавшего уверенно смотреть в небо, — решил все-таки с нами пообщаться. Допустим, так сказать, недопустимое... И о чем бы ты его спросил?

Юрка, почему-то почти отрезвевший, мрачно прищелкнул:

Если бы да кабы... Раз такое невозможно в реальности, чего в это лезть!

Ну, а всё-таки... Ну, ты представь, хотя бы только на минуту... Вот у тебя открылась эта уникальная возможность — и что?

Кандидат чуть подумал.

— Ну, спросил бы, поступит ли мой сын на следующий год в университет... А может, о конце света, что ты прицепился ко мне! Глупость всё это, дурацкая фантазия двух нетрезвых интеллигентов! Сам-то ты о чем бы спросил?

Андрей положил в рот кусочек колбасы, пожевал.

— Ну-у... поскольку возможность, что называется эксклюзивная, то, наверное, о том, что всегда заботится думающих людей. Как там всё устроено, на небе... ведь летчик — и о небе всё должен знать...

Кандидат философских наук активно включился в процесс тщательного пережевывания пищи, зашпанный классиком. После молчания ответил:

— Вряд ли у него есть доступ к небесным секретам, на небе, тоже ведь есть своя иерархия... А он просто хорошим летчиком, да и к тому же, наверняка атеистом. Кроме того, даже на то, что ему известно там, наверху, обязательно должен быть наложен запрет молчания. Да и не надо нам об этом знать! Вспомни как бог рассердился на первых людей, когда они сделали попытку обрести знание. Ты хорошо Библию читал? Он понимал, что это принесет людям только счастье — и ничего другого. И он предостерегал их...

— Но все же он оставил им свободу выбора! И они кстати, его воспользовались. Выбрали!

— Да, выбрали... увы. Решили всё за нас, своих томков... которые с удовольствием бы сейчас жили в райских садах, ни о чем не заботясь...

лушь несешь, философ. Адам и Ева так бы и жили в раю, без всякого потомства. Мы-то им зачем?

Юрка блеснул глазами и сел на своего любимого стульчик.

- Зачем? Послушай, тебе твоих денег – тех, что ты зарабатываешь – хватает? Было у тебя хоть раз такое состояние души, когда ты был всем доволен и тебе больше ничего было не надо?

Андрей подумал, прежде чем ответить.

- Да нет, пожалуй, ни разу... Вечно чего-то не хватает: то того, то сего... Да я понимаю, к чему ты клонишь! Если всё есть, то жизнь теряет смысл... так? Можно всё это, Юрочка. Разобраться можно только при одном условии: если мы выпьем еще...

Он налил обоим по полрюмки, оставив в бутылке ровно так называемую «перспективу», иначе говоря, рюмку на брата – ведь с пустой бутылкой какая же радость.

Ну, вперед! За постижение того, что скрыто от людей! Хотя бы на философском уровне...

Несколько минут они молча жевали. Андрей уже был готов переключиться на другую животрепещущую тему – о женщинах, но Юрка, что называется, не дался.

Итак, представь, что людям открылось абсолютное знание... Представил?

Легко! – рассмеялся Андрей.

Теперь ответь мне: можно ли поместить слона в карман из-под ботинок?

– Можно, но игрушечного. А настоящего... Ты можешь, но выпить надо очень много! Чего ты гаули спрашиваешь?

– Вот так и с нашим разумом. Не влезет абсолютное знание в нашу маленькую коробочку, которой думаем, дышим, слышим, да еще и едим! Лопнет коробочка! Именно этого и боялся Бог, когда предостерегал людей от тех самых яблочек. И поставил ограничения, за которые мы никогда не прорвемся. И слава богу.

Андрею уже немного наскучил этот разговор, веянный улыбающимся лицом летчика с водочной этикетки. Тем более, что вся эта трепотня, как он совершенно искренне полагал, не имела никакого практического значения. Но что-то отвечать приятелю-философу было нужно, хотя бы для того, чтобы не ударить грязью лицом. К счастью, именно в этот момент в кармане его рубашки затрепыхался и зашел свою легкомысленную песенку мобильник.

– Ну, как ты? – послышался в трубке голос женоподобно четкий, как будто она была в соседней комнате за тридевять земель. – Еще не соскучился?

– Тебе правду или приврать? Как там Париж? говори быстрее, а то это дорого, наверное.

– Слов нет... особенно парфюмерные магазины. Настоящие французские духи, а не польские подделки! Но цены – ужас!

– Жаль, что не придумали еще магнитофоны, записывания запахов. Сейчас бы записала – а дома и крутила подругам...

– Выдумщик ты мой, всю жизнь не тем занимаешься! Ладно, всё у меня в порядке, не скучай, я скоро вернусь.

– Не сильно торопись... да шучу я, шучу! Я очень соскучился... по хорошему ужину... да и рубашки чистые скоро кончатся...

– Смотри там, без нарушений! Ну, пока, мой хороший. Целую тебя!

– Я тебя тоже! Приезжай скорей!

Андрей опустил мобильник в карман и потянулся к помидоринной.

– Как всё изменилось... – прокомментировал Юрий. Раньше звонок из Парижа был сенсацией, событием, а сейчас... Из жизни исчезли милые маленькие шмидлики. Помнишь, как было в нашей трудовой юности? Купил по случаю палку колбасы – праздник, шинку за макулатуру отхватил – праздник, а уж если какие-нибудь джинсы сумел достать – вообще суперпраздник, всенародное торжество!

Соскучился по дефициту? – хмыкнул Андрей, ни в чем не отошедший от разговора с женой. – Так у нас это просто... завтра же введем специальным указом!.. Но лучше не надо. Дружок, ностальгические воспоминания – признак надвигающейся старости. А тебе и того по сорок три... Не рано ли ностальгировать?

Нет, брат, – как-то очень серьезно сказал кандидат наук. – Жизнь так изменилась, что я совершенно не способен к ней приспособиться. Вон, слышишь, залпы из окна... кто-то чему-то салютует... Раньше, когда

ты был при погонах, уже, глядишь, получил бы команду выяснить, что там происходит. А сейчас, хоть Царь-пушки пали – никто не пошевелится...

– Ну, да, страна меняется, и порядки в ней тоже. Диалектика, помнишь?

– Страна-то меняется, да две трети людей остал там, в том времени...

Окно кухни осветилось разноцветными праздничными огнями. Кто-то, уставший от темноты, вышел во двор – и стал запускать в небо петарды, от ваясь от наступающей осени. Но петарды живут несколько секунд, а что дальше – опять дождь и темень?

Хозяин квартиры потянулся к недопитой бутылке, подмигнул Чкалову: летчик задумчиво смотрел на чуждый ему мир, где не было ни пятилеток, ни Сталина, наркомов, ни подвигов.

Андрей вдруг подумал, что этому герою было очень тоскливо в их мире. Кем бы он стал, если бы жил до старости – печальным пенсионером, ждущим как милостыни, лекарств по бесплатным рецептам?

«Нет, – решительно сказал он сам себе, – герои должны стариться! Вечно молодые, они потому и герои, что умирают рано».

И вылила остатки водки в рюмки.

Соседи молча, без тостов, выпили. Полумрак, желавший ни уходить с улицы, ни вылезать из уютной квартиры, объединившись с опьянением, навевал

мые разные мысли – но оба они уже были не юны: их шуло не на любовные приключения, а на родные диваны.

После ухода гостя Андрей подошел к окну. Дома вокруг стояли темные, только несколько окон светилось слабым светом, и по этим маячкам, мерцавшим среди крошечной тьмы, можно было безошибочно определить – там жили пожилые люди. Тоже герои, но, в отличие от улыбчивого летчика на этикетке уже пустой бутылки, продолжающие жить.

Убирая со стола, Андрей хотел было выкинуть бутылку в мусорное ведро, но, еще раз взглянув на Чкалова, поставил ее на подоконник. Пусть стоит. Помойки так переполнены героями прошлых лет.

Свет всё не давали, но его это уже не особенно зашло. Он взял старинный бронзовый подсвечник с мраморную догоревшими свечками, купленный еще в военные годы, зажег все три огарка – и осторожно, чтобы не оборвать листики огня, перенес подсвечник в комнату. Поставил источник света на журнальный столик около своего любимого дивана – и, устроившись поудобнее, начал было читать какую-то книгу, но вскоре убедился, что это невозможно: глаза быстро закрылись. Благодатный сон стал понемногу одолевать его, да он ему и не сопротивлялся.

Ванда вошла в его комнату неслышно, даже не пошевелив. Андрея это не сильно удивило – мало ли что

бывает. Может, он, провожая Юрку, оставил дверь запертой... Она молчала, глядя в него. Он мгновенно встал с дивана – и порывисто, как в юности, нял ее, потом немного отстранился, сам глядя в нее. Она несколько не изменилась с тех пор, как они познакомились. Это было много лет тому назад, в крохотной садишке перед театральным училищем...

...Она сидела тогда с подружкой на скамейке, чем-то весело болтая, часто улыбаясь и жестикулируя. Пройти мимо и не обратить на нее внимание было просто невозможно – но совсем не потому, что она выделялась какой-то особой, яркой красотой. Нет, пожалуй, напротив – цвет ее лица, глаз, губ был слегка приглушенным или, как сразу определил для себя Анджей, акварельным.

Заметив девушку, которая в одну секунду взяла плен его сердце, он сразу замедлил шаг и пошел тише, пытаясь на ходу придумать хоть какой-нибудь пусть самый дурацкий, предлог, чтобы заговорить с ней. И, конечно, ничего не смог выдумать. Поэт, когда поравнялся с ней, решил положиться на свою склонность к экспромтам.

Остановился и произнес первую пришедшую ему в голову фразу, причем, неожиданно для самого себя, не по-русски, а по-польски, хотя этого языка не знал совсем, за исключением двух-трех фраз, которым его давно научил приятель.

– Пидепрашем, пани кохане... Як ваше назвистко? Пани разуми по-польски?

– Разуми, так есть, – весело ответила девушка, и быстро-быстро заговорила на этом славянском языке, внимательно глядя на Андрея, который уже понял, что попал в самую дурацкую ситуацию, какую только можно представить. Как же спасти положение?

Девушка закончила очередную фразу, в которой ни совершенно ничего не понял – и выжидательно смотрела на него. С наименьшим интересом его разглядывала ее подруга, яркая брюнетка с голубыми глазами, которая, по-видимому, быстрее всех сообразила, что здесь разыгрывается мини-спектакль.

– Меня зовут Андрей, – сознался он, не став дальше ваять дурака. И добавил фразу из фильма:

– Я не мог найти предлог, чтобы познакомиться с вами... поэтому – можно без предлога?

Девушка рассмеялась и снисходительно ответила:

– Жаль, пан. Я бы с удовольствием поболтала с вами по-польски. Несколько месяцев ни с кем не говорила на этом языке.

– Так вы полячка?

– Не полячка, а полька... правда, российская.

– Полька – это танец, – засмеялся Андрей, счастливым уже оттого, что она не отказалась с ним поговорить. – Я в пионерлагере учился ее танцевать, знаю. Так как насчет назвистко?

– Меня зовут Ванда, – улыбнулась девушка с квадратным лицом. И взглянула на часы. – Нам пора, сей-

час у нас этюды. Пошли, Алена. Ну, до видзенья, 1
Андрей!

– До видзенья, – эхом повторил он. – А когда с
быть может?

– Завтра, в это же время, здесь же. Вас устроит, п
Подруги встали – и направились к зданию учи
ща.

Андрей, который в те времена был склонен пе
оценивать степень своей мужской привлекательнос
глядел ей вслед, надеясь, что она обернется. Для н
это было бы своеобразным знаком, что он заинтере
вал ее... но она не оглянулась.

«Да, полный облом...» – сказал он себе. И, раз
садованный, покинул «край непуганых девушек»,
тут же окрестил это место.

На другой день он, конечно же, был, как герой
вестного шлягера, «на том же месте, в тот же час», но
же не удивился, когда никого там не застал. Немн
посидел на облупленной зеленой скамейке, испис
ной нехитрыми признаниями в любви, подышал яд
ным осенним воздухом, поворошил носком боти
холмик из желтых и красных кленовых листьев. И
шел прочь, громко произнеся:

– Не мой день!

Он приходил туда ежедневно, целую неделю,
результат был неизменен – Ванда там больше не по
лялась.

«Может, из училища вылетела и уехала дома
Интересно, откуда она? – по-русски говорит чис

женщина... так что, явно не из Варшавы. Наверное, это один из родителей – поляк...»

Последний раз он пришел к училищу в субботу. Там опять не было, зато было много красивых девочек с выразительными лицами, будущих актрис, из которых он, тогда уже завзятый театрал, заметил Лину Заречную, и Эсмеральду, и даже одну Вассу Масинову. Васса одарила его стальным взглядом – и внутренне уже простившись с Вандой, с выражением произнес:

Довольно! Хватит мне пред гордою полячкой житья!

Васса вполне дружественно улыбнулась в ответ, и сам в нем собрата по искусству, и он направился к входу из садика, понимая, что и на этот раз чуда не произошло. В этот момент к нему подошел парень, одетый в отлично сидевший на нем джинсовый костюм фирмы «Леви Страус». Название фирмы можно было легко прочесть на пуговицах.

Андрей остановился и с завистью посмотрел на парня, тут же вспомнив известное изречение, а может быть, просто частушку:

Приходи ко мне на хаус

В модных джинсах «Леви Страус».

Парень, в свою очередь, с сомнением оглядел Аню, на котором были джинсы местного производства дохматый, домашней крупной вязки, свитер. И спросил у него:

– Западной музыкой интересуешься?

– А что есть?

– «Саймон энд Гарфункель», молодая американская группа. Потрясный музон. Особенно «Саунд сайленс», бери, пока есть!

– Спасибо. Сколько?

– Пятерка, всего-то.

Пятерка, по тем временам, была совсем не «всего» на эти деньги студент университета мог жить, пусть и излишеств, целую неделю, но Андрей уже решился. Ну деньги, спросил только:

– Не лажа? Диск настоящий?

– В упаковке! Да ты не бойся – фирма веник вяжет! Ведь она их продает!

На всякий случай оглянувшись по сторонам, Андрей отдал парню деньги, взял пакет с диском – и быстрым шагом пошел прочь от места сделки с молоденьким фарцовщиком, претечей грядущего российского капитализма.

В общаге, где Андрей тогда жил, проигрыватель было, да и диск был новый, «щелочанный». Счастливый обладатель музыкальной новинки немедленно пошел к своему другу Сашке. Сашкин отец работал на границе, и хорошая аппаратура у них дома была.

– Хорошо, что ты позвонил, – вялым голосом сказал друг, – приходи, тем более что сегодня у меня и у одной моей знакомой – день рождения. Решили праздновать вместе. Клевые чувики будут из театра. Вот под твой новый диск и спляшем калинку-линку...

Андрея несколько покоробил Сашкин тон — но было семи вечера он уже стоял у двери его квартиры и выдаивал из кнопки звонка какую-то очень узнаваемую мелодию. Сашка открыл дверь сам, но было видно, что празднует он уже с самого утра. Впрочем, дермиса он молодцом.

Жилец общежития вошел в модно обставленную истинную — и сердце его дрогнуло: за пианино сидела и прекрасная полячка. Она наигрывала какую-то мелодию из репертуара Гленна Миллера, как он тут же инстинктивно определил.

Ванда обернулась, но почти никак не отреагировала на появление знакомого лица, просто кивнула головой, продолжая играть. Мгновенно и смертельно обидевшись, Андрей уселся в глубокое кресло около книжного шкафа и, вынув оттуда какой-то альбом, начал увеличенно внимательно разглядывать цветные иллюстрации. Тогда, как, впрочем, и теперь, он совершенно не разбирался в женской психологии — а посему сидел, посидев у приятеля какое-то время, покушать не следует (после покупки диска он был полный бандаж), а затем незаметно, по-английски, уйти.

Вскоре в квартиру ввалились еще несколько парней, знакомых Андрея по университету, и девушек, среди которых он узнал Алену, подружку Ванды. В его сердце еще теплилась надежда, что именно она и есть самая подруга Сашки, день рождения которой совпал с именинами его приятеля. Но когда все стали поздравлять Ванду, ему всё стало ясно.

Когда гости немного вышли и расслабились, Андрей подошел к приятелю и попросил его поставить новый диск. Но тот, в этот момент по уши занятый седой с именинницей, отмахнулся от него, бросив:

– Поставь сам – вон аппаратура, на тумбочке...

Постояв немного в нерешительности, Андрей улся за стол и всерьез занялся закусками. Ел он увлеченно, как едят по-настоящему проголодавшиеся люди поэтому на время как-то потерял интерес к тому, что творилось вокруг. А когда, наконец-то, оторвался от угощения, понял, что его шансы упущены безвозвратно. Именинник и именинница танцевали друг с другом в обнимку, и Сашка изредка касался губами золотистых завитков на открытой шее молодой полячки.

Андрей окончательно расстроился. Видеть девушку, которую он, как идиот, целую неделю караулил театралки, в объятиях приятеля, совершенно не пожих на дружеские, было невыносимо. Прихватив пачку с диском, он встал и бочком двинулся к двери.

В прихожей кто-то прикоснулся к его плечу. обернулся и обомлел: прелестная полячка улыбалась ему – и только ему.

– Что пан так заторопился? Саша сказал, что у вас собой классный диск «Саймон и Гарфункель». Я за эту группу, очень красивые и ритмичные песни, много напоминает стиль «кантри»...

Андрей вернулся назад, подошел к тумбочке, стоял проигрыватель какой-то английской фирмы, ним своим видом внушавший мысль, что такая маш

может иметь дело только с качественными западными фирмами, а не с черными «колесами» фирмы «Мелодия»», наконец-то, поставил свой диск.

Первая мелодия и была теми самыми «Сауна оф фиаско», «Звуками тишины» – нежная, красивая музыка, предлагающая одновременно и поразмышлять, и фантазировать – как получится.

Ванда стояла рядом.

– Станцуем? – предложил Андрей, внутренне дрожащий от возможного отказа и, одновременно, почему то уверенный в том, что она не откажет.

– Быть может, пан Анджей.

– Почему «быть может»? – не понял он.

– «Быть может» по-польски означает «да». Очень приятно...

Она улыбнулась ему той улыбкой, после которой ему стало совершенно неважно, какие у нее отношения Сашкой, и почему она за всю неделю так и не встретилась с ним.

Они начали танцевать – и больше в тот вечер не привалялись друг от друга. Сашка, сначала равнодушно наблюдая за ними, наконец, все-таки не выдержал и подошел. Со всей иронией, на какую был способен, произнес:

– Дети мои, вы как будто слиплись от жары, вас не растащить...

Андрей ставил «Звуки тишины» несколько раз – и эта мелодия, мелодия их любви, вспыхнувшей в тот вечер, сопровождала его потом всю жизнь.

Только расставаясь с Вандой у ее подъезда, вспомнил, что сегодня они праздновали день ее рождения. И подарил ей диск.

... Она молчала, вглядываясь в него. Тихо сказала – Как ты изменился, милый... Я много раз хотела прийти, но не знала, нужно ли это... А сегодня, внезапно услышав ваш разговор с Юрием, решила...

– Ванда, но ведь тебя же нет, уже давно нет! – воскликнул он. – Твоя подруга позвонила и сказала, ваш самолет разбился, что ты погибла! Я долго...

– как бы оправдываясь за что-то, добавил он – Это неважно... Важно только то, что мы любим друг друга. А то, что мы не успели пожениться, это висело уже не от нас. Пойдем, милый, – она взяла его руку, – мне разрешили открыть тебе кое-что из того, чем ты хотел узнать...

За штурвалом старинного самолета сидел летчик одетый в меховые унты и теплую кожаную куртку. обернулся – и Андрей, совершенно не удивившись, назвал человека с водочной этикетки. Ванда прижала Андрею, словно побаиваясь предстоящего полета.

– Ну, что, летим? – спросил Чкалов. – Держит ребята!

Маленький самолетик, взяв длинный разбег, взлетел – и стал быстро удаляться от земли. Через мгновение они приземлились на ярко-зеленом участке земли, похожем на площадку для игры в гольф.

Пойдемте, ребята, – сказал Чкалов, выбираясь из ниши. – Андрюха, ты ничего не бойся, Ванда все время будет рядом. Я очень рад, что вы с другом сегодня дошли обо мне. Для нас здесь это очень важно. Да, и что еще: разговаривать здесь ни с кем не пытайся – ни не ответят, потому, что не видят и не слышат тебя. Жуть, братишка, всё иначе. Но кое-что ты поймешь, если захочешь...

Они тут же оказались в огромном зале, вернее, в каком-то залитом светом пространстве, несомненно, ограниченном, хотя стен нигде не было заметно. Повсюду были видны небольшие группы людей, лица которых Андрею были знакомы.

Он сразу же узнал Ленина и Сталина, стоявших рядом – главные российские персонажи минувшего века чем-то оживленно беседовали между собой, при этом Андрей, как ни странно, мог на расстоянии слышать содержание их беседы.

– Над чем сейчас работаете, Владимир Ильич?

– Изучаю дела о незаконных порубках леса в Тверской, Ярославской и Московской губерниях. Поступило задание из Главной Канцелярии. Необходимо срочно выработать какие-то рекомендации, а затем подыскать необходимых людей, внушить им эти идеи – и курировать процесс, вплоть до принятия необходимых законов. Иначе скоро наш лесной народ будет жить в скалах... если будет жить! Всё идет архитрудно. Ну да ничего, батенька, справлюсь, не впервой. А у вас, Иосиф Виссарионович, как дела?

– Я работаю над трудами современных богов. И тоже выработываю рекомендации.

– Удачи вам, Иосиф Виссарионович!

– И вам тоже, Владимир Ильич.

Андрей с Вандой прошли мимо Брежнева, крый, одетый в рабочий комбинезон, но при всех наградах, увлеченно копался в двигателе инома. Неподалеку Хрущев поливал ухоженные грядки с овощами и капустой, а рядом Рональд Рейган ставил для какой-то сцены – шли съемки фильма.

Все эти люди казались вполне счастливы. Встретив недоуменный взгляд Андрея, Ванда улыбалась:

– Здесь они делают то, что всегда хотели делать, к чему у них лежала душа. И они, как видишь, счастливы...

– Но у нас на Земле они занимались политикой, это был их выбор... Получается, что здесь свободы выбора у них нет? Но ведь без этого же нельзя жить... ты, что я говорю? Ты больше меня знаешь, объясни.

– У них был выбор там, на Земле, где они находились в кратковременных командировках. Там они сделали свой выбор, и результаты ты знаешь. А здесь она коснулась своими пальцами его щеки, но он не чувствовал этого, – всё иначе... Но это всё, что тебе жно знать...

– Ванда, а что будет со мной, я останусь здесь?

– Нет, Андрей, ты сейчас вернешься назад. Присегодня, в мой день рождения там, на Земле, мне сд

подарок – встречу с тобой. И попросили кое-что тебе показать, учитывая твою просьбу. Ты же хотел узнать, как тут всё устроено.

– Но это же была шутка нетрезвого человека...

Она вновь улыбнулась.

– Пойдем, Валерий доставит тебя обратно...

– Не уходи, не исчезай! Я же не виноват, что всё так ужилось! Я ведь просил тебя остаться со мной, не лезь никуда, помнишь?

– У меня тоже был выбор, и я выбрала тот полет... Ю я любила и люблю тебя, пан Анджей. Помнишь, как ты пытался изобразить поляка?

– До сих пор стыдно, – пробормотал Андрей.

– Но было так мило... Если бы не те твои фразы и польски, мы вряд ли бы были вместе. Я просто не обратила бы на тебя внимания. Столько мальчишек шивалось вокруг...

Он уже сидел в кабине самолета. Герой-летчик Валерий Чкалов, очень похожий на свой памятник в Лужнем Новгороде, подошел к пропеллеру, руками рванул его, запустил двигатель. Ванда махнула Анджею рукой.

И стало светло.

Он открыл глаза: в гостиной сияли все лампочки. Свечи едва теплились, сжигая последние капли стеарины – и вскоре погасли, испустив печальные струйки дыма.

Он молча сидел на диване, пытаясь припомнить детали своего сна. И не мог. Но Ванда стояла у него перед глазами — юная девушка, которую он когда-то потерял.

Да, сегодня был день ее рождения. Сегодня ей было бы тридцать семь.

Он немного послонялся по комнате, а затем, рывшись в ящике, отыскал диск «си-ди» с записями ранних концертов Саймона и Гарфункеля. Знакомая мелодия, мягкие голоса молодых тогда американских певших о звуках тишины, вновь вернули его в юность.

Он вспомнил, что у него не сохранилось даже фотографии. Сразу после свадьбы его юная супруга увидев альбом, где было несколько фотографий друзей с дарственными надписями, потребовала, чтобы он их разорвал, причем, при ней. Отступать ему было некуда — и все фотографии он сжег тут же. Все, кроме Вандиной, которую он сначала отложил в сторону, а затем положил в альбом. Юная жена ничего ему тогда не сказала, но ту фотографию он больше не видел, сколько ни искал.

Подробности их последней встречи, уже забытое было, ясно виделись ему теперь. Как же это было? Верно, поздней весной того же года они поехали на южной компанией за город на веселеньком белом городском трамвайчике. Кроме Ванды, там были еще ее подружка, голубоглазая брюнетка Алена со своим возлюбленным, молодым поэтом Котовым. Тот уже начинал

да по-темному печататься, но ни о каком вступлении в творчество писателей не думал – ему просто нравилось писать стихи и декламировать их друзьям. В свежей березовой роще, среди только что распутившейся зелени, они сидели, пили дешевый портвейн и слушали стихи. Иванов, любящий эпатировать публику, не делал никаких скидок на возраст и пол слушателей – и прочел две строчки из своего нового шедевра «Царевна-лягушка»:

*Лягушки, конечно, встречались мне,
Но хоть бы одна царевна...*

Алена вспыхнула, обиделась и убежала, Котов пошел ее разыскивать, а Андрей с Вандой, оставшись вдвоем, целовались, пока у обоих не онемели губы. А когда уже надо было уходить, Ванда, глядя на него своими серо-голубыми глазами, достававшими до самого сердца, вдруг сказала:

– Андрей, женись на мне!

– Что, прямо сейчас? – неловко пошутил он. И тут же, увидев, как похолодели ее глаза, добавил:

– Не сердись, мы еще так молоды, и за душой ни фразования, ни денег...

– Какой ты практичный, я и не знала, – улыбнулась она. – Да ладно, я пошутила. Кстати, сразу после экзаменов я улетаю с родителями на юг, уже и билеты купила. На самолете полетим. Здорово, я никогда ещё не была, только во сне...

– Но мы же хотели провести это лето вместе?

– Не получится, – вздохнула она, – родители настаивают, а я послушная дочь.

И, немного помолчав, добавила:

– Трудно выбирать, но когда выберешь – ст
вится легко...

В начале июля она улетела, а спустя неделю с
нал от Алены, что самолет разбился при посадке
Ванды больше нет.

Что же с ним было потом? Он не любил об
вспоминать. Но мелодия их любви, «Звуки тиши
всю жизнь звучали в его сердце.

Саймон с Гарфункелем давно уже пели друг
сну, о страданиях несчастной миссис Робинсон.
рей вдруг решил, что на сегодня тоски ему уже хв
Вырубив музыку, подошел к окну.

Город сумел победить осеннюю темень – и
отступив, затаилась в маленьких переулках и ст
двориках, где тусклые лампочки не были ей страш

Многоцветье огней навело Андрея на мысль
он сегодня один – и может слегка развлечься. Он
звонил и заказал такси.

В кафе играла негромкая музыка в стиле «
эйдж», настраивая немногих посетителей на сп
ный разговор о милых пустяках. Все столики был
няты, но как-то очень нерационально: за каждым
ло по одному-два человека. Андрея здесь хороши
ли – он частенько заходил сюда, чтобы выпить ч

французского кофе, а то и бокал дорогого французского вина.

– Как обычно? – спросила барменша, приветливо улыбаясь ему.

– Да, фужер «Божоле» и чашку кофе без сахара. Но сначала кофе – мне надо немного взбодриться.

Он поискал глазами, куда бы пристроиться, чтобы никому не мешать – и выбрал столик у окна, где сидела одинокая женщина, пытавшаяся что-то разглядеть в лицевом журнальчике. Подошел, попросил разрешения сесть. Женщина, равнодушно посмотрев на него, кивнула утвердительно, продолжая рассматривать старые картинки из жизни богатых и счастливых.

На столе в маленькой восточной плошке, наполненной водой, плавал одинокий плоский огарок. Андрей вытащил зажигалку и зажег свечу.

«Сегодня у меня какой-то свечной вечер», – подумал он, внутренне усмехнувшись. Как и любой человек, он любил смотреть на огонь; это занятие, не требующее ни физических, ни умственных усилий, всегда восстанавливало его душевное равновесие.

Юля, молоденькая улыбчивая девушка, быстро выполнила заказ и поставила перед Андреем чашку ароматного, с аппетитной пенкой, кофе, бокал красного вина и блюдечко с крохотной шоколадкой, похожей на золотую десятку царской чеканки.

– Надеюсь, это всего лишь «Божоле», а не прославленное молдаво-грузинское ассорти, – со значением шутил Андрей.

– Ну, что вы! Вы же наш постоянный клиент!,
взгляните-ка на цену.

– Ну, цена – вещь гибкая... как балерина: сде-
пируэт в любую сторону, как прикажет постанов-
танца. Ладно, я это просто так, в вашей честности я
сколько не сомневаюсь...

Он попросил девушку сразу рассчитать его:
позволяло уйти без предупреждения и утомитель-
ожидания процедуры расплаты.

Уютно устроившись в мягком кресле, он не ти-
пясь отхлебывал из фужера превосходное молодое
но нового урожая, и постепенно ощущение покоя и
тойчивости жизни вернулось к нему. Ни с кем общ-
ся ему не хотелось, достаточно было того, что во-
него сидели люди, которые негромко разговарив-
друг с другом, или же танцевали, не обращая ни на
внимания.

Андрей старался не смотреть на свою соседку,
бы ненароком не спровоцировать какой-нибудь не-
жный разговор. Впрочем, она тоже как будто не пр-
яла никакого желания поболтать, продолжая лис-
свой журналчик и изредка прикладываясь к свс-
фужеру с белым вином.

Но так уж устроен мир: некие токи все равно и
бегают между двумя людьми, особенно если это м-
чина и женщина, сидящие за одним столом. А с
еще на этом столе горит свеча, похожая на малень-
часовенку, то пламя ее непременно объединяет все
вещенное ею пространство.

— Ничего, если я закурю? — осведомился Андрей.

— Курите, хоть это и вредно.

— Да жить вообще вредно.

— Дело вкуса.

Во время этого коротенького диалога он успел рассмотреть женщину, яркою брюнетку с голубыми равнинными глазами, и подумал, что где-то уже видел ее. Но, похоже, очень давно. Задавать банальные вопросы он не любил, а поэтому промолчал.

Свеча горела, два человека за столом молчали. По-истине, однако, Андрей почувствовал нарастающее нем некое внутреннее беспокойство, дискомфорт — и лишь на этот раз изменить своей привычке.

— Мы раньше нигде не встречались? Мне знакомо ваше лицо. Извините, не отвечайте, если не хотите...

— Быть может, — коротко ответила женщина и, достав сумочки пачку сигарет, тоже закурила. Пригубив своего бокала, пристально взглянула на собеседника.

— Вы здорово изменились, пан Анджей. Я вас узнаю с трудом. Видно, жизнь у вас была непростой...

Андрей вздрогнул. После гибели Ванды его так кто и никогда не называл.

С улыбкой, скрывающей смущение, ответил, разглядывая женщину:

— Похоже, я оказался прав... Это что, привет из посты далекой? Пан Анджей... так называла меня только одна девушка, да и то очень давно. Но ее больше

– Да, – спокойно заметила женщина, – это действительно было так давно, что не стоит горевать заново. Но вот вспомнить Ванду мы с вами можем. Тем более что сегодня ее день рождения.

Андрей опустил голову. Он уже понял, кто это у них, узнав в собеседнице подругу Ванды.

– Привет, Алена, – грустно сказал он. – Ты встретишь, как наша с тобой, не спланируешь заранее. Как у тебя всё сложилось? Где твой поэт? Кстати, помнишь ту поездку за город? Ты еще тогда обиделась на него и убежала. И очень кстати... – усмехнулся.

– Конечно, помню, – наконец, улыбнулась и она. – Стаканов не было, ты разрезал пополам каравай чего-то хлеба, вытаскивала оттуда всю мякоть – и в эти соки разливал портвейн...

– Правда-правда, – припомнил Андрей, – о том было удобно было закусывать таким стаканом...

Они помолчали, вспоминая каждый своё. Г. неумолимо затягивалась – и Андрей вновь решил говорить.

– Ну и как, произошла «сбыча мечты»? Удалось сыграть Нину Заречную? Ты, помнится, тогда очень увлеченно говорила об этой роли...

– Нет, всё как-то не сложилось... Да так даже и хуже. Понимаешь, я, пусть и годы спустя, поняла образ. Дело в том, что Чехов, устав от глупости, казавшейся ему окружающих его женщин – взял и назвал всем написанную женщину-мечту, женщину-фантазию, которая ему в жизни не встретилась, да и встретиться

не могла. И таким вот образом отомстила всем... особенно, знакомым актрисам. Он создал образ, который невозможно сыграть достоверно! Ведь сыграть мечту невозможно. Уже не одно поколение актрис бьется над этим образом — и ничего! Сколько я пересмотрела «Чайку», а видела лишь перекрашенных в белое ворон...

— Ну, не знаю, — сказал он, несколько ошарашенный этим внезапным монологом. — Может быть, в тебе юморит обида на несложившуюся актерскую судьбу? Мне встречалось и вполне приличное исполнение этой роли... Но пьесы Чехова, по моему мнению, надо просто читать, а не смотреть. Это просто он такую форму выбрал для своих романов. Он ведь не любил писать длинно.

— Может, ты и прав. А насчет моей судьбы... нет, у меня всё не так уж плохо. Играю в театре в Москве, снимаюсь в нескольких сериалах. Правда, — она усмехнулась, — с некоторых пор пришлось перейти на роли молодых мам молодых дочерей. Ну, тут уж ничего не поделаешь. Смешно ведь, когда тридцативосьмилетняя, перживавшая всё на свете дама играет юную Джульетту.

— Да, сейчас время юных и молодых...

Он говорил что-то еще на эту тему, но уже чувствовала, что эти его слова никому из них не нужны, что несью его встречи с Аленой была не околотеатральная болтовня, а совсем другое. Всё, что происходило с ним сегодня, не было случайным — и эта встреча с Аленой — тоже. Кто-то свел их сегодня за этим столиком, и этим кем-то была Ванда.

Он встал и поднял свой бокал.

– Давай выпьем за нашу юность! И за день рождения Ванды. Как жаль, что жизнь ее оборвалась так рано. Из нее получилась бы великолепная актриса, ярен. И женщину-мечту она бы сыграла... По крайней мере, в моем сердце она осталась именно такой.

Чуть пригубив из своего бокала, собеседница (тро взглянула на Андрея и тихо, как бы через силу, изнесла:

– Да, у нее всё получилось совсем не так, как хотела...

– Да что получилось-то! – воскликнул Андрей. Погибнуть в семнадцать лет...

– Она не погибла...

Он недоуменно посмотрел на нее.

– Как не погибла? Ты же сама мне тогда позвонила и сообщила о ее смерти...

Он встал, отошел от стола, вернулся, снова сел в кресло.

– Ты хоть понимаешь, что говоришь?

Алена с сочувствием посмотрела на него. Было похоже, что она жалеет о том, что сказала. Да еще человеку, который когда-то был безумно влюблен в подругу.

Андрей, совершенно опарашенный, молчал.

«Да нет, абсурд, нелепость... Она, конечно, что фантазирует – у актрис это бывает, особенно в бал

овском возрасте... Разве Ванда могла обмануть меня? Она же любила меня, я знаю, я помню!»

Наконец, он овладел собой.

– Ну, если уж ты сказала «а»... Говори, говори!

Он уже понял, что Алена проговорила нечаянно и теперь жалеет о сказанном.

Она залпом допила свой фужер и затянулась сигаретой.

– Нам с тобой никогда не понять, что чувствует человек, попадая в аварию высоко над землей... Там надежда только одна – на то, что бог пожалеет, поможет стечкам и пассажирам. Ванда потом, в больнице, куда она попала после катастрофы, рассказывала мне, что она сидела в кресле – и молилась. До этого она не знала ни одной молитвы, а тут как будто вспомнила то, что было давно ею забыто. Никто не мог ее спасти – ни родители, которые были рядом, ни ты, оставшийся на земле – только Бог! И она сказала себе, что если останется жить, то посвятит себя Богу – и только ему...

– Так она жива осталась! Жива?

– Да, хотя самолет здорово покорежило при посадке... Я ведь встречала ее в аэропорту – и всё видела. Улице бы не видела... Она была без сознания, когда ее вытаскивали из самолета. Но пострадала не так уж сильно... в общем, выкарабкалась. А когда пришла в сознание, попросила меня позвонить тебе – и сообщить, что ее больше нет. Я пыталась ее отговорить, родители, когда пришли в себя, тоже были против, но она уже приняла решение. И, когда поправилась, уехала, став

послушницей женского монастыря где-то в Волоской области...

После некоторого молчания Алена добавила:

– И знаешь, какая во всей этой истории странность... фамилия летчика, который все же посадить самолет и всех спасти, была Чкалов. Это, ты помнишь, однофамилец известного летчика-сталинских времен...

Андрей сидел, опустив голову. Он никак не взять в толк, почему Настя так поступила, почемушила оставить его.

– Она о тебе помнила, – отвечая на его невысказанный вопрос, произнесла Алена, – да и сейчас, наверное, всё помнит, пан Анджей. Любила она вас...

И вновь за столиком повисло молчание. Свеча догорела, и что-то навсегда исчезло вместе с погасшим пламенем.

– Да... – наконец, вымолвил он, – жизнь не так-то такль, заново не поставишь, идет без репетиций – сложилось, так и сложилось... А ты виделась с ней после этого?

– В те времена – нет... Она прислала мне поздравление с каким-то праздником и просила не тревожить ее.

– Эх, ну как же так можно! – вырвалось у него. – И ужель ты не могла обо всем сообщить мне? Я вытаски бы ее оттуда, я уверен...

Я не умею и не хочу спорить с Богом! – отрезала
Ю. Кстати, и Бог не принял ее жертвы, снова пожа-
лел. Почти год она была послушницей, а затем все-
таки не выдержала и ушла из монастыря. Я знаю, что
она жила в одном маленьком городке, потом вышла за-
муж за какого-то простого парня, нарожала ему кучу де-
тей...

Он еще ниже опустил голову.

Она тронула его за руку:

– Не печалься, ведь она жива – и живет той жиз-
нью, которую выбрала сама. У нее был выбор, и она его
сделала... как когда-то сделала свой выбор Ева, первая
женщина на земле...

– Да, – подтвердил он печально, – выбор всегда де-
лается вы, а не мы...

– А вы, пан Анджей, запомните на будущее, – ска-
зала она, улыбнувшись, – что завязывать разговор с ма-
лознакомой женщиной – это очень неосмотрительно.
Жили бы сейчас спокойно...

– Да что уж теперь, – вздохнул Андрей, – всё давно
ушло. Я давно женат, двое детей, всё у меня нор-
мально... Но болит иногда сердце о несбывшемся...

Она кивнула, думая уже о чем-то своем. Но ему хо-
телось договорить:

– А в общем-то, главное, что она всё-таки жива...
Хорошо, что я узнал обо всем! Мне легче будет жить на-
встречу, зная, что где-то есть человек, который любил ме-
ня...

Они простились, но из кафе ушла она одна.

Он заказал себе еще вина, потом еще и еще. В него не брало, а водку там не продавали. И выбора у него не было.

Глубокой ночью он заказал такси и поехал до Загнанная в углы и узкие переулки тьма сидела там темно, осенний город, как и всегда, сиял огнями фонарей и реклам – и даже многие окна еще горели. Там, знами, шла жизнь других людей, у каждого из которых быть может, как и у него, иногда болело сердце с сбывшимся. И каждый, как и он, преодолевал свою тедию терпением, верой и надеждой. Наверное, рядом с каждым был кто-то родной, помогающий жить и мле.

Он достал из кармана мобильник, нашел парский номер. И, несмотря на поздний час, позвонил не.

ДОМИНО

Повесть

Моя любимая песня – «Домино». Помните?

Домино, домино, будь спокоен,

Не надо печали...

Не помните... А я помню и часто напеваю ее, либо про себя, либо вполголоса, когда никого нет поблизости. К сожалению, природа, дав мне певчую душу, наградила голосом, и мое пение мало кто выдерживает. Маленький сын начинает жалобно канючить: «Папа, не пей!» (слово «пей» он произносит именно так), жена фыркает, и даже мой задушевный друг, кот Рыжун, сразу уходит из комнаты, недобро сверкнув своими синефторными глазами. А сам, между прочим, никогда даже не мяукнет, если поблизости нет хоть какой-нибудь аудитории. Но меня вот осуждает, стервец.

Песню эту я впервые услышал в детстве. Когда отец приходил домой выпивши (впрочем, матери он очень убедительно объяснял, что больше, чем кружечку пива, он себе позволить просто не может), то обязательно исполнял «Домино». Причем, всю песню, с начала и до конца. Как ни странно, он знал в ней все слова, хотя у прочих – только по одному куплету. Это по наследству передалось и мне. Я тоже не люблю долго

петь одну и ту же песню: выдам один куплет, а дальше голову почему-то лезет совсем другая мелодия.

Как-то отцу, по случаю, даже посчастливилось пить с рук заезженную пластинку с любимой песней ее, помнится, исполнял певец со смешной фамилией, то ли Скамейкин, то ли Барашков, уже и не помню. Песня исполнялась на русском языке, но, поскольку некий неизгладимый буржуазный привкус она все же сохраняла, певец перед исполнением, как бы в отчаяние, произносил идеологически правильные речитатив, слегка подвывая:

*В демократическом Берлине
Впервые этот вальс звучал,
И все поют его отныне,
И всюду он любимым стал.*

Именно поэтому я всегда считал, что «Домино» — дом из дружественной ГДР, где жили хорошие, «наши» немцы...

Вот странное свойство моей памяти: какую-нибудь похабную частушку, услышанную в деревне от подгулявших парней, или тот же дурацкий стишок про демократический Берлин я запоминаю сразу, без усилий, на всю жизнь — а приличное стихотворение, сколько ни твоё, при первом же удобном случае вылетает из баг. Как птица из клетки, где забыли закрыть дверцу...

Исполнив «Домино», отец, по обыкновению, начинал терпеливо излагать аргументы, опровергающие

инюды матери о том, что выпил он не меньше четвертинки. Правда, без особого успеха. Порой на помощь ему приходил сосед, бывший танкист с обгоревшим и поэтому немного пугающим лицом (на войне его танк подбили, он чудом выжил). Вдвоем они, слаженно действуя в паре, иногда одерживали верх над матерью — хотя неустранимые сомнения по поводу предмета дискуссии у нее, надо заметить, всегда оставались.

Бывший танкист, добрый и работающий мужик, женился, придя с фронта, на симпатичной, хлопотливой и очень молодой женщине. Они оба так удивились и растерялись, когда у них родился ребенок, что с испугу, не понадеявшись на себя, наняли себе в помощь няньку, деревенскую деваху со сложным рельефом тела. Когда она мыла полы, танкист с отцом любили покурить где-нибудь рядом, рассуждая о разных разностях, например, о том, как надо себя вести, чтобы прожить долго. Танкист доказывал отцу, что если каждое утро на завтрак пить какао с молоком, можно прожить хоть до ста лет. Отец ему что-то возражал, и оба они то и дело, как бы невзначай, бросали взгляды на различные выпуклости, которыми изобиловало крепкое тело деревенской девушки.

Правда, вскоре этот здоровый исследовательский интерес был замечен женой танкиста, и няньку рассчитали (предварительно, впрочем, подыскав ей место на свинодворе). Официальным предлогом для расставания с девушкой было то, что она якобы плохо промывала унитазы в местах общего пользования.

Другой наш сосед, с первого этажа, держал в св сарайке двух свиней и раскармливал их до такой ст ни, что они даже ходить не могли — только цел днями валялись на соломе, да чавкали. Весь дом тас этим свиньям остатки еды. Положим, остатков а было не так уж и много, — люди, пережившие во ценили пищу и готовили всегда ровно столько, чт хватало на членов семьи, — но все-таки хрюшки из шего дома голодными никогда не оставались.

Обычно после того, как сосед пускал одну из с ней под нож, танкист задешево покупал у него здоров ный кус сала, килограммов этак на десять — и сам, доверяя эту тонкую работу своей русской жене, готов национальное украинское блюдо, сало с чесноком. Примерно через неделю оно созревало, и танкист, пр гласив отца на кухню, ставил на стол четвертинку вод и резал сало тонкими белоснежными ломтиками. Нач палось священнодействие, то бишь, дегустация.

Мне, мальчишке, тоже однажды было предложено продегустировать продукт. Я сначала наотрез отказал поскольку перед моим внутренним взором неотступ стояла та самая свинья (с очень умными, почти челове кими глазами), чье сало предстояло попробовать, но та кист, сделав здоровенный бутерброд, протянул его мне. веско произнес, словно приказ отдал:

— Будешь есть сало, и никто во дворе тебя не п бедит, — и подмигнул своим обоженным веком.

Это сработало. Драки и мелкие стычки происх дили в нашем дворе ежедневно. Дрались у нас, права

и любой злости и лишь до первой крови, но ходить
рожденных не хотелось никому. Именно поэтому я
ам, без малого сорок лет тому назад, преодолевая
иливость, взял бутерброд, — кусок хлеба и шматок
аи, и попробовал.

С тех пор я постоянный поклонник этого продук-
Особенно зимой.

Боже мой, как далеко она теперь, та зима пять-
и шестого года... Порой с трудом верится, что все
и было в моей жизни. Сейчас, когда на дворе стоит
итябрь, казун бабьего лета, а с неба светит мягкое ут-
ище солнце 1993-го, все, что было в те далекие годы,
ишивается в теплые, элегические тона... Не хочет-
и даже думать ни о чем тяжелом и тревожном.

И только люди, как обычно, вносят диссонанс в
у природную гармонию.

Телефонный звонок отвлек меня от воспомина-
ний. Я взял трубку и недовольным голосом, по-скольку
ничего хорошего не ожидал услышать, произнес:

— Слушаю, Зотов.

— Привет, это Виктор!

— А, привет, старина... Так хорошо и спокойно
было без твоего звонка. Что там у тебя?

— Ну, не тебе говорить о покое после двадцати лет
службы.

– Да ладно... Хотя сейчас-то я могу приспуст
рукава?

– Тебя не для этого избрали председателем Сов
Слушай, я ведь звоню не за тем, чтобы проповеди
читать. Ты получил телефонограмму?

– Откуда?

– Из Верховного Совета. Нас приглашают 11 с
тября на совещание в Парламентский центр.

– А какая повестка?

– Обсуждение ситуации. По всему видно – там
зревает что-то серьезное.

– Да ну, не думаю... Что они там – безголовые
моушьяны, что ли? Договорятся. Все ведь, как говор
ся, вышли из одной, – правда, не гоголевской, а п
тийной, – шинели...

– Они-то, может, и безголовые, а ты думай, п
уже. Впрочем, это не телефонный разговор. Я, если
возражаешь, подъеду через час. Кстати, Олежка, у т
выпить найдется? А то, честно говоря, мне что-то не
себе.

– Найду. Знаешь, – вчера я тоже эту ситуевину
своей собственной шкуре прочувствовал: талоны р
лизывал... Думал, убьют в очереди! Да, кстати, с
шал? Вчера у магазина какой-то отмороженный ве
намец пырнул ножом милиционера. Вот дикость-то
Из-за бутылки дерьмовой водки... Теперь одного
на свете, и дети его – сироты, а другой сядет лет
пятнадцать. Если, конечно, выживет в милиции... П
род здорово озлобился.

– Эх... да всё я знаю, мой же район. С утра уже обо мне доложили. Ну, пока, Олежка! Скоро приеду – обшусь...

Настроение у меня, если честно, было препокайшее. Все политические дразги мне давно уже остерпели, а уж эта затянувшаяся война, – там, наверху, между ветвями власти одного государственного дерева, начинающего понемногу засыхать, – в особенности. Хуже всего было то, что эта война медленно, но верно вживала в себя и наш, вообще-то довольно спокойный регион. Как человек, интересующийся историей, я знал, конечно, что бунты и мятежи здесь раньше бывали – ну, да где на Руси их не было, когда правителям удавалось-таки довести народ до крайности. Но вообще-то мы, русские, народ очень терпеливый. И если уж начинаем буйствовать – значит, дошли до ручки.

Ох, не надо бы нам бунтов – ни сейчас, ни потом! Любкой бунт – это большая кровь, унять которую никаких бинтов не хватит. Неужели в стране, безопасность которой я профессионально охранял совсем недавно, кто-то посмеет перейти ту грань, за которой польется кровь? Неужели эти два чудака развяжут новую гражданскую войну?

Мир сохранить нужно, во что бы то ни стало – мир! Хлеб вон уж начал пропадать из магазинов, а они все дерутся. И ладно бы – непримиримые, как говорится, антагонисты, а то ведь и с той, и с другой стороны –

люди одной масти: бывшие боссы КПСС. Главное, у них, получается — власть. А на людей плевать?

От невеселых размышлений меня отвлек стук двери. Вошла моя сотрудница Антонина — пожилая, вно поседевшая женщина, всю жизнь проработавшая нашей системе. Она почти никогда не улыбалась, сняясь своих не очень здоровых зубов.

— К вам посетительница, — она заглянула в бумажку, которую держала в руках, — Любимова. Можете принять?

— Что у нее?

— Какая-то проблема, хотела бы с вами переговорить.

— Ну, пусть заходит!

Я даже немного обрадовался. В последние дни прием ко мне никто не рвался, не доставал жалобами и просьбами. Даже телефон в моем служебном кабинете после того, как противостояние между Верховным Советом и Президентом перестало быть секретом для дорогих россиян, а весы истории показали явный перевес исполнительной власти, по-партизански замолчал. ведь раньше я не успевал класть трубку.

— Приглашайте, время есть.

Через минуту в кабинет вошла женщина лет тридцати пяти, крепкая, очень независимая на вид, уверенная в себе. Я знал этот тип комсомольско-партийных функционерш: чаще всего их можно было встретить в обкомовских коридорах, в торговле. А теперь они начали все чаще представлять в каком-то новом качестве

В каком именно, я еще и сам толком не разобрался. Но было ясно, что этот типаж порожден недавними переменами в стране.

Работая на выборной должности председателя Совета народных депутатов, я от таких визитеров поотвыкши правило, ко мне приходили люди обездоленные, обессиленные, а то и просто несчастные, которые не могли самостоятельно решить свои житейские вопросы и по привычке искали защиты у ослабевшей власти, которую они по инерции еще продолжали называть «советской».

Эта была явно из другого теста.

— Чем могу помочь? — как можно приветливее спросила посетительницу. — Да вы присядьте.

— Можно мне снять плащ? А то у вас в кабинете жарковато.

Раздевалка была в приемной, но я подошел к женщине, помог ей снять плащ и сам повесил его во встроенный шкаф. Настроение мое быстро начало улучшаться. Интересно, как эта самоуверенная мадам поведет себя дальше?

В этой модно одетой, начинающей полнеть женщине я узнал подругу своей далекой студенческой юности — Татьяну, Танечку...

Но как же она изменилась за прошедшие двадцать лет! Просто день и ночь!

Мы познакомились весной, на какой-то студенческой дискотеке. Я был худеньким студентом-третьекурс-

ником, а она — десятиклассницей, тонкой и гибкой камышинка. Танечка красиво и азартно танцевала, и привлекла мое внимание, да и не только мое. Но, не менее, шанс тогда выпал мне, и мы встречались том несколько месяцев, хотя дальше поцелуев нас не зашло. Времена, наверное, были такие — целодренные... Хотя, может, это мне сейчас так кажется.

На лето я уехал с родителями на юг, а Таня осталась в городе, готовиться к вступительным экзаменам в институт. Она решила посвятить жизнь той самой экономике, которая ну никак не желала становиться экономной. Оба думали, что расстанемся ненадолго, что через пару месяцев разлуки наши чувства будут столь же свежи, как в самом начале знакомства. Но два летних месяца в юности — целая эпоха, во время которой может смениться абсолютно всё. Когда мы вновь увиделись, я узрел перед собой совсем уверенную в себе студентку-первокурсницу, которая почему-то перестала смотреть на меня снизу вверх и возгораться каждым моим словом. Шестое чувство подсказало мне, что у Танечки есть еще кто-то, помимо меня; причем, и сам я был небезгрешен — южное море и беззаботная жизнь на родительском коште весьма располагали к новым знакомствам с представительницами прекрасного пола. Мы стали встречаться все реже, пока не расстались совсем. И, кажется, оба не жалели, что так случилось...

Она села за приставной столик вполоборота к мне, а я остался за своим широким, как вертолетная

монетка, столом, уставленным телефонами и разными полезными атрибутами власти: флагами, компьютером (который, пока что, служил больше украшением, нежели помощником в сложном управленческом руде), а также разными канцелярскими изысками, вроде блестящего золотистого ножичка для разрезания бумаги. Ну, и еще там был небольшой настольный фигурет Дзержинского, который оставался для меня тем же, кем и был раньше, несмотря на изменившиеся краски, в том числе и официальные. Это была моя фронда... да и не только моя. Снести памятник на Лубянке оказалось проще, чем в душах многих людей. Там «железный Феликс» продолжал стоять, сурово поглядывая на то, что происходило вокруг.

Татьяна с интересом осматривала мой кабинет, но продолжала молчать, словно ожидала от меня чего-то: может, удивления, а может, и радости. В женской психологии я не очень-то разбираюсь – и, честно говоря, с трудом представляю, чего ожидает взрослая женщина от взрослого мужчины, который когда-то был в нее влюблен. Не выдержав затянувшейся паузы, официальным голосом, проникнутым казенной заинтересованностью, я произнес:

– Слушаю вас.

Она недоверчиво взглянула на меня, видимо, так и не выяснив для себя, узнал я ее или нет – и пошла напролом:

– У меня к вам вот какое дело, Олег...

– Николаевич, – подсказал я ей свое отчество. – Там, на табличке, на двери, всё есть...

– Да, да, конечно, Олег Николаевич... Я пришёл вам по поручению инициативной группы предпринимателей, – она провела ладонью по губам, как бы стирая с лица полуулыбку, и заговорила тоже вполне деловым тоном. – Мы хотим провести на территории района митинг.

– А тема какая?

– Главная тема – требование защиты от рэкета. И, заодно, поддержать действующего президента. Мы хотим, чтобы всё было по закону!

– Это ваше право. Чтобы провести митинг, нужно...

И я вкратце объяснил ей несложную бюрократическую процедуру: она была максимально упрощённой.

Согласно покивав, Татьяна встала. Я принес плащ и помог ей надеть его, ни взглядом, ни словом не давая понять, что узнал свою студенческую любовь.

– Вот что значит руководитель демократического типа, – осторожно съязвила она. – Вы всех так одеваете?

– Нет, – ответил я, сохраняя невозмутимость, – только в особых случаях.

– А со мной – случай особый?

– Конечно! Вы – первая посетительница сегодня, да ещё по такому простому вопросу...

– Вы не узнали меня? Неужели я так сильно изменилась, Олег... Николаевич?

– Почему же, узнал... Хотя, надо признать, вы сильно изменились... из юной студентки с неопределён-

нами мечтами превратились в напористую даму, да еще и с политическими амбициями. Но порадоваться и нас я не могу. Политика, все-таки, мужское дело, зря вы туда пошли, Татьяна Алексеевна.

Она счастливо засмеялась:

– Вы помните мое отчество, надо же! – А я вот никак не привыкну к тому, что к моему имени прибавляют и отчество.

– Да, я все помню... или почти все. Даже то, что и помнить-то, наверное, не стоит. Голова, знаете, забита каким-то мусором... Помню вот, к своему собственному удивлению, кто такой Тим Бак. И Генри Уинстон, и Антонин Новотный... На кой черт мне это сдалось – не имею представления, но что есть, то есть: помню. – Или вот еще слова песни «Домино», которую уже никто не поет лет тридцать или сорок... Вы не помните? Домино, домино, будь спокоен, не надо печали... И зачем мне все это? Ей-богу, башка стала похожа на старый чулан: в ней лежат вещи, которые уже никогда мне не пригодятся, а вот выкинуть их как-то жалко.

– Как же вас время-то поломало, Олег Николаевич... Раньше вы были как-то попроще, попонятнее. А тут такие монологи...

Я усмехнулся:

– Вот и вы это заметили... Последнее время я речи часто произносил... очевидно, несет по инерции. Не вы первая мне об этом говорите.

Мы немного помолчали, а затем я с почти ленинской простотой брякнул:

– Таня, ну на кой тебе этой митинг? Если это твой личный «пиар», тогда понятно, если что-то другое – это глупость. От твоего митинга никому ни жарко, ни холодно. Всё решится в Москве, как обычно. А ты винщи останется – или всем сердцем поддержишь или благоразумно помалкивать. Разве ты сама этого понимаешь?

Она нахмурилась, улыбнулась – и на короткое мгновение стала вновь похожа на ту девчонку из молодости, которая, если я при ней говорил или делал глупость, реагировала всегда одной и той же фразой «У, какой-то...» – и не добавляла к этому ничего, предлагая мне самому домыслить, какой же я именно.

– Слава богу, хоть назвал меня по-человечески, уж, грешным делом, подумала, что ты превратился в непробиваемого бюрократа!

– Нет, не успел пока... да и не успею, кажется. Да ладно, оставим политику в покое. Я не умею говорить на эту тему с женщинами, к которым был неравнодушен когда-то. Ну ее, эту политику! У, какая-то...

Я скорчил гримасу, отдаленно похожую на ту мою, двадцатилетней давности – и моя собеседница мгновенно вступая в забытую игру, захохотала. Но в дверь постучали, и в образовавшуюся щель между дверью и косяком просунулась голова Антонины.

Все еще пребывая в прекрасном настроении, я и шутил:

– Антонина Сергеевна, вы зайдите вся, а то мне одной только вашей головой неудобно общаться...

У Антонины, погрязшей в чиновничьих трудах, почти отсутствовало чувство юмора: восприняв мою шутку как замечание начальства, она протиснулась в кабинет вся, но лишь для того, чтобы вымолвить единственную фразу:

– К вам Виктор Семенович, вы с ним договаривались! – и выразительно взглянула на посетительницу.

– Минуточку, сейчас мы закончим.

Подождав, пока моя сотрудница, временно исполнявшая и роль секретарши, исчезнет за дверью, я негромко произнес:

– А глаза-то у тебя, Тань, все те же: то ли голубые, то ли серые – не разобрать... И смешинка в глазах та же... Странная, однако, у нас вышла встреча. Спустия двадцать лет ты пришла просить у меня разрешения провести митинг... по сути, против меня же. Парадокс! Ну, что ж, митингуй...

По ее лицу промелькнула неясная тень, которую я так и не смог истолковать. Чуть помедлив, она выдавила из себя расхожую фразу:

– Рада была повидаться... Может, еще встретимся, Олег?

– Разве что, на баррикадах, – не очень-то удачно пошутил я, – но, скорее всего, по разные стороны...

– Да полно тебе, до этого не дойдет!

Улыбнувшись мне напоследок, она вышла из кабинета, оставив в нем легкий аромат дорогой французской косметики.

– Да... – сказал я вслух, когда стук ее каблучков затих за дверью, – вот и свиделись... Но эта тема – скорее для

романса, а не для романа. Домино, домино... Что же мне так привязалась эта песня?

И тут я вспомнил про Витю Мартынова, который терпеливо ждал в приемной. Черт возьми!.. что-то я расчувствовался. Расчувствовался — и забыл своего товарища.

Я поспешил распахнуть дверь кабинета:

— Виктор, прости, заставил тебя ждать... Заходи старина!

— Молодец какой, весь в трудах, — съязвил мой приятель, входя, — посетители от тебя выходят с довольно улыбкой... Ты ей что — квартиру новую пообещал Или просто конфеткой угостил? Скорее, второе — квартире она, судя по ее прикиду, явно не нуждается. А кто такая?

Я махнул рукой, показывая этим жестом, что его невысказанные подозрения не имеют под собой никакой почвы — и выскочил в приемную, дабы сообщить Антонине, что меня ни для кого нет. Мгновенно вернувшись, запер дверь изнутри и полез в холодильник, замаскированный еще прежним владельцем под обычный шкаф. Там у меня стояла початая бутылка отличного пятизвездочного коньяка.

— Однако, — заметил приятель, заглянув из-за моего плеча внутрь сразу опустевшего холодильника, — не ломаются полки от яств... А где же икорка, балычок? Эх, не умеешь ты жить, Зотов!

– И вряд ли уже научусь, – подтвердил я. – Лошай, что дают, критик. А то скоро и этого не будет...

Мы махнули по рюмочке – и Виктор, продолжая начатый по телефону разговор, спросил, глядя куда-то в сторону:

– Ну, так что, едем?

– Не знаю... Я ещё не видел сегодняшнюю почту, сейчас взгляну.

Я открыл красную папку с золотистым тиснением «К докладу» и среди разных бумаг отыскал столичное приглашение на встречу руководителей Советов всех уровней.

– А кто-то еще из наших поедет?

– Не знаю, все пока думают. Слишком уж это неожиданно... Обычно ведь оповещают за неделю, а тут прямо пожар: встал – и поехал...

– Может, и пожар, страсти-то там, сам видишь, разгорелись нешуточные. И никто никому уступить не хочет, вот заразы! Доведут страну до гражданской войны... Ну, давай еще по одной, что ли?

Пряатель согласно кивнул. Разливая золотистый напиток по рюмкам, я продолжил:

– Вот ты сейчас видел симпатичную женщину, в юности я с ней встречался, любовь-морковь... А ведь она, похоже, по другую сторону баррикад. И что теперь мне – воевать с ней из-за того, что ей больше нравится Ельцин?

– Дело, Олежка, не в конкретных фигурах на шахматной доске, – глубокомысленно заметил Марты-

нов, — а вот в этом самом «фигурном катании», которое хорошо на катке, но не в политике. Они же целенаправленно, причем оба, раскалывают страну! И раскол этот может пройти не только по территориям... В прессе — ты заметил? — уже поговаривают об Уральской республике и о Дальневосточной. Дальше — больше. Что будет с Россией? — Скобки-то новые на старые и некому накладывать!

— Да, всё я знаю... В стране три линии разлома по Уралу, Дальнему Востоку и Кавказу. Слышал, появились уже и размышления о «маленькой и продающейся республике Русь». Так и толкают нас к доуровневским границам! Ну, вот откуда у людей столько ненависти к своей собственной стране? Не могу я это объяснить...

В моих словах не было никакого лукавства. Отсидев двадцать лет в органах госбезопасности, я думаю, что разбираюсь во всем, всему могу дать оценку и сделать верный прогноз. В недавнее, как его теперь называют, «застойное» время, так и было, но вот сейчас...

Я никак не мог уразуметь, чем плохи нынешние выборы, по-настоящему демократичные, где уже не было диктата одной партии. Лично меня, к примеру, выбрали пять человек, среди претендентов были предприниматель, хозяйственник, врач и правозащитник. Но победа, несмотря на то, что только ленивый журналист не писал плохо о «конторе» и ее сотрудниках. Я победил в честной борьбе и искренне считал, что такая система выборов народной власти — лучше, чем прежняя.

Правда, когда приступил к работе, быстро пошел – власть, оказавшись без денег, стала безвластной, превратившись в удачную мишень для обстрела. Пока что – обстрела словесного, со страниц газет и с телеэкранов. Но что будет завтра?

– А ты читал, Вить – в газетах пишут, что в Москву штыть стянули войска, кое-где уже и танки видели...

– Танки – это серьезно, – покивал Мартынов. – Ты знаешь, Олег, я просто интуитивно чувствую, что скоро произойдет что-то хреновое... Не хватает только первого толчка. Помнишь, в детстве играли с костяшками домино? Поставишь их в ряд, щелкнешь по одной – и побежит волна по всему ряду. А ведь ма-аленький толчок всего-то и нужен. Вот, похоже, к нему дело и пойдет...

Я посмотрел на него, пораженный тем, как неожиданно совпали слова приятеля с рефреном песенки, которая сегодня весь день вертелась у меня в голове. И, неожиданно для самого себя, сказал:

– Ну, давай съездим, что ли!.. Хотя бы уясним сами себе, что там происходит, чего нам ждать и к чему готовиться...

Мы выпили еще по рюмочке и договорились о времени отъезда.

Оставшись один, я долго ходил по кабинету взад-вперед, намотав, наверное, таким образом, не один километр, подобно какому-нибудь сидельцу Петропав-

ловский крепости, желающему сохранить и в застен прекрасную физическую форму. Кто знает, может, Владимир Ильич свою знаменитую работу «Шаг вперед, два шага назад» назвал так, вспомнив свои хождения по камере? В узилище ему ведь тоже приходило бывать...

От историко-философских изысков меня отвлекла Антонина Сергеевна, сообщившая, что по объявлению которое мы с ней недавно давали, пришла женщина, которая хотела бы поговорить насчет работы. Мы с Антониной уже почти две недели существовали без машинистки, печатанье любой бумажки превращалось в проблему. А власть без бумаги – какая же это власть!

– Пусть заходит. Да, вот еще что – выпишите мне командировку в Москву.

– Все-таки решили ехать? – она с сомнением покачала головой. – Может, не стоит? Я уж узнавала – в других районах никто больше не собирается...

– Нет, я поеду. Знаете, русский народ – он хоть очень эмоциональный, но рассудительный и отходчивый. Не верю я во все эти страшилки!

– Народ-то да, – заметила Антонина, – только во власти-то сейчас там, в столице, люди безрассудны вот-вот до драки дело доведут. Ну, так я скажу этой женщине, чтобы она заходила, Олег Николаевич? Только мне кажется, она нам не подойдет...

– Посмотрим, выбор у нас невелик.

Я вернулся за стол и начал разбирать почту. Дверь постучали. Громко сказав «входите!», я продо

жа просматривать нужные и ненужные бумаги, количество которых в последние недели, несмотря ни на что, никак не хотело уменьшаться. Машинально ответив на приветствие и показав новой посетительнице рукой на стул, дочитал до конца длинную справку о росте цен на товары первой необходимости за прошлый месяц. И только потом поднял глаза.

И оторопел.

И любой оторопел бы на моем месте. Потому, что присевшая на краешек стула посетительница была как две капли воды похожа на первую красавицу российского кино Анастасию Вертинскую.

Когда-то, в романтическом возрасте, я, как и многие мои сверстники, увлекался Грином. Нынешняя молодежь увлекается «гринами», разумея американские доллары. А для меня Грин был и останется писателем-романтиком, написавшим удивительно прекрасную книгу «Алые паруса». В свое время по этой книге сняли кинокартину, где главную роль сыграла юная Вертинская, и почти сразу вслед за этим мы, советские зрители, увидели культовый, как сейчас выражаются, фильм «Человек-амфибия», где та же Вертинская, но чуть подросшая, сыграла Гуттиэре, главную героиню.

Увидев Анастасию на экране я, как и многие отроки той эпохи, понял, что пропал навсегда: эта девушка жила где-то в ином мире, прекрасном и далеком, совершенно не похожем на тот, в котором жил я. Этот мир

тоже был реален, но совершенно недоступен... важнейшее из искусств уже в юные мои годы создало трещину между действительностью и мечтой – и я, павший одной ногой в эту трещину, уже никогда там не мог из нее вырваться.

Тогда я, помнится, раздобыл фото юной Вертинской и время от времени, под большим секретом, показывал его друзьям-приятелям, замечая между прочим, что это моя девушка, живущая в Москве, и что мы встречаемся. Друзья и верили, и не верили, но постепенно я сумел всех убедить, что девушка на фото реальна и просто очень похожа на Анастасию. Даже почти поверил в это.

Неумолимое время, однако, делало потихоньку свое дело – и однажды у меня появилась реальная девушка, постепенно вытеснившая из моего сердца образ целлулоидной красавицы. Но, как говорится в старом еврейском анекдоте, осадок остался.

Сколько я в свои юные годы ни ходил по столичным театрам, увидеть Вертинскую на сцене мне не удалось. Лишь годам к сорока такая возможность появилась, но я так и не осмелился разрушить одну из последних юношеских иллюзий – и не пошел на спектакль с участием Анастасии. Мечта не должна стариться, ее удел – быть вечно юной. Хотя бы в нашей памяти...

Именно поэтому я слегка растерялся, когда увидел лицо новой посетительницы – это было лицо Анаста

ни, той поры, когда она снималась в фильме «Случай с Поляниным» по повести Симонова. Фильм о любви молодого уже офицера-фронтовика к молоденькой артистке, случайно залетевшей в его жизнь. Вергинская там играла в паре с великим Ефремовым. Я где-то читала, что он был безумно влюблен в свою партнершу, и прекрасно его понимаю: актеры, как и большинство людей, иногда так заигрываются, что начинают принимать постановку за реальную жизнь, плохо различая, где начинается одно и кончается другое.

Я одернул себя, чтобы выйти из этого пограничного состояния, — и, приветливо улыбнувшись, вновь предложил женщине присесть. Мозг мой, между тем, работал в полную силу, отыскивая различия в двух портретах — он мне не подчинялся. Вскоре я уже мог бы, как говорится, вербализовать его выводы... но я не буду здесь описывать внешний облик женщины, пришедшей ко мне наниматься на работу. Не потому, что не смогу найти подходящих слов, а потому, что хочу дать читателю возможность пофантазировать. Тем более, что прототип моей героини совсем не всеми воспринимается как образец красоты и женственности. В частности, с моими восторгам относительно Вергинской не согласились бы очень многие женщины... и я догадываюсь, на какой закваске замешано это тесто. Да-да, зависть. Старая, добрая, бессмертная зависть...

Немного освоившись в кабинете, посетительница протянула мне трудовую книжку и паспорт, и это прос-

тое движение вернуло меня в нынешнюю, вполне о
ективную реальность.

– Я по объявлению... Могла бы работать у вас
ретарем-машинисткой, вы ведь еще никого не вз
как сказала ваша помощница. Я закончила специ
ные курсы, и опыт работы у меня есть.

Я молча полистал ее документы. Двадцать де
лет, через месяц шагнет в четвертое десятилетие, п
писка в порядке. Со старой фотографии на еще не с
ненном паспорте на меня смотрела прилежная от
ница с какими-то очень печальными глазами. Мож
двойку получила в этот день, первую в жизни... Ни
не стал углубляться в эту тему. Захлопнул паспо
вздохнул и сказал:

– С такими, как у вас, внешними данными наде
театре работать, или в кино сниматься. Все главные р
ли, наверняка, достались бы вам.

Она даже не улыбнулась в ответ. Видимо, приви
ла к такой реакции окружающих на свою внешность
давно выработала простейшие приемы самозащит
Не давая разговору соскользнуть с интересующей
темы, добавила:

– Я заочно учусь на последнем курсе университет
на юридическом. А у вас хочу поработать с прицел
на будущее.

– Понимаю... Как машинистка вы нам подойдете, и
вот насчет перспективы – по крайней мере, у нас – сей
час пока говорить сложно. Вы же видите, что творит
ся...

Она немного помолчала, а затем осторожно замешала:

– Но вы же продолжаете работать здесь, несмотря на всю эту заваруху. Я уверена, что все уляжется, и какой-то правовой компромисс будет найден...

– Приятно слышать такое, тем более, от будущего юриста. Хотя, по моему мнению, ситуация вот-вот выйдет за пределы правового поля... Ну да ладно, идите-ка оформляйтесь, а завтра с утра выходите на службу. В конце концов, что бы ни случилось, юристы будут нужны всегда, так что вся эта заваруха вас заденет лишь по касательной. Если вообще заденет.

Она поднялась, неторопливо уложила в маленькую сумочку свои документы и, попрощавшись, ушла.

Кто-то внутри меня шептал, что держать рядом такую женщину, похожую на мечту, но все-таки реальную, с которой придется ежедневно общаться и при этом держать себя в узде, не давая повода разговорам и пересудам, которые все равно возникнут, даже на пустом месте – опасно, да и просто не нужно. Но что прикажете делать, если твоя мечта, не дождавшись приглашения, приходит к тебе сама и говорит: «Можно, я побуду где-нибудь рядом?»

Как отказать мечте?

В планах на сегодняшний день у меня был осмотр района, и пора уже было этим заняться. Через несколько минут я вышел на улицу – и вдруг около самого

входа еще раз встретился со своей будущей сотрудницей: она о чем-то разговаривала с высоким, статным мужчиной, стоявшим около подержанной иномарки.

Заметив меня, она улыбнулась, да так, что у меня защемило сердце. И грустная мелодия «Домино» опять завертелась у меня в голове.

Домино, домино,

Будь спокоен, не надо печали...

Это начинало уже походить на аутотренинг, на кое-нибудь буддистское повторение мантры. Я медленнее ехал по улицам своего района, отмечая боковым зрением состояние асфальтового покрытия, чтобы потом, да разгон дорожникам, ругать их с полным знанием и предъявлять конкретные претензии, я вспоминал, на каком этапе, согласно недавним клятвенным обещаниям застройщиков, должен находиться сейчас процесс монтажа моста, я занимался своими обычными делами, а слова любимой отцовской песни, призывающие не беспокоиться и не печалиться, продолжали звучать во мне. Этот момент я верил им всем сердцем, я ощущал, что сегодня в моей жизни произошло что-то хорошее. Оно было похоже на праздник и на время отбросило от меня чувство тревоги за будущее – то чувство, что не давало мне покоя все последнее время.

Таково оберегающее свойство красоты.

В пять утра за мной заехал Мартынов на своей «Волге», доставшейся его райсовету в наследство от усоп-

шего райкома. Машина была почти новая, с какой-то очень мягкой обивкой сидений, какую я раньше и не видывал, хотя посездил на этих машинах немало. Водитель, светленький востроглазый парнишка, был мне немного знаком, мы пожали друг другу руки; мой приитель, как и положено начальству, восседал впереди. Я устроился сзади, и мы помчались по пустым, плохо освещенным улицам родного города, который еще спал. Только в некоторых местах бессонные заводы слегка попыхивали своими каменными трубами, выпуская клубы дыма в начинающее светлеть небо. Нас с Виктором быстро сморило, и мы оба заснули.

Проснулся я оттого, что машина остановилась. Взглянув в окошко, понял, что мы уже в Москве, где-то недалеко от центра. Ни танков, ни БТР в обозримом пространстве видно не было, а вот милиционер был. Он проверил у нашего водителя документы, а затем, открыв дверцу, попросил нас выйти из машины.

Виктор, сам в прошлом майор милиции, хотел было вступить в пререкания, но я, предупредительно покашляв, без разговоров вышел из машины и предъявил свои документы. Мартынов, глядя на меня, сделал то же самое, хотя на него в этот момент лучше было не смотреть. Лейтенант проверил сначала мой документ, а затем с удивлением стал рассматривать удостоверение, которое протянул ему Виктор. Дело в том, что Мартынов, считался «прикомандированным к Совету» в связи с избранием на выбранную должность, продолжая в то же время оставаться майором милиции.

Лейтенант, казалось, колебался, поглядывая то меня, то на моего приятеля. Наконец, наклонившись Виктору, тихо сказал:

— Отойдемте на минутку...

Они отошли от машины, а мы с водителем усели на свои места и стали терпеливо ждать развязки этой нехитрой, хотя и не вполне понятной ситуации. Взглянул на часы до начала совещания в Парламентском центре оставалось 35 минут, а мы еще не добрались до места. И когда доберемся в этой бесконечной автомобильной толчее, спрогнозировать трудно. Что все-таки, тут происходит, в белокаменной?

Милиционер тем временем продолжал бездумно расходовать тот небольшой временной зазор, который мы специально создали, выехав из своего областного центра пораньше. Лейтенант, как я заметил, пытался в чем-то убедить Виктора, но тот, пожав колма на прощанье руку, вернулся в машину. Коротко скомандовал: «Поехали!» Я не стал его ни о чем расспрашивать, а с интересом глазел из окна на Москву, и давно не был. Как справедливо заметил Воланд во время своего исторического визита на Патриаршие подвалы, Москва и москвичи почти не меняются: та же суеверная озлобленность, хмурые лица прохожих. Я не заметил на лицах людей ни одной улыбки.

В небольшом переулке, который мы проезжали среди легковушек я все-таки увидел БТР. Люди ш

шимо, не обращая на него внимания. Видимо, за последнее время и к танкам, и к бронемашинам столичные жители попривыкли.

Мой приятель тоже проводил взглядом БТР. Коротко бросил:

– Он действительно советовал нам не ехать на наше мероприятие. Что-то готовится, и им может поступить любая команда в отношении участников совещания. Это мы у себя в провинции гадаем, что да как, а здесь, в Москве, кажется, всё уже решено!

Я не мог не оценить весь зловещий смысл сказанного лейтенантом Виктору. Молодец парень, не оставил без информации. Все-таки корпоративная солидарность, как ни крути, существует! Но Парламентский центр был уже совсем рядом – и я, подумав самую малость, решил:

– Я все-таки пойду туда, Витя. А ты смотри сам...

– Вместе приехали, вместе и уедем, – ответил Мартынов. И вскользь добавил:

– Если, конечно, выберемся...

Он вытащил из пачки сигарету и закурил. А я, чтобы успокоить его, да и себя, предположил:

– Возможно, это провокация. Может, кому-то как раз выгодно сорвать совещание, показать, что в законодательной ветви власти – разброд и шатания: даже обычного совещания, мол, не могут толком провести. Сама по себе эта встреча ничего не решает, конечно. А вот срыв ее может внести в мозги смуту, особенно в наши, провинциальные...

Возле Цветного бульвара нашу «Волгу» опять то мознули, предложив нам пройти пешком до здания где и должно было произойти совещание. Мы с Виктором тут же обратили внимание на необычную суету которую создавала толпа милиционеров, распределяясь несколькими кольцами вокруг центра. Обычно в рядок на таких мероприятиях обеспечивают небольшими нарядами; такую толпу, – весьма бестолковую, тому же, – мне приходилось раньше видеть только в время демонстраций, да не нынешних, а в те еще времена, когда они были праздничными и разноцветными.

«Эти бы силы, да на борьбу с бандитами... Совсем страну за горло взяли. Вот уже диктуют свои правила жизни...»

Это я произнес про себя, а вслух, обращаясь к приятелю, заметил:

- Да, ты прав, Витя. Войдем-то мы сюда, похоже без препятствий, а вот как будет с выходом – пока не ясно. Могут и загореться красные таблички «Выход нет». Ну, проживем – увидим.

Милиция спокойно пропускала в Центр всех и только на входе в зал люди в штатском (как я мгновенно понял – мои бывшие коллеги), невнимательно проверяли приглашения. Все они были в хорошо отлаженных брюках и чистых сорочках, но даже если бы они были в рваных ватниках, я бы их все равно узнал – по их глазам, по особым, натренированным на предельное внимание взглядам. Впрочем, и меня, как правило, бы-

ро «срисовывали» по тем же глазам, я к этому уже привык.

В зале яблоку негде было упасть. Мы с Мартыновым искали глазами свободные места, но двух подряд не нашли, сели порознь. Я покосился по сторонам: совсем рядом восседали Великие – те самые, что почти ежедневно появлялись в теленовостях: то потрясая чемоданами компромата, то доходчиво разъясняя, почему мы живем все хуже и хуже, то, словно заклинание, повторяя: «Нижний предел падения экономики еще не пройден».

...Я не буду раскрывать имен тех, с кем нам удалось тогда посидеть рядом, поскольку почти все они продолжают оставаться Великими и по сей день. Кто знает, как они воспримут то, что неподалеку от них в тот день находились ничем не примечательные люди из российского захолустья. У Великих свои причуды...

Просто Великие сидели в партере, а Особовеликие прошли на сцену, в привычный для них президиум. Без него они не могли.

Мне рассказывали как-то об одном начальнике, директоре завода, который так привык к президиумам, что и после ухода на пенсию, придя на какое-то торжественное заседание, по привычке прошел к столу, застеленному по традиции зеленым (а впрочем, может

быть, и красным) сукном. Юркие референты, свистясь со списком, не нашли там пенсионера и деловито указали ему на ошибку. Пришлось бывшему директору сойти со сцены ~ а в результате старика хватил фаркт.

Жизнь беспощадна к тем, кто потерял власть это одна из причин, по которой у нас держатся власть до последнего. Даже когда и держаться уже и что, да и незачем.

Еще только войдя в зал, я кожей почувствовал! кое-то чрезмерное, гнетущее напряжение. Всё, вроде бы, было как всегда: люди обнимались, радуясь встрече со знакомыми, улыбались, что-то рассказывали друг другу, травили анекдоты, о чем-то договаривались но, тем не менее, лица у большинства присутствующих были напряжены и немного растеряны. Оцепенение вокруг Центра всех здорово напрягло.

После первых же выступлений градус напряжения стал повышаться. А уж когда к микрофону стали подходить Великие и Особовеликие, столбик термометра (если бы таковой существовал) попер к верхней отметке. Я в этот момент почему-то подумал, что о происходящем здесь можно было бы написать роман под названием «Как накалялась сталь». И тут же пристыдил сам себя: до шуток ли тут...

Когда к микрофону подошел Лидер, напряжение зашкалило, поскольку говорил он жестко и, пожалуй

дрессчур обидно для тех, в чей огород летели даже не камни, а целые булыжники. Зал в ответ шумел и возмущался, часто и охотно аплодировал. На какую-то секунду показалось, что на сцену сейчас выбежит сам ненавямый Владимир Ильич и, сильно картавя, заново повторит исторические слова о победе революции.

Однако, вместо Владимира Ильича в президиум юрлоливо прошел какой-то очень полный человек и что-то стал говорить оратору, точнее – шептать на ухо. Лидер, прервав свою речь, напряженно слушал толстяка, а затем, обратившись к залу, объявил:

- В Кремле только что закончилось совещание, на котором присутствовал наш коллега Белов, он сейчас сделает важное сообщение.

Зал попритих, многие недоуменно переглядывались между собой: случай был беспрецедентный. А я, грешным делом, подумал: «Ну, вот и всё, из этого зала мы с Витькой выйдем не скоро, лишь после какой-нибудь фильтрации... Здесь сейчас все первые лица Верховного Совета страны, Конституционного Суда, здесь оппозиционный вице-Президент, многие руководители Советов с мест... Всех можно брать тепленькими, сразу. Повяжут, и вся недолга...»

Правда, всё во мне бунтовало против такого исхода. В конце концов, у нас же тут не Латинская Америка, чтобы так решать проблемы...

Пока эти мысли суетились в моей голове, к микрофону подошел тот самый Белов и, слегка задыхаясь, произнес:

- Я только что с совещания у Президента. Кажется удалось договориться о компромиссе...

Он говорил что-то еще – наверное, рассказы подробности переговоров, но его уже мало кто слушал. Зал загудел, как большой и сердитый улей. Большинство людей, присутствующих тут, знали только внешнюю сторону конфликта – и, по простоте души, полагали, что тут, в белокаменной, просто поспорились два прототипа литературных героев, воспеваемых Гоголем – Иван Иванович и Иван Никифорович.

Они не понимали степени остроты конфликта и я, честно говоря, начал что-то понимать только в этом зале.

Но Великие и Особовеликие, конечно, были посвящены во все тонкости. По тому, как они оживленно обсуждали прозвучавшее сообщение, было заметно, что у многих свалились камни с души. Но не из-за паники. Эти камни, похоже, все активные участники конфликта держали про запас.

Еще несколько ораторов проговорили какие-то дежурные, никому уже не интересные речи – и совещание поспешно объявили закрытым. Я понял, что свою роль мы отыграли – роль статистов без слов. А может быть, и живого щита.

Когда мы вышли из здания Парламентского центра, то с удивлением увидели, что милиции вокруг не было совсем. Стояли только несколько здоровеньких охранников, по-видимому, кавказцев – они контролировали выход Хасбулатова.

Невысокий человек с землистым лицом быстрым шагом вышел из здания и, не ответив на вопросы подопевших журналистов, сел в машину и уехал. А мы с Мартыновым пошли по Цветному бульвару, с удовольствием вдыхая почти летний воздух столицы. Разыскав какой-то магазин, купили там бутылку «Плиски» и какой-то еды на закуску, а потом, разыскав свою машину, тоже уехали.

За Переславлем свернули на дорогу, ведущую к Плещееву озеру. Около полуразрушенного монастыря я попросил шофера ехать помедленнее, чтобы рассмотреть памятник старины получше. Монастырь, даже превращенный в руины, производил впечатление суровой, грозной крепости, которую в далеком средневековье и взять-то, наверное, было невозможно. Взяли его уже в двадцатом веке, да не чужеземцы, а свои – те самые, что иногда заходили сюда поставить на всякий случай свечку перед образами и потолковать о своих житейских делах со Всевышним. Что-то превратило их в те годы, в ту, затянувшуюся на двадцатилетие, гражданскую войну, в людей, способных поднять руку на святыни. Что? Известно, что – ненависть, рознь, трещины и разломы, прошедшие не только по границам территорий, но и в душах людей. Хаос, возникший в головах, привел к хаосу в стране – и заставил миллионы мирных мужиков схватиться за винтовки и стрелять друг в друга. А еще – разрушать символы того мира, который они считали

враждебным. Так вот и превратили святыни в руины. Не дай бог, если что-то подобное произойдет сейчас в стране, обладающей ядерным оружием.

Миновав безмолвный памятник страшных перемен, мы съехали вниз, поближе к берегу, где блестя на послеполуденном солнце озерная вода была по-прежнему приветлива и спокойна. Выбрали сухую полянку неподалеку от знаменитого Синего камня, которую когда-то поклонялись жившие здесь с незапамятных лет люди и, расстелив скатерть, разложили на ней замысловатую закуску. Открыли «Плиску», купленную в Москве, выпили по полстаканчика — и с удовольствием констатировали, что братушки-болгары еще не успели окончательно испортить любимый напиток нашей лейтенантской молодости. В ту незабвенную эпоху «Плиску» продавали в любом овощном магазине, в случае незапланированного прихода гостей после семи вечера, когда торговля вином и водкой в обычных магазинах прекращалась, эту пузатую аппетитную бутылочку всегда можно было купить. На нее запрет почему-то не распространялся.

Капли болгарского солнца внутри нас слились с российским солнцем снаружи, и жизнь на минуту-другую показалась нам не такой уж и сволочной шутковинной, а все волнения и переживания сегодняшнего дня предстали всего лишь нервной реакцией слегка запуганных провинциалов, мало что смыслящих в столичных разборках. Здесь, на берегу древнего озера неясного происхождения (вполне может быть, что и космиче

кого, поскольку оно имеет форму правильного овала и издали, особенно с высоты, напоминает каплю росы на зеленом листе), все недавние наши тревоги как-то ступивались, отступили. И на первый план вышло то, что было главным – земля, вода, небо.

Присмирившая, словно перед грозой, природа вполголоса напевала свои извечные песенки о любви и мире. Да, – слышать их может не каждый, но я вот слышал – и про себя подпевал. Все-таки приличное брен-яи, согласитесь, может иногда способствовать проявлению скрытых талантов человека. Чаще всего – пения и красноречия.

Здесь, в этих местах, застроенных еще в древности монастырями, похожими на крепости, жизнь была всегда – неспешная, несуетливая. Хотят люди посеять хлеб – запрягают лошадь в плуг. Желают наловить рыбы – тащат к реке бредень. Решают навестить родственников на том берегу – садятся в лодку, вставляют весла в уключины, укладывают на корме подарки, рассаживают ребятишек. Отец семейства, бородатый сильный мужик в красной косоворотке и пахнущих дегтем сапогах, помогает сесть в лодку жене, которая опять на сносях, сам садится за весла и начинает грести. Лодка медленно удаляется от берега, превращаясь постепенно в крохотную точку... А вечером то же семейство возвращается из гостей на той же лодке, и веселый гребец с чувством поет сам про себя:

*Эх, загулял, загулял, загулял,
Парнишка, парень молодой, молодой,
В красной рубашоночке,
Хорошенький такой...*

И кажется ему, что это простое счастье продлится вечно: жена его всегда будет молодой и заботливой, всегда он будет ее жалеть, дети их останутся ласковыми и добрыми пострелятами, а сам он — сильным и завидным мужчиной, который всё может — и землю вспахать и сети закинуть, и прокормить-одеть-обуть всё семейство.

Так я и сам думал когда-то...

Виктор тронул меня за рукав:

— Ты где, Олежка? Давай-ка, не выключайся из процесса.

Он налил мне и себе еще граммов по пятьдесят «Плоских». Я поднял стакан и посмотрел сквозь стекло на небо: черная туча, медленно надвигающаяся из озера, показалась мне золотой. Где-то вдали уже катил Илья Пророк на своей колеснице, погромыхивая железными колесами по небесной мостовой, и молнии как взметнувшиеся клинки буденновцев, грозили кому-то.

— Пойдем в машину, не будем злить языческих богов. Легенда гласит, что у этого камня древние обитатели этих мест приносили человеческие жертвы, решил просветить меня приятель. — Ну, а мы с тобой, по-

жертвовав минут пять, приберем за собой, наведем порядок.

– Не злить, так не злить, – миролюбиво согласился и опять взглянул на небо, но уже не через стакан, а в шор: огромная туча, черная и враждебная, расстреливала очередями дождя дальнюю часть озера.

– Так она скоро и до нас доберется... Но я знаю, что делать! – засмеялся я. И, взяв недопитую бутылку, подошел к Синему камню.

– Вот наша жертва языческим богам! – и выплеснул остаток золотистой солнечной влаги на траву рядом с древней святыней.

Мой приятель согласно покивал: он тоже был не прочь умилоствовать небеса. Мало ли что... а вдруг наша мелкая жертва все же будет принята – и молнии пролетят мимо. Человеку свойственно надеяться.

За окнами «Волги» вновь замелькали деревни с привычными названиями – Сидорово, Иваново, Покровское, с их небогатыми избами в три окна и маленькими палисадниками, утопавшими в осенних, по большей части желтых, цветах. Даже под затянутым тучами небом они умудрялись излучать теплый солнечный свет, освещающий окрестную убогость и роднящий нас всех с этим пейзажем.

Эх, точно сказано: умом Россию не понять. Я вот точно не понимаю, как это при таких огромных рав-

нинных пространствах мы умудряемся жить так тесно скученно, словно японцы на своих крохотных островах. Дома у нас почему-то лепятся один к другому все соседи без труда слышат друг друга, даже если говорят спокойно. А уж если где-то дело дойдет до крика, то слышит вся деревня.

Не случайно тайну личной жизни у нас на Рспроду никто в грош не ставил. Так уж повелось с нами памятных времен... да и сейчас всё то же...

– Ну, и что ты обо всем этом думаешь? – прервал мои размышления Виктор. Он немного подремал видимо, жаждал общения. Тем более что мы с ним с ним словом не обмолвились о том, что видели и слышали в Москве.

– Что думаю, что думаю... Пока думаю, что не бы подумать. Может, всё еще и рассосется?

– Девушка на восьмом месяце тоже надеялась, что рассосется, но пришлось рожать. Опоздала с абортom.

– Здесь тоже, похоже, опоздали... Ты же видел лидеров истерика. И никаких идей, как всё это разрушить.

– А что – те лучше? Тоже... те еще ребята...

– Те – наступающая сторона... при почти полном пофигизме населения. Ты же видишь: большинство как обычно, заняло выжидательную позицию и смотрит, чья возьмет. Ты не думай, Витенька, что у людей за минувшие десятилетия повыветрился страх, он в нас

сидит на генетическом уровне – страх оказаться на стороне проигравших. Революция и гражданская война на столетия показали русскому народу, что бывает с теми, кто вовремя не сориентировался.

– Кто бы спорил... Лично мне ясно одно, Олег: власть Советов уже почти утонула. Особенно это видно на нашем уровне: в приемных пусто, а раньше было не протолкнуться. Люди уже поняли, что мы с тобой почти ничего не решаем, поскольку не мы делим широк. А без денег – какая же мы власть. Только и можем, что давать советы, или сочувствовать, или делать вид, что что-то можем...

– Ничего, кое-что еще и вправду можем, не рисуй ты черный квадрат. Он уже нарисован – и не тобой.

– Да я вообще не умею рисовать. Хотя, жаль... сейчас бы написал картину: «Смута XXI-го века»...

Выскочив за границу тучи, мы все-таки оторвались от грозы и дождя. Не зря, однако, я плеснул глоток бренди к Синему камню! Мощный небесный прожектор, который не перегорит и не сломается еще пару миллиардов лет, опять осветил и обогрел небо и землю. На сердце у меня повеселело, и репетиция драки, где нам с Мартыновым досталась роль участников бессловесной массовки, показалась неудачной комедией, которую в самом начале прервал режиссер. А почему прервал, массовке неизвестно. То ли ведущие актеры стали путать свои роли, то ли режиссер просто устал. Как когда-то тот самый караул...

Машина въехала в центральную часть города. Виктор поехал к себе домой, а я решил прогуляться пешком, а заодно и зайти на работу.

На улице одурманивающе пахло свежим хлебом. Я поймал себя на мысли, что мне хочется, как в детстве, забежать в магазин, купить аппетитную буханку с пылкой жаристой коричневой корочкой, отщипнуть кусочек с аппетитом жевать. Черт возьми, и вкусный же продукт придумала северная часть землян! Из века в веку едим его — и не надоедает.

Не удержался, зашел. Магазин под завязку был бит печальными людьми, в основном — пожилыми женщинами, желающими сэкономить: хлеб тут продавался немного дешевле. Правда, он почему-то был вкуснее. Я обратил внимание, что пожилых мужчин почти не было видно: время, очевидно, так убыстрило свой бег, что худшая часть дорогих россиян просто успевала состариться.

Постоял с минуту и, ничего не купив, вышел на улицу. И вдруг какой-то старик, недавно, видимо, отварившийся, а сейчас довольно покуривавший у входа достал из пакета буханку свежайшего черного хлеба. протянул ее мне.

— Возьми, — сказал он, — вижу, что хлеб любишь. Или голодный такой?

Я взял хлеб. Молча вынул деньги и протянул их сердобольному человеку, обладавшему отменной и

блюдательностью. И пошел себе, отщипывая от булочки крохотные кусочки, совершенно не думая о том, что меня могут увидеть знакомые. Да пусть видят!

Переулок вел к площади, где сегодня, как я мгновенно вспомнил, в пять часов вечера должен был начаться митинг предпринимателей, озабоченных своим крупным благополучием. Тот самый, за разрешением на который приходила ко мне вчера утром Татьяна.

Около здания госбанка царила какая-то избыточная суета, которой обычно не бывает у стен столь почтенного учреждения. В толпе промелькнули два-три знакомых лица, это были мои бывшие сослуживцы. Ага, всё ясно. Опять кто-то позвонил о якобы заложенном в здании взрывном устройстве. Осеннее обострение, любимое время для всякого рода неуравновешенных людей, способных на дурацкие поступки...

«Ложный терроризм» в последние годы становился обыденным явлением, отвлекая немалые силы спецслужб от других дел. Мне и самому часто приходилось заниматься этой проблемой. Что всегда при этом поражало, так это беспечность обычных людей, притупившееся чувство опасности. И в этом как раз был виноват «ложный терроризм»: когда суеты много, а бомбы нет, люди постепенно перестают ее бояться.

В стороне я заметил кинолога, который ласково гладил уставшую собаку и что-то ей говорил – наверное, что-то хорошее, что понятно даже собаке. Пес, совсем небольшой, на коротких лапках, выглядел вымотанным, всем своим видом иллюстрируя известное вы-

ражение «устал как собака». Уши повисли, хвост опущен, в глазах – собачья тоска. Ну, а собственно, может еще быть тоска у собаки?

Сам я не собачник, но из общения с кинологами знаю, что собаки, натренированные на наши взрывчатки, быстро устают и часто отдыхают. А ошибаться в подобных случаях ни пес, ни сотрудники не имеют права.

Зеваки уже расходились, получив свою порцию пиццы для фантазий и пересудов. Я подошел к знакомому сотруднику, поболтал с ним пару минут. Работы по поиску бомбы ребята уже завершили, тревога, как и предполагал, оказалась ложной. Все-таки, ложный вызов лучше реальной бомбы. Но если бы всегда он назывался «пустышкой»...

Однажды, таким же вот летним деньком мне позвонил староста подъезда одного из новых домов в нашем районе и сообщил, что в куче песка у строящегося здания лежит, вроде бы, неразорвавшийся снаряд. Мы сразу оповестили всех, кого необходимо, и я тут же выехал на место, чтобы проконтролировать ситуацию, если потребуется, оказать содействие эвакуации людей. Картинка, которую я увидел, прямо скажем, впечатляла: в куче песка, который недавно привезли из карьера, лежал здоровенный тупорылый снаряд, а вокруг совсем близко! – стояла группа зевак, оживленно обсуждающих, настоящий это снаряд, или нет. Тут были пожилые, и молодежь, и дети. А рядом полыхало и

жолько костров, на которых наши чистюли-дворники жигали листья. Никакого страха ни у кого я не заметил. И это было страшно.

Кое-как я убедил всех отойти на безопасное расстояние, поскольку расходиться люди не хотели. Им было очень интересно, что же будет дальше.

Слава богу, вскоре приехал наряд милиции, и территорию вокруг снаряда оцепили. Он оказался настоящим. Соблюдая все меры предосторожности, саперы вывезли его в безопасное место и взорвали.

Сейчас посредине нашей страны, как в том дворе, лежит здоровенная политическая бомба. А вокруг толпятся зеваки и жгут костры разные люди – то ли намеренно, то ли случайно. И некому обезвредить эту бомбу, поскольку все думают, что она не взорвется. Да и где он, безопасный полигон?

А вот и маленький костерок! Я издали увидел тот самый митинг, о котором вчера вела речь моя студенческая любовь. Участников было не так много, не больше сотни. Все-таки несколько последних лет, прошедших в атмосфере постоянных митингов, демонстраций и пикетов, поубавили интерес к этой народной забаве. Поднаелись люди гласности.

Мероприятие, судя по всему, подходило к концу. Среди пяги закоперщиков, стоящих в кузове грузовичка, я заметил Татьяну. Она что-то говорила в мегафон, и я, обуреваемый любопытством, подошел поближе.

Ничего нового, конечно, не услышал. Всё те же улики в адрес власти, агрессия, стриптиз ненависти... Ко всему этому я уже давно привык, да и агрессия, честно говоря, выглядела несколько искусственной, поскольку многие из собравшихся явно принадлежали к числу интеллигентных людей, а аргументация, летевшая из кузова грузовика, была откровенно слабой. Эх, провинциалы... куда вам до тех виртуозов, которых мы с Виктором сегодня наблюдали в Москве! – Это явно про вас Высоцкий когда-то спел: «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков!» Вы, политические недоросльки, чаще всего сами стоите в кострах, которые запылали.

А с другой стороны, надо отдать вам должное, народ вы бесстрашный – как в столице, так и в провинции. Именно ваш брат, презрев все запреты, толкает крашплатою из тех самых костяшек домино, которые выстраивают хрупкую композицию мироустройства. И происходит «эффект домино»: по всей огромной фигурной композиции бежит от костяшки к костяшке волна, изменяющая рисунок. И всё становится другим, хотя и сделанным из того же материала...

Татьяна, заметив меня, благо стоял я особняком, помахала рукой, но не покинула своего места в грузовичке. Кем она себя воображает сейчас, что ей грезится? Ленин на броневичке? Ельцин на танке? А может, вилла на Лазурном берегу? В перспективе, конечно...

Я как-то сразу почувствовал себя усталым. Что ж, день и в самом деле был не из легких. Да и настроение

сегодня гуляло по синусоиде – от сильной тревоги до юной расслабухи и равнодушия, как сейчас.

Наверное, лицо у меня было излишне скорбным – мне вдруг, второй уже раз за сегодняшний день, предложили помощь. Пожилая женщина, проходя мимо, установилась:

– Может вам дать таблетку валидола? У вас такой больной вид...

– Спасибо большое, – поблагодарила я, – все в порядке, просто легкий политический невроз...

И, чтобы развеять ее сомнения, пошутил:

– Это я на лицо ужасный. Но добрый внутри!

Все-таки, что ни говори, а народ наш всегда близко к сердцу принимает чужое горе. Кажется, Достоевский писал о нашей всеотзывчивости... всем-то мы готовы помочь, всем сострадаем. Даже тогда, когда понимаем: плачущий, горюющий во многом виноват сам. Но вповь текут чужие слезы – и вновь наше, порой сильно очерствевшее, сердце отмокает в них. И вновь мы готовы прощать и жалеть.

«И ничего плохого тут нет, – думал я, шагая по направлению к зданию нашего райсовета. – Должен же хоть кто-то проникнуться чужим горем, подставить плечо в трудную минуту. Да ту же таблетку валидола предложить незнакомому усталому мужчине...»

Не на пустом месте оно родилось, наше русское, российское сострадание. Очень много горя испытали

мы: за сто лет — несколько войн, подорвавших генетический фонд страны. Русско-японская, Первая мировая, гражданская, Великая Отечественная... Если сложить годы этих войн вместе — получится одна большая, четвертьвековая война.

И гибли в этих войнах, в основном, мужчины.

Вот женщины и жалеют нас. Особенно, когда мы вымотаны, оглящены разными проблемами...

А вот и здание нашего районного Совета... Везде, кажется, в порядке, все на своих местах, хотя рабочий день и подходит к концу. Женщины, правда, уже смотрятся в свои круглые зеркальца, подкрашивают, приводят себя в боевой вид, поскольку каждой из них предстоит еще пробежка по полупустым магазинам в поисках продуктов. А еще надо взять ребенка из садика, приготовить ужин, проверить уроки у старшего сына. И, в конце концов, вымотанной и уставшей, поступить в распоряжение мужа... Да что там! Некрасов по этому поводу все уже сказал, добавить нечего. Нашим бабам — по до мужских игр в политику. Может, именно поэтому в России женщина-политик — редкость?

Я с любопытством заглянул в комнату машинистки, ожидая увидеть там клон Анастасии Вертинской. Но там, погромыхивая ведром и шваброй, занималась своим делом пожилая уборщица.

Дожидавшаяся меня Антонина бодро доложила о новостях, случившихся за день.

– А что машинистка? – все-таки спросил я, хотя и так уже все понял.

– Позвонила утром и сказала, что передумала. Будет искать что-нибудь повыгоднее. А еще заявила, что работа у нас бесперспективная, поскольку нас вот-вот разгонят. Так и сказала!

Я пожал плечами и усмехнулся:

– Ничего, прорвемся...

– Что в Москве? Столько всяких слухов по поводу сегодняшнего совещания...

– Работайте спокойно, – сказал я официальным голосом. – Они там, кажется, помирились. А если и нет, так чиновники будут нужны любой власти. Даст бог, всё устроится...

Всё и устроилось через двадцать четыре дня. Кто-то там, наверну, все-таки толкнул костячку домино – и побежала волна, изменяя рисунок страны...

Вместо эпилога

Не так давно я купил диск «сиди» с лучшими песнями, исполнявшимися французскими шансонье. Среди них оказалась и «Домино», которую исполняла Эдит Пиаф. Оказывается, это была ее песня! Совсем не Барашкова или Скамейкина. И ни о каком демократическом Берлине там не было ни слова.

Французского я не знал, но с удовольствием пел
вместе с великой певицей:

*Домино, домино,
Будь спокоен, не надо печалиться,
Домино, домино,
Нет счастья живее нас в этом зале.*

*Видишь, я с тобой,
Друг любимый мой,
Домино, домино,
Видишь, счастье стучится в окно.*

Я пел – и верил, что именно так всё и случится, что счастье непременно постучится однажды в наше окошко. Жить без веры, без надежды на лучшее – гиблое дело. Несмотря ни на что, с каждым из нас остается друг, и любовь, и даже под грозовым небом мы все равно будем петь наши вечные песенки о любви и мире.

Так что, не надо печалиться...

НЕ ТОРОПИСЬ, САВЕЛИЙ

Повесть

От свежих, мокрых досок, беспорядочно валяющихся посредине большого, замусоренного опилками двора, одуряюще пахло осиной и елкой. Запах этот был каким-то очень теплым, почти домашним и что-то в моей душе моментально сроднилось с ним. То, что секунду назад казалось мне беспорядком, и даже хаосом, теперь обрело некую внутреннюю логику, представало понятным, правильным и единственно возможным.

«А как же еще должна выглядеть деревенская лесопилка?» – сказал я сам себе. – Вот такой вот хаос тут и должен быть. Идеально организованный хаос...»

После многочасовых блужданий по лесу ноги у меня просто гудели. Но отдыхать на мокрых досках не очень хотелось, и я двинулся на поиски более сухого пристанища. Выбрав доску посуше и пошире, постелил на нее клочок оберточной бумаги, которым сельмаговская продавщица обернула мою недавнюю покупку и только после этого начал сибаритствовать.

Сел на доску, прислонился спиной к стене сарая. Вытянул уставшие ноги. Закрыл глаза.

Для полного счастья нужно было бы еще снять с поги, но мой организм, уже приступивший к кайфу, соответствующих сигналов мозгу не послал. И мои смолчал, не дал мне никаких команд. Все вместе мы решили просто и эгоистично отдохнуть.

Наблюдать чужое счастье – занятие невыносимое. Я было запомнил об этом, но местная дворняга тут же напомнила. Унылая, беспородная, вся в каких-то рваньях, она медленно, с опаской подошла ко мне – и глянула прямо в душу своими грустными глазами.

Собачьего языка я не изучал, но тут же понял все, что она хотела донести до меня. «Полная безнадега, брат. Если есть сахарок или хлебушек – поделись, а? По запаху-то я чувю, что есть и колбаска...»

Псина ошибалась. Продукт, освобожденный мною от сельмаговской упаковки, колбасой было нельзя назвать даже с большой натяжкой. Весь он состоял из каких-то жил и костей и пахнул, по-моему, чем угодно, только не мясом. Поэтому я без всякого сожаления кинул весь кусок собаке.

Деликатно обнюхав милостыню, пес начал неторопливо вкушать от моих щедрот, время от времени поглядывая по сторонам.

Из-за угла сарая вышла вторая псина, то ли друг счастливицы, то ли подруга – и степенно приблизилась к сельмаговскому продукту. Счастливец вежливо твякнул и даже, как мне показалось, слегка посторонился. Ни тебе злобного рычания, ни толкотни, ни даже недобрых взглядов...

«Да вы откуда взялись, интеллигенты собачий?» – сдивленно подумал я. – Для помоечных псов вы слишком хорошо воспитаны. Интересно: кем каждый из нас был в прошлой жизни?»

Но развить эту мысль мне помешало здоровое чувство голода. А может быть, чувство зависти: ведь наблюдать, как две дворняги уминают то, что ты недавно купил для себя, без зависти невозможно.

К счастью, как человек предусмотрительный, я взял из дома булку и крохотную баночку гусиного паштета. Сделав себе бутерброд, начал лакомиться.

Псы с лесопилки, уже давным-давно справившиеся с костями и жилами, уставились на меня во все четыре глаза, полных укоризны. «Нечестно, брат, – прочитал я в этих глазах. – Сам ешь, а нам не даешь».

На этот момент они были, конечно, правы – ведь от сельмаговского продукта не осталось даже запаха. И теперь никто не смог бы доказать, что сей продукт когда-то существовал. Но я все-таки решил доесть свой бутерброд сам.

– Придется потерпеть, – сказал я обитателям помойки. – В отношении интеллигенции у нас, знаете ли, действует остаточный принцип. В переводе на ваш собачий язык: что останется, то и ваше!

Обе дворняги даже не мигнули, поедая меня глазами. Это лишний раз убедило меня в том, что эти псы настоящие интеллигенты.

Пора было вставать с теплой и такой уютной доски, идти в деревню: там меня уже дождался приятель

вместе со своей «Нивой». Но я даю наслаждение. Кулл, собственно говоря, спешить? Грибов – полная корзина, легкие полны кислорода. А уж впечатлений – на месяц вперед. Ведь мы нынче вновь заблудились. А еще и встретил змею!

В этот лес мы с приятелем ходили частенько, но, тем не менее, всегда в нем пугались. Местные жители хором утверждали, что именно в этой чащобе обитает леший – и постепенно мы тоже пришли к мысли, что именно эта нечистая сила нас всякий раз и «хороводит». Поначалу, правда, мы подозревали, что подобными рассказами деревенские отваживают нас от грибных мест, но потом убедились, что сами они в этот лес почти не ходят, а если и ходят, то лишь по краешку.

Грибов тут, и вправду, была необоримая сила. Поэтому, пренебрегая местными поверьями и собственным опытом, мы вновь и вновь, в каждый очередной приезд сюда, блуждали по дебрям. На этот раз всё еще обошлось малой кровью – лес в последнее время кто-то сильно поубавил, и мы то и дело выходили на просторные вырубki, где сориентироваться было полегче. Но перед самым выходом попали в плотный ельник – настолько плотный, что мне пришлось в одном месте встать на четвереньки и буквально проползти под этой природной колючей проволокой. Тут-то и ожидал меня сюрприз: я почти нос к носу встретился с небольшой серой гадюкой. Свернувшись клубком на трухля-

юм пеньке, она, очевидно, не ждала гостей – и сильно удивилась, увидев меня.

Приятель, услышав мой невольный возглас, очень обрадовался возможности послать хотя бы один заряд из своей двустволки не в воздух, как обычно, а в цель. Он как-то боком пробрался сквозь заросли, сумел прицелиться – и отстрелил змее ее мозги, не сумевшие верно оценить оперативную обстановку. Впрочем, и мозгов-то там было – с ноготок. . .

Взяв трофей за хвост, триумфатор бросил его в муравейник, еще не закрывшийся на зимовку. Муравьи мгновенно облепили змею – и приятель важно уверил меня, что через день-два от нее останется только шкура.

Это событие произвело на нас обоих возбуждающее действие – оба мы нуждались в разрядке. Приятель, убежденный трезвенник, сегодня был еще и за рулем, поэтому излить душу мог только в задушевных беседах с нашим деревенским знакомцем Савелием, а вот я имел полное право опрокинуть стопку-другую-третью. Не каждый день вы встречаетесь носом к носу с гадюкой!

Выйдя из чащобы на опушку, храбрый истребитель змей поспешил в деревню, дабы поскорее убедиться, что его драгоценная «Нива» пребывает в целостности и сохранности, а заодно и отдать Савелию команду на приготовление закуси. А я решил минут десять отдохнуть на лесопилке, перевести дух. Стертые до кровавых мозолей ноги гудели, я уже начинал прихрамывать.

И вот теперь нужно было вставать и идти.

– Раз надо – значит, надо! – сказал я собакам, которые продолжали сидеть передо мной все в той же позе: не шелохнувшись и не сводя с меня глаз. – В конце концов, я хозяин своих ног, а не раб их! Правильно я говорю?

Интеллигенты, судя по всему, были согласны со мной, поскольку промолчали.

Жилых домов в этой деревеньке оставалось пять-шесть, не больше. Когда-то она была не из бедных: об этом говорили и прочность постройки высоких изб, и сохранившиеся кое-где затейливые наличники. Но это было давно, очень давно. Теперь она была такой же, как и сотни, тысячи других русских деревень, некогда подсеченных под корень и кое-как доживавших свой век.

Я подходил к дому Савелия. «Нива» моего приятеля стояла рядом с избой, над крышей висел обнадеживающий дымок. Я представил себе блюдо свежей вареной картошки, посыпанной укропом – и рот мой мгновенно наполнился слюной: бутерброд с гусиным паштетом не смог испортить мне аппетит. Все-таки, лучше еды, чем картошечка с укропом, человечество пока не придумало!

Перед тем, как войти в избу, я, по неизжитой профессиональной привычке, «проверился», то есть, незаметно осмотрелся. И тотчас обнаружил, что оба четве-

многих интеллигента всё это время были моей свитой. Очевидно, они рассчитывали на продолжение банкета. Что ж, просящему дается.

– Ожидайте, господа интеллигенты, – сказал я внушающим доверие тоном. – Что-нибудь вам сегодня обязательно перепадет!

И вошел в дом.

У старика в сенях всегда лежали тапки для гостей – и за много лет само их присутствие тут стало неким признаком стабильности, удостоверяющим, что всё у Савелия идет по-прежнему, никаких плохих перемен нет. Надеть эту обувь я никогда даже не пытался – дух, исходивший от нее, на корню уничтожал сие намерение. Эти тапки, безусловно, были антикварными, но на аукцион «Сотби» я бы их не выставил.

Я поискал тапки глазами – и, найдя этот шедевр сапожного искусства на своем обычном месте, повеселел. Значит, у нашего доброго знакомого всё в порядке.

Перед тем, как взяться за ручку двери, бросил взгляд в старое, местами облупившееся, мутное зеркало. Увидел там себя – такого же мутного, со слегка подправленными в сторону кривизны чертами родного, хотя и поднадоевшего лица. – Поправил растрепавшиеся в лесу волосы. И, мельком глянув в окошко, выходящее на деревенскую улицу, заметил в отдалении, на другом конце деревни, ярко-красную иномарку – под цвет пожарной тревоги.

Такие яркие, небольшие машины состоятельны: джентльмены часто дарят при расставании своим любовницам, как бы за безупречную службу. И еще подобные драндулеты почему-то очень любят покупать себе, в середине своей карьеры, российские бизнес-леди.

Хотя, я могу и ошибаться. Статистики ведь на сей счет нет никакой. Одни наблюдения.

– Так-так-так, конкуренты приехали! – весело сказал я. – Но ведь все грибы поблизости мы уже собрали. Добро пожаловать в лес без грибов, но с поджидающим вас гостеприимным лещим!

И, наконец, вошел в зало.

В этом ограниченном добротными бревнами пространстве меня ждали и были мне рады. Хозяин, седой крепыш с кустистыми бровями, обнял меня и похлопал по спине медвежьей лапцей. А истребитель змей, усевшийся в красный угол, под образа, – энергично покрутил перед собой руками: дескать, давай скорее, жратва стынет!

Оба они, покуда я общался с деревенской интеллигенцией, времени зря, похоже, не теряли: на столе, в большом деревянном блюде из березового каца, вырезанном лет сто тому назад, высилась гора дымящейся картошки. Рядом стояли тарелки с жирной, нарезанной крупными ломтями, селедочкой, посыпанной кружками романовского лука и слетка, для остроты, приправленной уксусом. Эх, и заправимся мы сейчас!

Я вынул из своего мешка хлеб и ветчину. Племянница хозяина, юная пэтэушница Аленка, плотная розовощекая девушка из той исчезающей породы россиян, о которой говорят «кровь с молоком», мигом нарезала всё это и разложила по тарелкам. А потом еще, для полного счастья, принесла из погреба огурчиков и квашенной капусты. Капуста, естественно, была прошлогодняя (новая еще не поспела), но выглядела весьма аппетитно.

Последним, что я достал из мешка, была бутылка коньяка. И довольно сносного, надо заметить. Если вы скажете мне, что сельский житель ничего не понимает в коньяках и угощать его этим напитком бессмысленно, то ошибетесь. Во всяком случае, применительно к Савелию. В доме у нашего знаконца перебивало много разных людей – места-то грибные! – и коньяк он употреблял за милую душу.

Правда, закусить его он мог и селедочкой. Как и я, впрочем.

– Ну что, со встречей! – от души сказал хозяин, когда мы, утомившись, сели за стол и налили по первой.

Вежливо подождав, пока мы с приятелем опрокинем в жаждущие утробы первые дозы живительной влаги, он последовал нашему примеру. Шумно втянул носом воздух, покрутил головой, одобряя мой выбор напитков – и потянулся за огурцом. Судя по некоторым

внешним признакам, он, да и его племянница, причислялись еще до моего прихода. Что ж, я его не осуждал. Ждать да догонять нет хуже, говорит русская поговорка. А ждать выпивки, когда она запаздывает, вообще губительно для организма. Похоже, дядька с племянницей к своим организмам относились бережно.

Истребитель змей уже наворачивал картошку с сеledкой, и я с удовольствием присоединился к этому занятию. Савелий с Аленой налегали на городскую ветчину. Прежде, по молодости, хозяин и сам дельвал окорока. Но со временем он запустил это дело. Да и кого тут, в глуши, кормить окороками!

Я познакомился с Савелием лет этак двадцать тому назад при любопытных обстоятельствах. Впрочем, это сейчас я могу употребить сей эпитет, а тогда эти обстоятельства мне представлялись не любопытными, а весьма утомительными и даже непреодолимыми.

Дело в том, что как раз тогда у меня родился, наконец-то, долгожданный мальчишка. В отличие от молчуньи-дочки, он оказался изрядным крикуном, за что я его тут же окрестил «Политиком». Так это прозвище к нему и прилипло.

– Что, Политик, опять описался? Нехорошо...

– Политик, замолчи, наконец! Дай папе поспать, ему рано на работу.

С холода Политик изводил меня и жену своим ором. Спасла нас соседка по лестничной клетке. Мо-

жет, пожалела нас, а может, ее и саму «достал» наш сын, но однажды она зашла к нам и о чем-то пошепталась с моей супругой. Тем же вечером моя благоверная категорически потребовала, чтобы я завтра же запрягал свою «семерку» и вез ее и сына в деревню (как вы уже догадались – в ту самую деревню, где мы сейчас пировали). Там, оказывается, жила некая чудо-бабушка, умеющая заговаривать орущих младенцев.

– Интересно... – протянул я недоверчиво. – Как это она будет его «заговаривать»? Он же слов-то ведь не понимает! Да и вообще... я же партийный...

– Не твоего партийного ума дело, – отрезала моя супруга. – Мне здоровье ребенка дороже, чем твой партбилет. Сегодня суббота, выходной, надо ехать!

Делать было нечего. Я пошел в гараж, и через час мы уже всем семейством катили к гости к чудодейственной бабушке, за семьдесят километров от города.

Я рассчитывал увидеть древнюю, узловатую старуху, что-то вроде Бабы-Яги в исполнении Миллара. Но нас встретила приветливая женщина лет шестидесяти. Пригласила в чистенькую горницу, где в углу горела лампада перед иконой, предложила присесть.

Жена начала было объяснять суть дела, но хозяйка мягко прервала ее.

– Да я вижу, милая – кричит он у тебя. Я помогу.

Как человек партийный, да еще и впечатлительный, я вышел на улицу покурить. Вскоре жена покликнула меня обратно. Чудо свершилось, наш Политик присмирел.

Супрута потом рассказала мне, как это было. Знахарка помолилась перед иконами, побрызгала нашего сына святой водой – и что-то долго шептала над ним, поглаживая мальчика по животу.

Ни денег, ни подарка она не приняла, объяснив, что тогда уйдет ее сила.

А наш Политик с тех пор сделался тихим ангелом. Но настоящим политиком, когда вырос, не стал. Орать-то разучился.

И вот теперь я сидел в той самой избе, где произошло это чудо, и пил коньяк вместе с сыном той самой знахарки, Савелием. Еще тогда, двадцать лет назад, его не звали ни Савушкой, ни Саввой – только Савелием. Как-то оно ему очень шло, это имя.

Беседа наша уже взлетала из круга рыбацко-охотничьих баек на экономико-политические высоты: хозяин избы сетовал на то, что его земельный пай, переданный в пользование полуразвалившемуся колхозу, нынче опять не пахали и не засевали, хотя по весне и собирались.

– Забыл уж, как и трактора-то гудят! Раньше к этому времени уже пары бы подняли, да озимые посеяли – а сейчас нет ничего. Пусто. Никому не нужно.

Говорил он об этом почти равнодушно, но было заметно, что судьба его земли, которую он сам уже не мог обрабатывать, земли неухоженной, брошенной, по-настоящему волновала его.

– Ну, и что же ты с ней думаешь делать? Она всль у тебя сейчас – как жена без мужа: родить не может.

– А не знаю. Слышал, продают многие.

– Но продажа сельхозугодий, вроде бы, запрещена... – неуверенно заметил мой приятель, не великий знаток земельных законов.

Савелий глянул на него, как на недоумка.

– Нашли выход! Народ у нас хитрый, лазейку всегда найдет. Можно ведь подарить свой пай, к примеру... за деньги. За немалые деньги.

– Это какие ж немалые?

– Тыщ сорок за пай.

– А площадь земли какая?

– Восемь гектаров.

Алена, покрасневшая и еще больше похорошевшая, усмехнулась:

– Привираешь, дядюшка. Это ж много получается!

– Много и есть. Вон то поле, которое вы переходили, когда из лесу шли – оно ведь всё мое, – со значением сказал хозяин. – А когда помру – твое будет, Аленка.

– Ты уж лучше живи... А я и в городе как-нибудь устроюсь, работа сейчас есть. Потом замуж, глядишь, выйду. Меня хоть сейчас возьмет один... и квартира у него есть.

– Ишь ты! А Вовка-то как же? Разве ж не пойдешь за него? Вроде любовь у вас... а?

Засмеявшись, племянница удалилась на кухню. Очевидно, эту тему она не желала обсуждать при посторонних.

– А кто ж это – Вовка? – подал вдруг голос истребитель змей. Похоже, в нем заговорила мужская зависть.

– Вовка-то? А вот вырубки в лесу видел? Его рук дело. Сколотил бригаду, валит лес... лесопилка, почти-тай, без отдыха хреначит. Иномарку себе купил, дом новый поставил. Теперь вот жениться надумал.

– Ну, что ж завидная партия для Аленки, – заметил я. – Хотя, она и в городе не пропадет. У красивой девушки всегда есть выбор.

– Да не любят его у нас! И не за то, что зажил хорошо. Лес люди жалеют. Мальчишкой ведь он сам здесь бегал, а теперь лютует.

– Он что тут, в деревне, и живет?

– Нет, на станции. Когда из армии пришел, на «железке» сперва поработал, да платят там мало – решил в бизнес податься. Парень-то он, вообще-то, ничего, работающий. Да вот лес-то нам жалко! Скоро ведь повырубают всё кругом! Вот и конец будет русскому человеку. Без леса нам нельзя...

– А чем еще здесь заняться? – рассудительно заметил истребитель змей. – Колхоз ваш развалился, да и пьют там больше, чем работают. Что его там ждало? Такая же пьяная судьба...

Я молчал, думая о своем. Местного леса, зеленого, загадочного леса, с его грибами и лешими мне тоже было жалко, но в гораздо большей степени интересовала судьба земли. Вовка-то этот самый, может, и

прав по-своему: сам зарабатывает и другим дает. А вот земля – другое дело. Что с ней будет?

После третьей, когда мы все, задумавшиеся о судьбе родины и крестьянства, уже были готовы уронить слезу, в дверь постучали.

Стук был громким и частым: так стучат уверенные в себе люди. Либо милиция, либо пьяный сосед, ищущий денег на опохмелку.

– Входите, открыто! – крикнул хозяин.

Взглянув в окно, я увидел ту самую иномарку пожарного цвета, которая полчаса тому назад стояла на другом конце деревни.

В горницу тут же вошла молодая, лет двадцати пяти, женщина. На ней были обтягивающие все ее прелести джинсы и вишневая блузка, открывавшая для обозрения ее пупок.

Она поздоровалась, мы ответили тем же.

«На дворе-то уж не лето красное, – подумал я. – Больно загорелая... с Красного моря, что ли, недавно заявилась? – Ничего себе, видная мамзель. Эта и в городе не затерялась бы, а уж здесь... Только вот губы какие-то тонкие, поджатые... змеиные...»

Какие у змей губы, я, понятное дело, не знал. Нынче в лесу мог бы приглядеться, но что-то не захотелось.

«Нет, не в моем вкусе», – вынес я окончательный приговор. И тут же потерял к вошедшей всякий интерес.

– Проходите, садитесь к столу, – радушно сказал хозяин. – С чем пришли? Не из собеса, случайно?

– Нет, спасибо, я ненадолго. Хотела узнать, не хотите ли продать вашу землю.

– Кому же это? – спросил Савелий, несколько ошарашенный такой, без всяких прелюдий, прямоотой.

– Есть, кому.

– И какая же, примерно, будет цена, если соглашусь?

– А сами-то во сколько цените?

Савелий налил себе стопку и махом выпил. Захрустел огурцом.

Молчание затягивалось. Мы с приятелем, бывшие в этой ситуации сбоку припеку, вмешиваться не могли, хотя меня так и подмывало встрянуть в разговор. Хозяин дома, видимо, решил взять паузу.

Женщина в джинсах стояла, не меняя позы.

– Сколько? – наконец, прорвало Савелия. – Дед мой приехал сюда в первую мировую, от войны бежал. Человек был не бедный, купил эту землю за золото. Золотом заплатил! А ты чем платить собираешься?

Змея в джинсах не моргнула глазом.

– Золотом вряд ли. Да и зачем оно вам? Рублями привычной. Тысяч пятьдесят вам бы заплатили. Оформление за наш счет.

– Что ж вы с этой землей делать собираетесь? – поинтересовался хозяин.

– Это дело покупателя. Может, фермерское хозяйство заведет. Может, коттеджей настроит. Места тут у вас красивые, холмистые, река рядом. Стоков нет, вода чистая. Хороший дачный поселок получится!

– А я куда же?

– Да никуда. Живите в своем доме на здоровье, никто вас не выгонит.

– Хм, выгонит. Путь кто попробует! Я живо свищевую печать меж глаз поставлю.

Хозяин опять замолчал. Достал сигарету, закурил.

– Ну, я вас не тороплю, подумайте. О цене еще поговорим, она не окончательная, можно поторговаться. А упустите случай – другого может и не быть. Ваши соседи, кстати, тоже думают.

Я все-таки решил вмешаться и вставить пару слов.

– А вы ничего не путаете насчет коттеджного поселка? Земля-то у хозяина сельскохозяйственная. Как с законом-то быть?

– Я, кажется, не с вами разговариваю, – отрезала змея. – Владелец Савелий Николаевич, ему и решать.

– Ого! Вы уже и имя-отчество его знаете. Наверно, всю информацию о нем собрали...

– Не ваше дело, не вмешивайтесь. Сами-то живете, как вижу, неплохо. А человеку на старости лет пожить не даете.

– Да что ты, Савелий, ее слушаешь! – возник из небытия истребитель змей. – Они вас тут совсем уж за до-

хов держат! Этой земле цены нет! Если ты ее продашь – какой же ты будешь крестьянин? Так, дачник на пенсии!

В горнице опять повисло молчание. Савелий курил, глядя в пол. Судя по всему, он отнесся к неожиданному предложению весьма серьезно. Мужик он был непростой, блясти свою выгоду умел. «При его возрасте, да с его мизерной пенсией всякий бы задумался, наверно, – подумал я вдруг. – На что вот те же лекарства покупать? – Цены-то на них взлетели до небес...»

Савелий, словно прочитав мои мысли, пытливо глянул на меня, ища поддержки.

– Ты подумай, Савелий, – сказал я, улыбаясь. – Никто тебя не подгоняет. Надо всё хорошенько взвесить. А то проснешься однажды утром – а рядом новый помещик живет. А ему, глядишь, крепостные понадобятся...

– Да ты не пугай меня, Николаич, не пугай, – бросил хозяин дома. – Всю-то жизнь нашего брата пугают. А я уж никого не боюсь – отбоялся!

Однако, я видел, что он лукавил. Боялся Савелий, чего уж там. Потому, что и в самом деле не понимал, что его ждет в случае продажи земли, не умел предугадать будущего.

Женщина в джинсах, привыкшая, видимо, к такой реакции пожилых людей на ее предложение, спокой-

но стояла посреди деревенской горницы. Но молчание становилось таким тягостным, что и она не выдержала.

– Ну, что, Савелий Николаевич, я заеду через неделю. А вы пока подумайте. Дело выгодное! И вы с деньгами, и земля не пропадет. До свидания!

Змея уползла, пожарная иномарка исчезла из поля зрения. А вслед за ней заторопились и мы с приятелем.

Савелий с Аленой вышли нас проводить. У крыльца по-прежнему смиренно сидели два собачьих интеллигента, всем своим видом демонстрируя покорность судьбе и веру в человеческую доброту. Они вопросительно уставились на меня – и я, вспомнив о своем обещании, вернулся в дом. Набрал объедков – и накормил дворняг.

Приятель прогревал «Ниву», я молчал, глядя на собак. Они ели, изредка поглядывая на нас. Похоже, в их мозгах теплились мысль о том, что в одном из нас они могут обрести хозяина, который будет их кормить каждый день. И даже, может быть, построит им уютную будку... Пусть даже и на цепь посадит, можно потерпеть. Лучше небольшой клочок земли, где сытно и спокойно, чем вся земля – но с вечной заботой о куске хлеба.

Впрочем, они, конечно, так не думали. Просто вкушали от наших щедрот.

Савелий тоже глядел на них – и я видел по его лицу, что он думает о чем-то похожем.

Нам пора было уезжать.

– Не торопись, Савелий, – сказал я на прощанье. – Продать – дело нехитрое, всегда успеешь. Не торопись!

Он молча обнял меня. Алена тоже приложилась, чмокнула в щеку. Сквозь алкогольные пары, исходившие от нас обоих, я на мгновение почувствовал ее запах – запах молодости, силы, надежды.

Старенькая «Нива» истребителя змей катила по лесной дороге, с которой было хорошо видно расстилавшееся поодаль бывшее колхозное поле. Желтые, оранжевые, красные краски осени полыхали вокруг, но в пейзаже этом была разлита какая-то тихая, покорная печаль – и я тоже, невольно поддавшись этому настроению, загрустил. Хотя всё у нас с приятелем было хорошо: отдохнули, набрались сил, белых грибов набрали полные корзинки. Да еще и пофилософствовали вволю.

«Когда-то еще вот так придется отдохнуть? – думал я, провожая взглядом березы, осинки, пригорки. – Да и вообще, попадем ли мы в этот лес в следующий раз? Змеи и лешие, похоже, берут верх в родных краях...»

«Ниву» потряхивало на дорожных колдобинах.

СОДЕРЖАНИЕ

Подсказка ангела. <i>Повесть</i>	5
Светские беседы на пленэре. <i>Повесть</i>	57
Пан Анджей. <i>Повесть</i>	107
Домино. <i>Повесть</i>	145
Не торопись, Савелий. <i>Повесть</i>	195

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Альфред Николаевич Симонов

ПОДСКАЗКА АНГЕЛА

Лирические повести

Литературный редактор **Евгений Чеканов**

Верстка **Виктор Алмазов**

Корректор **Ирина Тарасова**

Дизайн обложки **Георгий Дмитриев**

ISBN 978-5-904457-01-3 (издательство «Ещё не поздно!»)

Заказ №10209

Сдано в набор 3.5.09г.

Подписано в печать 5.6.09г.

Формат 70x108/32

Гарнитура Garamond, 8,3 у.п.л.

Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии "С Принт-72"